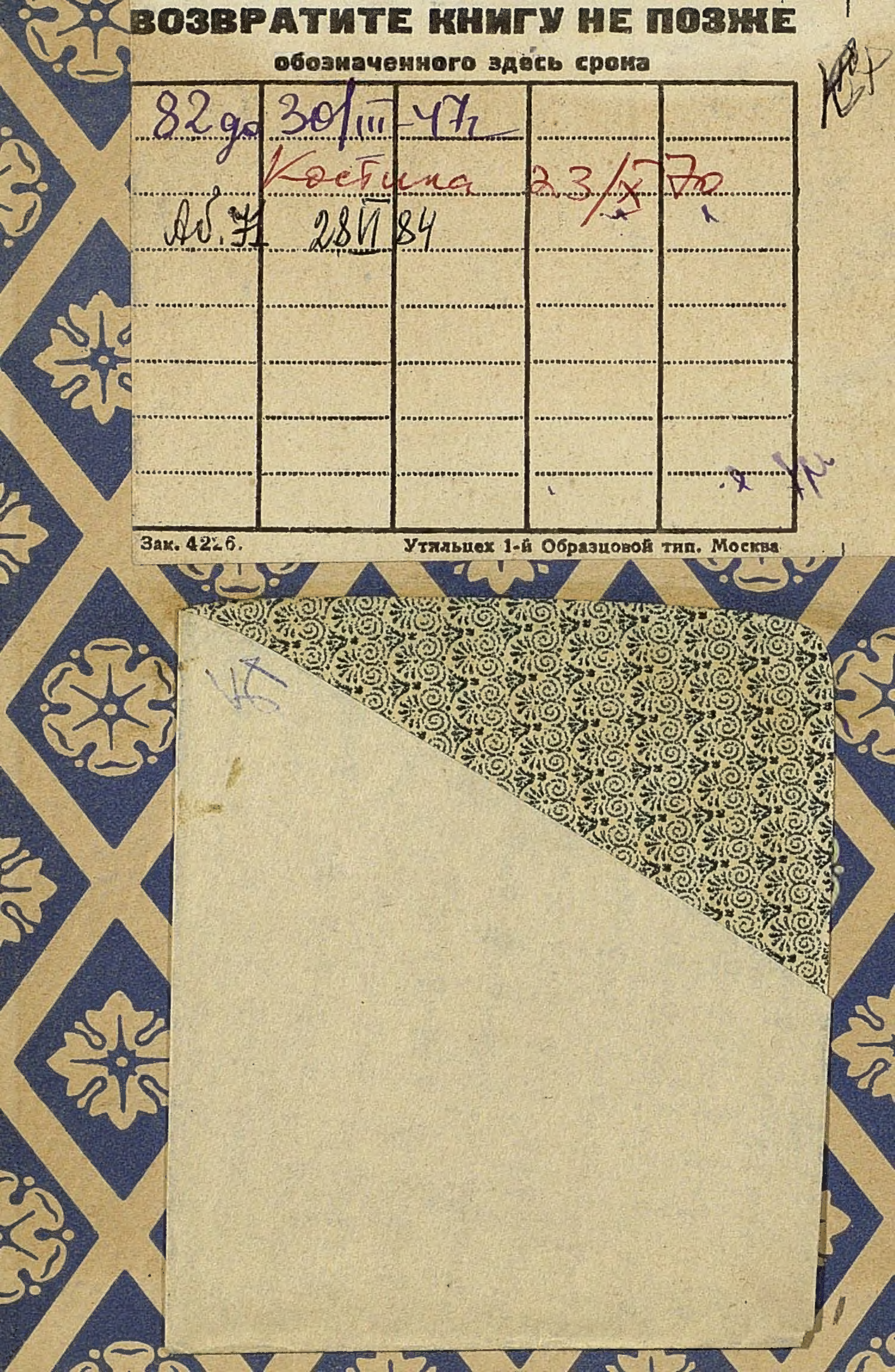
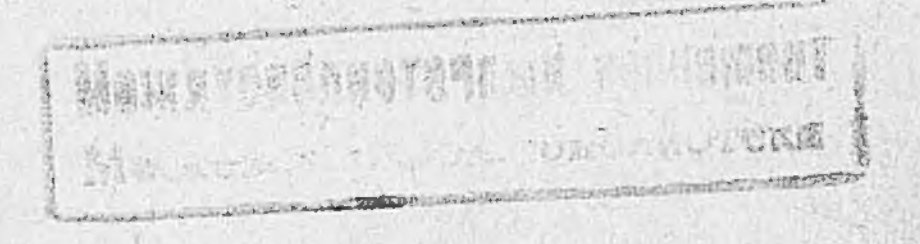

В(С)Р
Р-17
РАЗГОВОРЫ
ПУШКИНА
ИЗД
ФЕДЕРАЦИЯ
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФЕДЕРАЦИЯ
Ф

Памяти
Бориса Львовича
Модзалевского

Идея настоящей книги принадлежит покойному Борису Львовичу Модзалевскому. Увлеченный мыслью собрать воедино устные высказывания Пушкина, Борис Львович согласился принять на себя не только редактирование этой книги, но и общее направляющее руководство нашей работой. В письме к А. Н. Тихонову, от 26 января 1928 г., Борис Львович замечал по поводу нашей работы, уже близившейся к концу: „По моему личному убеждению и по впечатлению от просмотра части работы, книга будет интересная для широкой публики и полезная для специалистов... Работа большая и трудная; она будет проделана по такому исключительному, полному и хорошо подобранному материалу, какой сосредоточен в Пушкинском Доме".

Книга эта, — на-ряду с третьим томом „Писем" Пушкина, — является последним трудом, которым был занят Борис Львович. В нее вложил он частицу своей большой души, для нее урывал часы от своего отдыха, всегда слишком кратковременного, чтобы поддержать его гаснущие силы.

Для нас эта книга, поэтому, навсегда останется драгоценной памятью о последних часах совместной работы с Борисом Львовичем, работы под его руководством, в которой еще раз отразилась его творческая мысль и его глубокая, проникновенная любовь к Пушкину.

После смерти Б. Л. Модзалевского завершение начатой им редакционной работы приняли на себя Юлиан Григорьевич Оксман и Мстислав Александрович Цявловский. Ими книга была прочитана в рукописи и сделан ряд ценных указаний, воспользовавшись которыми мы взяли на себя смелость почесть нашу работу законченной.

В процессе работы неоднократно пользовались мы советами и указаниями также Н. В. Граве, Н. В. Измайлова, И. А. Кубасова, П. Е. Рейнбота, В. И. Саитова, А. А. Сиверса, И. М. Троцкого, С. П. Шестерикова и С. Я. Штрайха. Всем упомянутым лицам приносим свою искреннюю и глубокую благодарность, равно как и сотрудникам Пушкинского Дома и Русского отделения Государственной Публичной библиотеки, — в особенности А. В. Николаеву, — с исключительной готовностью приходившим нам на помощь.

„Много алмазных искр Пушкина рассыпано тут и там в потемках; иные уже угасли, и едва ли не навсегда“.

В. И. Даль (1844).

РАЗГОВОРЫ ПУШКИНА

„Одушевленный разговор его был красноречивою импровизациею, потому что он обыкновенно увлекал всех, овладевал разговором, и это всегда кончалось тем, что другие смолкали невольно, а говорил он. Если бы записан был хоть один такой разговор Пушкина, похожий на рассуждение, перед ним показались бы бледны профессорские речи Вильмена и Гизо“ [1]...

Так отзывался о Пушкине Ксенофонт Полевой, отнюдь не принадлежавший к числу его апологетов. Но богатейшая Пушкиниана не располагает подобными записями. Между тем, в мемуарной литературе сохранилось множество весьма разноречивых свидетельств о Пушкине-собеседнике. Друзья поэта утверждали, что беседа его „стоила его произведений“ [2]. Нащокины рассказывали П. И. Бартеневу „о том удовольствии, какое они испытывали в сообществе и в беседах Пушкина. Он был душа, оживитель всякого разговора“ [3]. Неизвестный корреспондент И. И. Лажечникова, еще в 1832 году, писал, что, „разговаривая с Пушкиным, замечаешь, что у него есть тайна — его прелестный ум и знания. Ни блесток, ни жеманства в этом князе русских поэтов“ [4]. Гр. А. Д. Блудова вспоминает Пушкина с его „веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных, блистательных и добродушных шуток“ [5]..

---

[1] „Живописное Обозрение“ 1837, III.

[2] „Русский Архив“ 1885, I, стр. 462.

[3] Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым. Вступительная статья и примечания М. А. Цявловского. М. 1925, стр. 33.

[4] „Русский Архив“ 1886, I, стр. 164.

[5] Там же, 1903, I, стр. 492.

Л. С. Пушкин свидетельствовал даже, что „гениальность его брата выражалась преимущественно на словах, особенно в разговорах с женщинами“ [1]. Между тем, А. А. Муханов (в 1827 г.) писал брату о Пушкине: „Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе... Он стократ занимательнее в мужском обществе, нежели в женском, в котором, дробясь беспрестанно на мелочь, он только тогда делается для этих самок понятным“ [2]. Т. Н. Грановский, однажды имевший случай долго беседовать с Пушкиным, „причислял этот разговор к приятнейшим в своей жизни“ [3].

Встречаются и иные отзывы: В. И. Сафонович разочарованно вспоминает, что, во второй половине 20-х гг., к Н. К. Загряжской „на вечера являлся по временам поэт Пушкин; но он не производил особенного там эффекта, говорил немного, больше о вещах самых обыкновенных“ [4]. Наблюдательный и умный современник, гр. П. Х. Граббе, обедавший в 1834 г. с Пушкиным и Н. Н. Раевским, вспоминал: „К досаде моей, Пушкин часто сбивался на французский язык... Русской плавной, свободной речи от него я что-то не припомню: он как будто сам в себя вслушивался. Вообще пылкого, вдохновенного Пушкина уже не было“ [5]. Еще прежде того, в конце 1829 г., встретился с Пушкиным эсквайр Томас Рэйкс и отметил, что у Пушкина за целый вечер вырвалось только одно примечательное выражение [6].

В действительности, конечно, Пушкин оставался неизменно интереснейшим собеседником. „С месяц тому,—писал после смерти поэта М. Коркунов, — Пушкин разговаривал со мной о русской истории; его светлые объяснения древней „Песни о полку Игореве“, если не сохранились в бумагах, невозвратимая потеря для науки“ [7]. „Разговор его был полон жизни“, вспоминал А. И. Тургенев [8].

Уже из этих немногих отзывов, принадлежащих лицам, находившимся в различных взаимоотношениях с Пушкиным, явствует, сколь трудно на основании чужих впечатлений, чужих восприятий составить себе представление о беседе Пушкина. Очевидно одно, что в обще-

---

[1] „Русский Архив“ 1885, I, стр. 462.
[2] Там же, 1899, III, стр. 295.
[3] Рассказы о Пушкине, стр. 31.
[4] „Русский Архив“ 1903, I, стр. 143.
[5] Там же, 1873, стр. 785.
[6] Пушкин и его современники, XXXI—XXXII, стр. 106.
[7] „Московские Ведомости“ 1837, № 12.
[8] „Русский Архив“ 1903, I, стр. 143.

стве близких и интересных ему людей Пушкин был исключительно занимательным собеседником, тогда как в большом обществе, либо в среде людей чуждых и безразличных, он бывал замкнут и молчалив [1].

Многие собеседники Пушкина, — подобно упомянутому В. И. Сафоновичу, — встречаясь с ним, ожидали услышать от него нечто особенное, необычайное или даже специально наводили его на „возвышенные“ темы. Всех их наперед ожидало жесточайшее разочарование. Пушкин, по самому складу своего характера, конечно, менее всего склонен был удовлетворять праздное любопытство таких наблюдателей. В этом отношении весьма характерен рассказ, в свое время напечатанный П. И. Бартеневым: „Встреча немца с Пушкиным“. Незадачливый собеседник поэта тщетно пытался навести разговор на стихи Пушкина, на русалок, на „прекрасную, теплую, северную ночь“ и т. д. Пушкин на все отвечал совершенно „прозаически“, не поддаваясь на эти дешевые уловки.

Быть может, ярче всего короткий отзыв Л. С. Пушкина о красноречии своего брата: „. . .редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом, и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях“ [2].

Мысли каждого большого человека, — а большого писателя в особенности, — передаются нам трояким путем: в литературном творчестве его, будь то стихи, художественная проза, статьи, разного рода мемуарные записи, затем в эпистолярном наследии, в дружеской и деловой переписке и, наконец, в устных высказываниях. Эти последние представляют собой, естественно, материал наиболее текучий, менее всего поддающийся регистрации, а, между тем, ценность его для историка, для бытописателя и биографа сама собой очевидна.

Подлинные мысли и чувства писателя редко раскрываются сполна в художественном творчестве, еще реже в мемуарах, которые никогда не обходятся без некоторой позы, поскольку они, в конечном счете, всегда пишутся все-таки „в назидание потомству“.

---

[1] „Живописное Обозрение“ 1837, III.

[2] Л. Майков, Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки, СПб. 1899, стр. 9.

Если мы обратимся к письмам, например, того же Пушкина, то легко убедимся, что и в них он, видимо, далеко не всегда был вполне искренен. Черновики, которые, обыкновенно, предшествовали беловым письмам, даже к родителям, как будто свидетельствуют о зачастую мелочном контроле над своею мыслью, о контроле, который нередко, — особенно в письмах Пушкина к членам правительства, — приводил к полному вылущиванию, обескровливанию первичной мысли, в том виде, как она сначала вылилась на бумагу [1].

Этими соображениями обусловливаются органические преимущества устных высказываний, которые не могут быть подвергнуты позднейшему редактированию, а, в большинстве своем, являются отражением подлинных мыслей и настроений в самый момент разговора. Это последнее особенно подтверждается теми противоречивыми отзывами, явно вытекающими из случайных настроений, с которыми мы не раз встретимся ниже. Приведем пример: на вопрос М. В. Юзефовича, как удалось ему избежать подражания Жуковскому или Батюшкову, Пушкин отвечал: „Я этим обязан Денису Давыдову. Он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным". А другой раз, о том же Давыдове, заметил: „Военные уверены, что он отличный писатель, а писатели про него думают, что он отличный генерал". Подобные противоречия лишний раз свидетельствуют в пользу бо̀льшей непосредственности устного высказывания.

Но Пушкин не имел своего Экермана. Если разговоры его и записывались, то только ретивыми агентами Бенкендорфа и фон-Фока, интересовавшимися отнюдь не формой пушкинской речи и воспринимавшими ее в определенном аспекте.

Только уже в роковой день 27 января 1837 года, когда Пушкина, умирающего, уложили на диван, которому суждено было стать его смертным ложем, — друзья поэта спохватились, что надо сохранить для истории слова его. Поэтому эти предсмертные слова Пушкина, такие высокие и значительные, в своей безыскусной простоте, сохранились в целом ряде записей лиц, окружавших Пушкина в его последние часы (А. Тургенева, Жуковского, Вяземского, Даля, Данзаса, Спасского, Шольца). Сличение разных рассказов свидетельствует зачастую о почти стенографической точности их, исключая того, что было добавлено от себя, например, Жуковским, специально для царя.

---

[1] Ср. у Б. Л. Модзалевского, Письма Пушкина, Гиз, 1926, т. I, предисловие.

И это, по существу, все, что осталось нам в наследие от пушкинской речи.

Историку, когда он не имеет в руках подлинника, приходится прибегать к копии, к пересказу, к преданию. Таких случайных записей разговоров Пушкина сохранилось множество. Задача, поставленная нами, и сводится к тому, чтобы собрать воедино, по возможности все, высказывания Пушкина, рассеянные в необъятном море мемуарных и эпистолярных записей минувшего столетия. Мысль эта далеко не новая и давно уже занимала внимание исследователей Пушкина. Еще в 1904 г. В. Ф. Саводник писал, что „было бы очень желательно собрать все сохранившиеся подлинные слова Пушкина, разбросанные в массе литературного материала, в одно целое: такой сборник явился бы естественным дополнением к печатным статьям и заметкам Пушкина. Конечно, при этом придется сделать строгую критическую проверку собранного материала, с точки зрения его достоверности“ [1].

С этим последним обстоятельством приходится сугубо считаться при собирании разговоров Пушкина. Наиболее достоверным, естественно, является материал, почерпнутый из разного рода дневников и иных записей, производящихся непосредственно после описываемых в них событий. Примером могут служить записи М. П. Погодина, абсолютная достоверность которых не подлежит никакому сомнению. Авторитетны и записи, извлекаемые из писем друзей и знакомцев Пушкина, передававших нередко, под свежим впечатлением беседы с ним, разного рода его замечания или примечательные выражения.

Но, чем бо̀льший срок отделяет привлекаемые нами записи от того времени, к которому относятся фиксируемые в них факты, тем с бо̀льшей тщательностью обязаны мы проверять достоверность источника. Всевозможные записки, а особенно воспоминания, пишущиеся часто по истечении многих десятилетий, не могут, конечно, служить абсолютно достоверным источником уже по одному тому, что памяти человеческой положены известные пределы, вне которых даже самый добросовестный мемуарист не гарантирован от привнесения в свои записи собственных домыслов. В отношении же воспоминаний о Пушкине нередко имела место и попросту, более или менее искусная, фальсификация. Так, новейшими исследователями разоблачена фантастичность сведений, заключенных в двух источниках, авторитетность которых долгое время почиталась незыблемой. Это воспоминания

---

[1] „Русский Архив“ 1904, II, стр. 150.

друга Пушкина, А. О. Смирновой, составленные, в существе своем ее дочерью, и воспоминания племянника поэта, Л. Н. Павлищева. И те, и другие приходится решительно отвергнуть, как материал явно недоброкачественный.

Это, конечно, далеко не единичные случаи. Популярный в прежнее время писатель, А. Грен, после смерти Пушкина, не постеснялся напечатать вымышленное письмо поэта и сослаться при этом на мифический архив поэта В. Г. Теплякова, из которого он будто бы и извлекал свои материалы.

Повидимому, в первые десятилетия после смерти поэта слишком велико было искушение у разных проходимцев связать свое имя с именем, которое невольным и благоговейным трепетом отдавалось в сердце всей России. Слишком велик оказался искус вложить в уста Пушкина мнимые похвалы своему грошевому творчеству или просто, путем измышления какого-нибудь эпизода, пристегнуть себя к биографии его, чтобы хоть на мгновение блеснуть отраженным светом.

С течением времени, по естественным причинам, новый приток воспоминаний о Пушкине пошел на убыль. Ему на смену явился материал еще более апокрифического характера. Многие литераторы, путешествуя по пушкинским местам, — в Михайловском и Тригорском, в Бессарабии, в Новороссии, на Кавказе, — стали встречать, доживающих свой век, современников Пушкина и, с их слов, записывали устные предания о нем.

Вопрос о том, как поступать со всем этим материалом, решается различно, поскольку он далеко не равноценен. Мы имеем мемуары о Пушкине абсолютно достоверные. Таковы, например, записки и воспоминания А. П. Керн, А. Н. Вульфа, И. И. и М. И. Пущиных, А. Ф. Вельтмана, В. И. Даля, С. А. Соболевского, Вяземских, Нащокиных и т. д., и т. д. И на-ряду с ними множество свидетельств, в массе своей относящихся ко времени ссылки Пушкина на юг, достоверность которых находится под бо́льшей или меньшей величины знаком вопроса. Подчас даже и у таких свидетелей, каковы Жуковский или Гоголь, в их воспоминаниях о Пушкине звучат фальшивые ноты, за которыми можно предполагать их редакторские исправления, диктовавшиеся политическими, либо полемическими соображениями. Опуская все заведомо опороченное и неправдоподобное, мы, однако, нашли возможным включить в наше собрание и те записи разговоров Пушкина, которые не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты, при

современном состоянии пушкиноведения. Последние отмечены звездочками.

За всем тем в настоящем издании неизбежны пропуски, ибо немыслимо объять необъятное. Должно, впрочем, оговориться, что, поскольку наша работа не преследует библиографических или регистрационных целей, мы опустили все, встречающиеся в литературе, ничего не дающие высказывания Пушкина, выражающиеся в общеупотребительных словах согласия, приветствия и т. п.

Существует и еще один источник, о котором надлежит упомянуть особо. Это автобиографические записи самого Пушкина, во-первых, дневник его, затем письма и, наконец, различные статьи и заметки. Материал, почерпнутый из этого источника, конечно, наиболее авторитетен, ибо если и допустить (как оно, вероятно, и было в действительности), что Пушкин, воспроизводя ту или иную беседу свою, крайне далек был от стенограммы, то, во всяком случае, он более чем кто-либо другой, должен был сохранить и воспроизвести общий тон и характер разговора.

Из этих же соображений нами включен в наше собрание, например, и пушкинский „Предполагаемый разговор с Александром I“, заведомо не имевший места в действительности; но он, сколько мы можем судить, как нельзя более отражает пушкинскую живую речь, и позволительно думать, что, случись Пушкину говорить с Александром, он говорил бы именно так.

Включая этот разговор, являющийся по существу не автобиографическим отрывком, а литературным этюдом, мы, однако, воздержались от извлечения разговоров Пушкина заключающихся в поэтических произведениях его, поскольку эти последние, в форме своей, подчинены общим законам стихосложения и поэтому не могут служить иллюстрацией пушкинской живой речи.

Наконец, нами включены в наше собрание и отдельные замечания, слова, реплики и диалогические отрывки.

При распределении материала мы нашли наиболее целесообразным придерживаться хронологического принципа, уклонившись от тематического распыления материала, полагая, что, таким образом, ярче выявится многообразие Пушкина, который и в действительных беседах любил менять предметы обсуждения, легко переходя с одного на другой.

При осуществлении нашей работы, прежде всего, надлежало решить вопрос о том, какой материал подлежит собиранию: те ли высказывания Пушкина, которые переданы в первом лице, т.-е. непосредственно от его имени, либо переданные в третьем лице. На первый взгляд подобный отличительный признак, сам по себе, носит чисто формальный и условный характер. В самом деле, мемуарист, записывая беседу свою с Пушкиным, может выразиться:

„Пушкин сказал, что последняя глава „Онегина“ закончена“,

или:

„Пушкин сказал: «Последняя глава „Онегина“ закончена»“.

В том и другом случае мы имеем дело попросту с различными повествовательными приемами, зависящими от литературной манеры автора.

Производные же явления, вытекающие из этого различия, много глубже. Та или иная манера повествования, несомненно, отражается на степени достоверности рассказа. Не нужно быть искушенным в биографии Пушкина, дабы, читая в воспоминаниях Павлищева, либо Смирновой, длинные, на нескольких страницах, разговоры Пушкина, заподозрить их подлинность, по одному тому уже, что человеческая память бессильна сохранять в тайниках своих многие годы, а иногда и десятилетия, подобный разговор. Другой пример: Фелькнер, в статье „Из воспоминаний о Пушкине“, напечатанной в 1880 г., т.-е. через 43 года после смерти поэта, приводит грандиозный рассказ, будто бы, Пушкина о виденном им сновидении. Можно априорно сказать, что и этот рассказ — плод фантазии автора.

Если бы мы, подобно В. В. Вересаеву (в его книге „Пушкин в жизни“), преследовали биографическую цель, либо намеревались составить сборник мыслей Пушкина, вроде толстовского сборника „Мысли мудрых людей на каждый день“, — мы, конечно, должны бы были сосредоточить свое внимание на свидетельствах, приведенных в третьем лице. Но мы отнюдь не преследуем ни той, ни другой цели. Черпать мысли Пушкина из воспоминаний о нем было бы попыткой с явно негодными средствами, при наличии его сочинений. Биография же Пушкина, по нашему глубокому убеждению, должна разрабатываться иными методами и строиться на более фундаментальных основах, тогда как подобные мозаики, где ценнейшие фрагменты переплетаются с ничтожными выдумками, ни в какой мере не оправдывают ни себя, ни их автора.

Отрешившись от подобных целей, мы избрали и противоположный принцип подбора материала. При всех несовершенствах свидетельств, передаваемых от первого лица, должно учесть, что, в существе своем, ничего бы не изменилось и в том случае, ежели бы Павлищев или Фелькнер вели свой рассказ в третьем лице. Вымысел остался бы вымыслом. Напротив, ознакомившись однажды с характерными особенностями пушкинской речи, нам легче из общей массы материала отсеять вымысел, легче уличить фальсификатора, вкладывающего в уста Пушкина вымышленные слова.

Между тем, добросовестный мемуарист чувствует себя несравненно более связанным, когда он ведет рассказ собственно от лица Пушкина. Он оказывается вынужденным возможно точнее передавать приводимый разговор. Конечно, должно иметь в виду, что, вопреки всем предосторожностям и самому серьезному критическому анализу, в собрании нашем найдутся вымыслы: должно учесть и то, что в высказываниях Пушкина, приводимых мемуаристами, несомненно, есть неточности, более или менее серьезные отступления от подлинного строя пушкинской речи, имеющие своим источником слабость человеческой памяти.

Несомненно еще и то, что дошедшие до нас отрывки не могут дать полного представления о речи Пушкина. Виною тому—его современники, не всегда обладавшие достаточным критерием для оценки своих бесед с Пушкиным.

Но все эти недостатки искупаются одним обстоятельством: в целом эта книга должна дать понятие об особенностях живой речи Пушкина. В меру возможного, она воскрешает слово Пушкина и, через столетний туман былого, доносится к нам, пусть слабая, пусть часто искаженная, речь поэта, „солнца русской поэзии“, того Пушкина, с последним словом которого вся Россия облачилась в глубокий траур.

И если читателю за страницами этой книги послышится живое слово Пушкина, если он, зная Пушкина-поэта, Пушкина-литератора, прочтя эту книгу, ощутит еще Пушкина-собеседника, тогда основная цель нашей работы будет достигнута.

Сергей Гессен

Июнь 1928.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Анненков — Сочинения Пушкина. Издание П. В. Анненкова. Том I. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб. 1855.

Барсуков — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды Погодина.

Бартенев — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах. Вступительная статья и примечания М. А. Цявловского. М. 1925.

Библ. Зап. — „Библиографические Записки".

Кн. П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. Изд. гр. С. Д. Шереметева. СПб. 1878—1887, тт. I—XII.

ГМ — „Голос Минувшего".

Грот — Труды Я. К. Грота. Том III. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб. 1901.

Данзас — Амосов. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. Со слов К. К. Данзаса. СПб. 1863.

Ефремов — Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. СПб. 1905.

ИВ — „Исторический Вестник".

Майков — Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899.

Морозов — Сочинения и письма А. С. Пушкина. Под редакцией П. О. Морозова. СПб., к-во „Просвещение".

Новые материалы о дуэли. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. Пб. 1924.

ПС — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Под редакцией Б. Л. Модзалевского.

Пущин — Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция С. Я. Штрайха. М. 1927.

РА — „Русский Архив".

РВ — „Русский Вестник".

РС — „Русская Старина".

Ст. и Нов. — „Старина и Новизна".

Щеголев — П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 2. Птг. 1917.

РАЗГОВОРЫ ПУШКИНА

1811—1812 гг.

Воспитанникам Лицея было задано написать в классе сочинение: в о с х о д с о л н ц а (любимая тема многих учителей словесности, преимущественно прежнего времени). Все ученики уже кончили сочинение и подали учителю; дело стало за одним, который, будучи, вероятно, рассеян и не в расположении в эту минуту писать о таком возвышенном предмете, только вывел на листе бумаги следующую строчку:

Се от Запада грядет царь природы...

— Что ж ты не кончаешь? — сказал автору этих слов Пушкин, который прочитал написанное.

— Да ничего на ум нейдет, помоги, пожалуйста, — все уже подали, за мной остановка!

— Изволь! — И Пушкин так окончил начатое сочинение:

И изумленные народы
Не знают, что̀ начать:
Ложиться спать
Или вставать?

Тотчас по окончании последней буквы сочинение было отдано учителю, потому что товарищ Пушкина, веря ему, не трудился даже прочитать написанного.

Можете себе представить, каков был хохот при чтении сочинения двух лицеистов.

„Анекдот о Пушкине“. „Москвитянин“ 1853, № 4, февраль, кн. 2: Смесь, стр. 107.

Не помню, он [С. Г. Чириков][1] или другой кто рассказывал ныне общеизвестный анекдот, что однажды профессор Кошанский[2] задал некоторым из своих учеников 1-го курса написать стихи на закат солнца. (Эти стихотворные опыты обыкновенно прочитывались в классе). Кто-то начал свое стихотворение следующим образом:

Восстал на Западе блестящий сын природы...

Пушкин тотчас же вскочил с своего места и продолжал:

Не знают: спать иль встать смятенные народы.

Затем—взрыв смеха всего класса и самого профессора.

А. Н. Яхонтов. Воспоминания Царскосельского лицеиста 1832—1838. РС 1888, № 10, стр. 117.

1812 г., ноябрь.

За обедом вдруг начал громко говорить, что Вольховский[3] г-на инспектора боится, и видно оттого, что

---

[1] Чириков Сергей Гаврилович (1776—1853), учитель рисования и гувернер Лицея с 1811 по 1841 г.

[2] Кошанский Николай Федорович (1783—1831), доктор философии, с 1811 по 1828 г. в Лицее профессор русской и латинской словесности.

[3] Вольховский Владимир Дмитриевич (1798—1841), лицейский товарищ Пушкина, получивший 1-ю золотую медаль. Впоследствии член Союза благоденствия.

боится потерять доброе свое имя, а мы, говорит, шалуны, его увещеваниям смеемся.

М. С. Пилецкий[1]. Из „Журнала о поведении воспитанников имп. Лицея за ноябрь 1812 г.“.
И. А. Шляпкин. К биографии А. С. Пушкина, СПб. 1899, стр. 17.

6 ноября.

Пушкин 6-го числа в суждении своем об уроках сказал: „Признаюсь, что логики я, право, не понимаю, да и многие, даже лучшие меня, оной не знают, потому что логические силлогизмы весьма для него невнятны“.

М. С. Пилецкий. Из „Журнала о поведении воспитанников имп. Лицея за ноябрь 1812 г.“.
И. А. Шляпкин. К биографии А. С. Пушкина, СПб. 1899, стр. 17.

23 ноября.

... Когда я у г-на Дельвига [2] в классе г-на профессора Гауеншильда [3] отнимал бранное на г-на инспектора сочинение, в то время г-н Пушкин с непристойною

---

[1] Пилецкий-Урбанович Мартын Степанович (1780—1859), надзиратель по учебной и нравственной части Лицея с 1811 по 1831 г.

[2] Дельвиг барон Антон Антонович (1798—1831), Лицейский товарищ и один из ближайших друзей Пушкина, впоследствии известный поэт; издатель альманаха „Северные Цветы“ и „Литературной Газеты“. Дельвиг в бытность в Лицее принимал участие в процветавшем там сочинительстве, одним из плодов которого, видимо, и было упоминаемое сочинение.

[3] фон-Гауеншильд Фридрих-Леопольд Матвеевич (ум. 1830), профессор немецкого языка и словесности, стоявший также во главе Лицейского благородного пансиона.

вспыльчивостью говорил мне громко: „Как вы смеете брать наши бумаги, — стало быть, и письма наши из ящика будете брать“.

М. С. Пилецкий. Из „Журнала о поведении воспитанников имп. Лицея“. *И. А. Шляпкин*, стр. 17—18.

1815—1817 гг.

Лицейский анекдот: Однажды император Александр, ходя по классам, спросил: „Кто здесь первый?“ „Здесь нет, ваше императорское величество, первых; все вторые“, отвечал Пушкин.

С. П. Шевырев. Воспоминания о Пушкине. Майков, стр. 326.

Ср. у *П. Б[артенева]. Несколько замечаний о Пушкине.* РА 1899, III, стр. 615.

1817 г.

Дельвиг и Кюхельбекер[1] были частыми посетителями вечеров Энгельгардта[2], Пушкин очень редким; наконец, года за два до выпуска, он и вовсе прекратил свои посещения, предпочитая им гулянье по саду, или чтение. Это огорчало Егора Антоновича, как хозяина и как воспитателя. Как-то во время рекреаций, когда Пушкин сидел у своего пульта, Энгельгардт подошел к нему и, со свойственною, всегдашнею ласкою, спросил Пушкина: за что он сердится? Юноша смутился и отвечал, что сердиться на директора не смеет, не имеет к тому причин и т. д. „Так вы не любите меня“, — продолжал Энгельгардт, усаживаясь подле Пушкина — и тут же,

---

[1] Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), товарищ Пушкина по Лицею, поэт, декабрист.

[2] Энгельгардт Егор Антонович, директор Лицея с 1816 по 1822 г.

глубоко прочувствованным голосом, без всяких упреков, высказал юному поэту всю странность его отчуждения от общества, в котором он, по своим любезным качествам, может занимать одно из первых мест. Пушкин слушал со вниманием, хмуря брови, меняясь в лице; наконец, заплакал и кинулся на шею Энгельгардту.

— Я виноват в том, — сказал он: — что до сих пор не понимал и не умел ценить вас!..

К. А. Шторх по записи *[П. П. Каратыгина].* РС 1879, № 6, стр. 379.

1818 г.

...Около 1818 г., в бытность поэта в Петербурге, одна славная тогда в столице ворожея сделала зловещее предсказание Пушкину, когда тот посетил ее с одним из своих приятелей.

Глядя на их руки, колдунья предсказала обоим насильственную смерть. На другой день приятель Пушкина, служивший в одном из гвардейских полков ротным командиром, был заколот унтер-офицером. Пушкин же до такой степени верил в зловещее пророчество ворожеи, что когда, впоследствии, готовясь к дуэли с известным американцем гр. Толстым [1], стрелял вместе со мною в цель, то не раз повторял: „Этот меня не убьет, а убьет белокурый, так колдунья пророчила“ — и точно, Дантес был белокур.

А. Н. Вульф [2]. *Рассказы о Пушкине.* РС 1870, I (3-е изд.), стр. 582.

---

[1] Толстой граф Федор Иванович (1782 — 1846), прозванный „американцем“, известный бреттер, был женат на цыганке; впоследствии в 1830 г. был сватом Пушкина.

[2] Вульф Алексей Николаевич (1805—1881), сын П. А. Осиповой от первого брака, близкий друг Н. М. Языкова. С Пушкиным познакомился и подружился в бытность поэта в Михайловском.

Пушкин просто пришел... к Катенину [1] и, подавая ему свою трость, сказал: „Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей — но выучи!“ „Ученого учить — портить!“ — отвечал автор „Ольги“.

Анненков, I, стр. 55.

С.-Петербург.

Катенин, между прочим, помирил Пушкина с кн. Шаховским [2] в 1818 г. Он сам привез его к известному комику, и радушный прием, сделанный поэту, связал дружеские отношения между ними, нисколько, впрочем, не изменившие основных убеждений последнего. Тогдашний посредник их записал слово в слово любопытный разговор, бывший у него с Пушкиным, когда оба они возвращались ночью в санях от кн. Шаховского.

---

[1] Катенин Павел Александрович (1792—1853), служил в л.-гв. Преображенском полку, в 1820 г. уволен в отставку с чином полковника. В первые годы существования тайного общества был деятельным членом его. Известный писатель, драматург, впоследствии член Российской Академии (с 1833 г.) и почетный член Отделения русского языка и словесности Академии Наук (с 1841 г.).

[2] Шаховской князь Александр Александрович (1777—1846), знаменитый в свое время и плодовитый драматург, театральный деятель и педагог. Озеров Владислав Александрович (1769—1816), знаменитый драматург, долгое время безраздельно господствовавший на императорской сцене. Это последнее порождало против него происки и интриги, исходившие, повидимому, от его завистников, во главе которых молва упорно ставила Шаховского. Озеров вынужден был удалиться в деревню, где сошел с ума. В 1815 г. Шаховской, в своей комедии „Урок кокеткам или Липецкие воды“, осмеял Жуковского, что вызвало сильное возмущение в литературных кругах. Д. В. Дашков сочинил по этому случаю убийственную кантату, направленную против Шаховского. Кантата эта распевалась „арзамасцами“, в том числе, вероятно, и Пушкиным, занесшим ее в свои лицейские записки. Повидимому, она и явилась предметом беседы его с Катениным.

— Savez vous,—сказал Пушкин,—qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulou nuire sérieusement à Ozerov, ni à qui que ce soit. — „Vous l'avez cru pourtant,—отвечал Катенин,—vous l'avez écrit et publié; voila le mal“.—Heureusement,—возразил Пушкин,—personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez-vous qu'il en sache quelque chose? — „Non; car il ne m'en a jamais parlé“. — Tant mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais. [— Знаете ли вы, что, в сущности, он очень хороший человек? Я бы никогда не поверил, что он серьезно хотел вредить Озерову или кому бы то ни было. — „Вы, однако же, это думали, вы это писали и обнародовали, вот в чем зло“. — К счастью, никто не читал эту школьную пачкотню, думаете ли вы, что он знает об этом что-нибудь?—„Нет, потому, что он никогда мне об этом не говорил“.—Тем лучше, — поступим, как он, и никогда не будем об этом говорить.]

П. А. Катенин. Анненков, I, стр. 55 — 56.

1818—1819 гг.

Жуковский [1], когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебеленные, чтобы не марать рукописи, наклеивал на исправленном месте полосу бумаги с новыми стихами... Раз кто-то из чтецов, которому прежние стихи нравились лучше новых, сорвал бумажку и прочел по

---

[1] Жуковский Василий Андреевич (1792—1865), писатель, поэт и педагог, несмотря на разницу лет, близко сошедшийся с юношей Пушкиным, которого знал, повидимому, с детства, и остававшийся одним из ближайших друзей Пушкина всю его жизнь.

старому. В эту самую минуту Пушкин, посреди общей тишины, с ловкостью подлезает под стол, достает бумажку и, кладя ее в карман, преважно говорит:

— Что Жуковский бросает, то нам еще пригодится.

П. А. Плетнев [1] по записи *П. И. Бартенева. Материалы для биографии Пушкина.* Отд. отт. из г. „Московские Ведомости" 1855, №№ 142, 144, 145, стр. 32.

1818—1820 гг.

В заседаниях „Зеленой Лампы" [2].

Заседания наши оканчивались обыкновенно ужином, за которым прислуживал юный калмык, весьма смышленный мальчик... Он [Пушкин] иногда говорил:

— Калмык меня балует; Азия протежирует Африку! [3]

Я. Н. Толстой [4] по записи *М. Н. Лонгинова. Сочинения,* М. 1915, стр. 156.

---

[1] Плетнев Пётр Александрович (1792—1865), академик, писатель, поэт и педагог, принадлежавший к числу лучших друзей Пушкина, которому он был беззаветно предан.

[2] Общество „Зеленой Лампы", литературный кружок с политическим оттенком, существовавший в конце 1818 г. Пушкин принимал в нем участие вместе с Дельвигом прямо с лицейской скамьи.

[3] Намек на его африканское происхождение.

[4] Толстой Яков Николаевич (1791—1867), поручик, адъютант ген. А. А. Закревского. К периоду „Зеленой Лампы" относится сближение его с Пушкиным, посвятившим Толстому свои „Стансы" (1819).

После обеда у Аксакова[1] М. А. Максимович[2] рассказывал, что Кюхельбекер [3] стрелялся с Пушкиным (А. С.), и как в промахнувшегося последний не захотел стрелять, но с словом:

„Полно дурачиться, милый; пойдем пить чай“; подал ему руку и ушли домой.

О. М. Бодянский. Дневник. РС 1888, № 11, стр. 414.

С удовольствием повторяем здесь выражение самого Пушкина об уважении, которое нынешнее поколение поэтов должно иметь к Жуковскому, и о мнении его относительно тех, кои забывают его заслуги: „Дитя не должно кусать груди своей кормилицы“. Эти слова приносят честь Пушкину как автору и человеку![4]

Кн. П. А. Вяземский, I, стр. 181.

---

[1] Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), цензор Московского цензурного комитета, писатель, автор „Семейной хроники“, отец славянофилов И. С. и К. С. Аксаковых.

[2] Максимович Михаил Александрович (1804—1873), историк и энтограф, профессор Московского университета.

[3] О Кюхельбекере см. выше.

Дуэль эта состоялась из-за стихов Пушкина, написанных по случаю того, что Жуковский не явился на вечер, куда был зван. Когда его спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: „Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома“. Пушкин написал на это следующие стихи:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно.
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

[4] Ср. — Письмо Пушкина к К. Ф. Рылееву 25. I. 1825 г.

Кажется, Пушкиным было сказано о некоторых критиках Карамзина-историка:

„Они младенцы, которые кусают грудь кормилицы своей“.

Кн. П. А. Вяземский[1], II, стр. 365.

...[Анекдот о Пушкине, сохранившийся в его семействе]. Однажды на упреки семейства в излишней распущенности, которая могла иметь для него роковые последствия, Пушкин просто отвечал: „Без шума никто не выходил из толпы“.

П. В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху, СПб. 1874, стр. 85.

1819 г.

На балу у Олениных[2].

Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку с цветами, Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким[3], подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: „Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?“ [А роль аспида предназначена, конечно, этому господину]. Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла... За ужи-

---

[1] Вяземский князь Петр Андреевич (1792—1878), поэт и критик, один из преданных друзей Пушкина.

[2] Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), президент Академии Художеств и директор Публичной Библиотеки, в доме которого Пушкин часто бывал по выходе из Лицея. Жена его, Елизавета Марковна, рожденная Полторацкая (1768—1838), была родной теткой А. П. Керн по отцу.

[3] Полторацкий Александр Александрович (1792—1855), капитан, приятель Пушкина, двоюродный брат А. П. Керн.

ном Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как например: „Est-il permis d'être, aussi jolie!“ [Можно ли быть столь прелестной!]. Потом завязался между ними шутливый разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: „Во всяком случае в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у madame Керн [1]: хотела ли бы она попасть в ад?“ Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. „Ну, как же ты теперь, Пушкин?“ спросил брат. „Je me ravise [Я передумал], — ответил поэт, — я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины“...

А. П. Керн. Воспоминания. Майков, стр. 236.

Н. И. Тургенев [2], быв у Н. М. Карамзина и говоря о свободе, сказал: „Мы на первой станции к ней“. — „Да, — подхватил молодой Пушкин, — в Черной Грязи“.

Барсуков, I, стр. 68.

---

[1] Керн Анна Петровна, рожд. Полторацкая, во втором браке Маркова-Виноградская (1800—1879). Была впоследствии очень близка с Пушкиным, а также с Дельвигом и многими другими писателями. Пушкин посвятил ей несколько стихотворений, в том числе „Я помню чудное мгновенье...“, „Когда твои младые лета...“. На-ряду с этим, в письмах к его друзьям встречаются о Керн весьма циничные замечания. — Ср. РС 1879, № 6, стр. 384—385.

[2] Тургенев Николай Иванович (1789—1871), видный государственный и общественный деятель, член Союза благоденствия, декабрист, эмигрировавший за границу. Пушкин был очень близок с братьями Тургеневыми, в особенности со старшим, Александром Ивановичем (1784—1845), одним из наиболее выдающихся людей своего времени, другом и покровителем всех литераторов. Устраивавший в свое время Пушкина в Лицей, А. И. Тургенев остался на всю жизнь его большим другом, и он же проводил тело поэта в Святогорский монастырь.

Начало года.

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу [тайного] общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собрались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала[1]. Тут между прочими были Куницын[2] и наш лицейский товарищ Маслов[3]. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь — Пушкин.

„Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле“, шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним, подали чай, мы закурили сигарки и сели в уголок.

„Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно нечаянно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай,—право, любезный друг, это ни на что не похоже“.

И. И. Пущин, стр. 77 [4].

---

[1] В 1819 г. Н. И. Тургенев, совместно с рядом лиц, пытался организовать журнал, посвященный вопросам политики, общественности и литературы.

[2] Куницын Александр Петрович (1783—1840), профессор Царскосельского Лицея с 1817 по 1821 г.

[3] Маслов Дмитрий Николаевич (1799—1856), лицеист 1 курса, получивший первую серебряную медаль. По окончании Лицея поступил в Государственную канцелярию.

[4] Пущин Иван Иванович (1798—1859), лицейский товарищ и лучший друг Пушкина. После высылки Пушкина на юг, они свиделись еще только один раз, в с. Михайловском, куда Пущин приехал в 1825 г., навестить опального друга. С лицейской скамьи, вступил в тайное общество, в котором он играл постоянно деятельную роль, вплоть до участия в восстании 14 декабря; вскоре после того был

1819—1820 гг.

При входе нашем Пушкин продолжал писать несколько минут, потом, обратясь к нам, как будто уже знал, кто пришел, подал обе руки моим товарищам [Боратынскому [1] и Дельвигу] со словами: „Здравствуйте, братцы“. Вслед за сим он сказал мне с ласковой улыбкой: „Я давно желал знакомиться с вами, ибо мне сказывали, что вы большой знаток в вине и всегда знаете, где достать лучшие устрицы“. Я не знал, радоваться ли мне этому приветствию или сердиться на него...

[В. Эртель [2]?]. Выписка из бумаг дяди Александра. „Русский Альманах“ на 1832—33 г., изд. В. Эртелем и А. Глебовым, СПб. 1832.

Зима.

...Пушкин был в театре, где на беду судьба посадила его рядом с [Денисевичем] [3]. Играли пустую пьесу,

---

арестован и отправлен в Сибирь, в бессрочные каторжные работы. Дружба их была настолько глубока, что, после 12 лет разлуки, Пушкин на смертном одре вспомнил Пущина, сказав, что, будь здесь Пущин, ему бы легче было умереть, а Пущин, узнав о гибели друга, воскликнул, что, будь он в Петербурге, пуля Дантеса встретила бы его грудь.

[1] Боратынский Евгений Абрамович (1800—1844), известный поэт, близкий друг Пушкина и Дельвига (см. выше). За детский проступок исключенный из Пажеского корпуса, Боратынский прожил в деревне до 1819 г., когда, вступив рядовым в Егерский гвардейский полк, приехал в Петербург. Уже в следующем 1820 г., в чине унтер-офицера, он был переведен в Нейшлотский полк, квартировавший в Финляндии. К этому-то промежутку времени, 1819—1820 гг., и относится означенное сообщение.

[2] Эртель Василий Андреевич (ум. 1847), впоследствии педагог, библиотекарь имп. Публичной Библиотеки.

[3] Майор Денисевич, которого Пушкин потом поминал под именем театрального майора (письмо к П. А. Катенину от 12 сентября 1825 г.). Лажечников скрыл его фамилию под буквами N. N.

играли, может быть, и дурно. Пушкин зевал, шикал, говорил громко: „Несносно". Соседу его пьеса, повидимому, очень нравилась... он... сказал Пушкину, что он мешает ему слушать пьесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь по прежнему. Тот объявил своему неугомонному соседу, что попросит полицию вывесть его из театра.

„Посмотрим", — отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тем и должна была бы кончиться ссора наших противников, но [Денисевич] не терял из виду своего незначительного соседа и остановил его в коридоре.

„Молодой человек,—сказал он, обращаясь к Пушкину, и вместе с этим поднял свой указательный палец, — вы мешали мне слушать пьесу... это неприлично, это невежливо".

„Да, я не старик, — отвечал Пушкин, — но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?"

[Денисевич] сказал свой адрес и назначил приехать к нему в восемь часов утра...

„Буду",—отвечал Пушкин.

И. И. Лажечников[1]. *Знакомство мое с Пушкиным (Из моих памятных записок).* РВ 1856, I, № 2, кн. 2, стр. 611—612.

---

[1] Лажечников Иван Иванович (1792—1869), впоследствии знаменитый романист, тогда юный гвардейский офицер, вспоминал об этом эпизоде еще в письме к Пушкину (от 13 декабря 1831 г.), в котором, между прочим, раскрыл фамилию Денисевича.

[Денисевича] не было в это время дома... Только что я вступил в комнату, из передней вошли в нее три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке. За ними выступали два молодца-красавца, кавалерийские гвардейские офицеры[1]... Статский подошел ко мне и сказал мне тихим вкрадчивым голосом: „Позвольте вас спросить, здесь живет [Денисевич]?“ — „Здесь, — отвечал я, — но он вышел куда-то, и я велю сейчас позвать его“. Я только хотел это исполнить, как вошел [Денисевич]. „Что вам угодно?“ сказал он статскому довольно сухо. „Вы это должны хорошо знать, — отвечал статский, вы назначили мне быть у вас в восемь часов утра (тут он вынул часы), до восьми остается еще четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить места“. Все это было сказано тихим спокойным голосом, как будто дело шло о назначении приятельской пирушки. [Денисевич] мой покраснел, как рак, и, запутываясь в словах, сказал: „Я не за тем звал вас к себе... я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пьесу, что это неприлично“... „Вы эти наставления читали мне вчера при многих слушателях, — сказал более энергическим голосом статский, — я уж не школьник и пришел переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов; вот мои два секунданта[1]; этот господин военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно“... [Денисевич] не дал ему договорить. „Я не могу

---

[1] Б. Л. Модзалевский (Письма Пушкина, I, стр. 506) высказал справедливое предположение, что одним из секундантов Пушкина мог быть П. А. Катенин, в письме к которому Пушкин вспомнил об этом эпизоде.

с вами драться,—сказал он,—вы молодой человек, неизвестный, а я штаб-офицер“... При этом оба офицера засмеялись... Статский продолжал твердым голосом: „Я русский дворянин, Пушкин,—это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно будет иметь со мной дело“.

...Я спешил спросить его: „Не Александра ли Сергеевича имею честь видеть перед собой?“

„Меня так зовут“, сказал он, улыбаясь.

И. И. Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным (Из моих памятных записок). РВ 1856, I, № 2, кн. 2, стр. 610—611.

[Убедив наедине майора извиниться. *Ред.*], я ввел его в комнату, где дожидались нас Пушкин и его ассистенты, и сказал ему: „Господин [Денисевич] считает себя виновным перед вами, Александр Сергеевич, и в опрометчивом движении и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас“.

„Надеюсь, это подтвердит сам господин [Денисевич]“, сказал Пушкин.

[Денисевич] извинился и протянул было Пушкину руку, но тот не подал ему своей, сказав только: „Извиняю“, и удалился со своими спутниками...

И. И. Лажечников, op. cit., стр. 613.

1820 г.

...Однажды в Царском Селе Захаржевского[1] медвеженок сорвался с цепи от столба, на котором устроена

---

[1] Захаржевский Яков Васильевич (1780—1860), управляющий Царскосельским дворцовым управлением и полицией.

была его будка, и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее, с императором, если бы на этот раз не встрепенулся его маленький шарло и не предостерег его от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае, не обинуясь, говорил: „Нашелся один добрый человек, да и тот медведь“ [1].

И. И. Пущин, стр. 75.

...[Пушкин] во всеуслышание в театре кричал: „Теперь самое безопасное время — по Неве идет лед“. В переводе: нечего опасаться крепости.

И. И. Пущин, стр. 75.

Около 1820 г.

...[Пушкин] с упреком говорил о современных ему литераторах: „Мало у нас писателей, которые бы учились; бо́льшая часть только разучиваются“.

Анненков, I, стр. 47.

На одном вечере Пушкин, еще в молодых летах, был пьян и вел разговор с одной дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рябая. Чем-то недовольная поэтом, она сказала:

„У вас, Александр Сергеевич, в глазах двоит?“

„Нет, сударыня,—отвечал он,—рябит“!

[М. М. Попов]. А. С. Пушкин.
РС 1874, № 8, стр. 686.

Однажды начал он [Карамзин] при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: „Итак,

---

[1] Ср. с замечанием Пушкина: „О *Цыганах* одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то — медведь“. Морозов, III, стр. 214.

вы рабство предпочитаете свободе?“ Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником.

Пушкин. Остатки автобиографии.

Апрель.

Петербург.

Раз утром выхожу я из своей квартиры... и вижу Пушкина, идущего мне на встречу... „Я к вам“. — „А я от себя!“ И мы пошли вдоль площади. Пушкин заговорил первый: „Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих (под моим именем) пиэсах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял, да и сжег все мои бумаги“... — „Теперь, — продолжал Пушкин, немного озабоченный: — меня требуют к Милорадовичу! Я знаю его по публике, но не знаю, как и что́ будет и с чего с ним взяться?.. Вот я и шел посоветоваться с вами“... Мы остановились и обсуждали дело со всех сторон...

Ф. Н. Глинка[1]. *Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 г.* РА 1866, № 6, стр. 918.

---

[1] Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт, публицист и общественный деятель, член Союза благоденствия. Во время походов 1805—1806 и 1812—1815 гг. состоял адъютантом гр. М. А. Милорадовича, при котором продолжал служить и после назначения его на пост Петербургского военного генерал-губернатора. На почве литературной деятельности Глинка был близок с Пушкиным.—Ср. РС 1879, № 6, стр. 385—386.

Когда привезли Пушкина, Милорадович [1] приказывает полицеймейстеру ехать в его квартиру и опечатать все бумаги. Пушкин, слыша это приказание, говорит ему: „Граф, вы напрасно это делаете. Там не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мне перо и бумагу, я здесь же все вам напишу“ (Пушкин понял, в чем дело). Милорадович, тронутый этою свободною откровенностью, торжественно воскликнул: „Ah c'est chevaleresque!“ [Ах, это по-рыцарски] и пожал ему руку [2].

И. И. Пущин, стр. 79—80.

... [Пушкин] явился очень спокоен, с светлым лицом, и, когда я спросил о бумагах, он отвечал: „Граф! все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартире, но, если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что́ когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкой, что̀ мое и что̀ разошлось под моим именем“.

М. А. Милорадович по записи *Ф. Н. Глинки.* РА 1866, № 6, стр. 919.

До 6 мая.

Через несколько дней увидал я Пушкина в театре, он первый подал мне руку, улыбаясь. Тут я поздравил его

---

[1] Милорадович граф Михаил Андреевич (1771 — 1825), известный боевой генерал, с 1818 г. Петербургский военный генерал-губернатор.

[2] Широкое распространение в обществе вольнодумных стихотворений Пушкина навлекло на него гнев Александра I. Заступничество друзей Пушкина спасло его от жестокого наказания, сведшегося к ссылке в Кишинев; 6 мая 1820 года Пушкин выехал из Петербурга. — Ср. РС 1879, № 6, стр. 386.

с успехом „Руслана и Людмилы“ [1], на что он отвечал мне: „О, это первые грехи моей молодости“.

И. И. Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным. РВ 1856, I, № 2, кн. 2, стр. 614.

Май, вторая половина.

Екатеринославль [2].

Едва я, по приезде в Екатеринославль, расположился после дурной дороги на отдых, ко мне, запыхавшись, вбегает младший сын генерала. „Доктор! я нашел здесь моего друга, он болен, ему нужна скорая помощь, поспешите со мной!“ Нечего делать, пошли. Приходим в гадкую избенку, и там, на досчатом диване, сидит молодой человек, небритый, бледный и худой.—„Вы нездоровы?“—спросил я незнакомца. „Да, доктор, немножко пошалил, купался: кажется, простудился“...—„Чем вы тут занимаетесь?“—„Пишу стихи“.—„Нашел,—думал я,—время и место“...

---

[1] Поэма „Руслан и Людмила“ отдельным изданием появилась в свет между 23 июля и 14 августа 1820 г., когда Пушкина в Петербурге уже не было. Повидимому, речь идет об отрывках поэмы, напечатанных в апреле 1820 г., в „Невском Зрителе“ и „Сыне Отечества“. Критика, как известно, встретила первую поэму Пушкина далеко не сочувственно, но в публике она пользовалась большим успехом.

[2] Пушкин прибыл в Екатеринославль в середине мая 1820 г. и там встретился с семьею ген. Н. Н. Раевского, ехавшего на Кавказ с младшими двумя дочерьми и младшим сыном Николаем (1801—1843 гг.; в 1820 г.—ротмистр л.-гв. Гусарского полка), с которым Пушкин близко сошелся еще в Петербурге. В письме к брату от 24 сентября 1820 г. Пушкин рассказывает, что, по приезде в Екатеринославль, он выкупался в Днепре и схватил горячку. „Генерал Раевский... нашел меня в жидовской хате, в бреду, без лекаря, за кружкою оледенелого лимонада“.

После обеда у него озноб, жар и все признаки пароксизма. Пишу рецепт.—„Доктор, дайте что-нибудь получше, — дряни в рот не возьму“.

Е. П. Рудыковский[1]. *Воспоминания.* РВ 1841, I.

... Пушкин встретил гостей, держа в зубах булку с икрой, а в руках стакан красного вина. „Что вам угодно?“— спросил он вошедших. И когда последние сказали, что желали иметь честь видеть славного писателя, то славный писатель отчеканил им следующую фразу: „Ну, теперь видели?.. До свиданья...“.

М. де-Пуле. Анекдот о Пушкине. РА 1879, III, стр. 136.

Июнь.

На Дону (вероятно, в Новочеркасске) мы обедали у атамана Денисова. Пушкин меня не послушался, покушал бламанже и снова заболел. „Доктор, помогите“.— „Пушкин, слушайтесь“. — „Буду, буду“. Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы.—„Не ходите, не ездите без шинели“. — „Жарко, мочи нет“. — „Лучше жарко, чем лихорадка“. Опять сильные пароксизмы.—„Доктор, я болен“. — „Потому что упрямы: слушайтесь“. — „Буду, буду“. Пушкин выздоровел.

Е. П. Рудыковский. Воспоминания. РВ 1841, I.

---

[1] Рудыковский Евстафий Петрович (1784—1851), состоявший лекарем при штабе 4 пехотного корпуса. Сопровождал генерала Н. Н. Раевского с семьей во время их поездки на Кавказ.

Конец октября.

Кишинев.

...Пушкин [после выпивки. *Ред.*] развеселился, начал подходить к бортам биллиарда и мешать игре. Орлов [1] назвал его школьником, а Алексеев [2] присовокупил, что школьников проучивают. Пушкин... перепутав шары, не остался в долгу и на слова; кончилось тем, что вызвал обоих, а меня пригласил в секунданты... Я пригласил Пушкина ночевать к себе. Дорогой он уже опомнился и начал бранить себя за свою Арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая и что надо как-нибудь замять. „Ни за что!“ — произнес он, остановившись. — „Я докажу им, что я не школьник!“ — „Оно все так, — отвечал я ему, — но все-таки будут знать, что всему виной жженка, а при том я нахожу, что и бой не ровный“. — „Как не ровный?“ — опять остановившись, спросил он меня. Чтобы скорее разрешить его недоумение и затронуть его самолюбие, я присовокупил: „Не ровный, потому что может быть из тысячи полковников двумя меньше, да еще и каких — ничего не значит, а вы двадцати двух лет — уже известны“ и т. п. Он молчал. Подходя уже к дому, он произнес: „Скверно, гадко; да как же кончить?“ — „Очень легко, — отвечал я, — вы первый начали смешивать их игру, они вам что-то сказали, а вы

---

[1] Орлов Федор Федорович, полковник л.-гв. Уланского полка, младший брат Мих. Фед. Орлова.

[2] Алексеев Николай Степанович (род. ок. 1780 г., ум. в 1850 г.), состоявший в штабе наместника Бессарабской области. Будучи образованным человеком, он близко сошелся с Пушкиным, с которым некоторое время даже жил вместе. Пушкин посвятил ему несколько своих произведений, в том числе знаменитую „Гавриилиаду“.

им вдвое, и, наконец, не они, а вы их вызвали. Следовательно, если они придут не с тем, чтобы становиться на барьер, а с предложением помириться, то ведь честь ваша не пострадает". Он долго молчал и, наконец, сказал по-французски: „Это басни: они никогда не согласятся; Алексеев, может быть, он — семейный, но Теодор — никогда: он обрек себя на натуральную смерть, то все-таки лучше умереть от пули Пушкина, или убить его, нежели играть жизнью с кем-нибудь другим".

И. П. Липранди[1]. РА 1866, стр. 1414—1415.

Сентябрь—декабрь.

... Е[йхфельдт?][2], как и другие, однажды обратилась к Пушкину с просьбой:

„Ах, M-r Пушкин,—сказала она.—Я хочу просить вас".

„Что прикажете?" — отвечал Пушкин, с обычным ему вниманием.

„Напишите мне что-нибудь!" — с улыбкой произнесла Е[йхфельдт?].

„Хорошо, хорошо, пожалуй, извольте", — отвечал Пушкин, смеясь.

Когда мы выходили от Е[йхфельдт?], то я спросил его:

[1] Липранди Иван Петрович (1790—1880), подполковник Якутского пехотного полка, квартировавшего в Кишиневе, близкий приятель Пушкина; с конца 1822 по июль 1823 г. состоял при гр. М. С. Воронцове, в Одессе, где снова встретился с Пушкиным. Впоследствии стяжал печальную известность ревностью в раскрытии дела Петрашевского. Б. Л. Модзалевский допускает, что уже в бытность в Одессе Липранди занимался шпионством (Письма, I, стр. 237).

[2] Эйхфельдт Мария Егоровна, р. Мило, жена Ивана Ивановича Э., горного чиновника, была в близких отношениях с Алексеевым.

„Что же ты ей напишешь? мадригал? да?“
„Что придется, моя радость“, — отвечал Пушкин.

В. П. Горчаков[1]. *Из дневника об А. С. Пушкине.* „Москвитянин“ 1850, № 2, стр. 159.

Октябрь—декабрь.

Кишинев.

„... Как же — заметил я, — вы говорите, в глазах потемнело, я весь изнемог и потом: вхожу в отдаленный покой?“[2]

„Так что ж, — прервал Пушкин с быстротой молнии, вспыхнув сам как зарница: — это не значит, что я ослеп“.

В. П. Горчаков. Из дневника об А. С. Пушкине. „Москвитянин“ 1850, № 2, стр. 153.

1820—1821 гг.

Однажды кто-то заметил генералу, как он может терпеть, что у него на диванах валяется мальчишка в ша-

---

[1] Горчаков Владимир Петрович (1800—1867), дивизионный квартирмейстер при штабе 16-й пехотной дивизии, расположенной в Кишиневе, где Горчаков и сошелся близко с Пушкиным; писатель-беллетрист.

[2] „Черная Шаль (Молдавская песня)“, впервые напечатана в журнале „Сын Отечества“ 1821, № 15, строки XV—XVIII.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...
В покой отдаленный вхожу я один:
Неверную деву лобзал армянин.

роварах. Орлов[1] только улыбался на такие речи; но один раз полушутя он сказал Пушкину, пародируя басню Дмитриева (Башмак, мерка равенства):

Твои, мои права одни,
Да мой сапог тебе не впору.

„Эка важность, сапоги! — возразил Пушкин; — если меряться, так у слона больше всех сапоги“.

П. И. Бартенев. Пушкин в южной России, М. 1914, стр. 59—60.

... С ... Орловым он не чинился и валялся у него на диване в бархатных шароварах... Об этих шароварах замечала и жена Крупенского[2]:

„Скажите Пушкину, как ему не жарко ходить в бархате“.

„Она, видно, не понимает, — вывертывался Пушкин, — что бархат делается из шелку, а шелк холодит“.

П. И. Бартенев со слов *В. П. Горчакова.* РА 1900, I, стр. 403.

1820—1821 гг.

Орлов обнял Пушкина и... стал декламировать[3]: „Когда легковерен и молод я был“. В числе кишинев-

---

[1] Орлов Михаил Федорович (1788—1842), выдающийся общественный деятель, один из виднейших членов Союза благоденствия. В бытность Пушкина в Кишиневе командовал 16-й пехотной дивизией, стоявшей в Кишиневе.

[2] Крупенская Екатерина Христофоровна, р. Комнено, кишиневская приятельница Пушкина, которую он жаловал за ее хлебосольство и чисто русские обеды, которыми она потчевала поэта.

[3] „Черная Шаль“. — Ср. П. Бартенев, Пушкин на юге России, стр. 134.

ских новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкин засмеялся и покраснел.

„Как, вы уже знаете?“ — спросил он.

„Как видишь“, — отвечал тот.

„То-есть, как слышишь?“ — заметил Пушкин, смеясь.

В. П. Горчаков. Воспоминания.
П. И. Бартенев. К биографии
А. С. Пушкина, II, М. 1885, стр. 62—63.

Кишинев.

... За обедом чиновник заглушал своим говором всех, и все его слушали, хотя почти слушать его было нечего, и, наконец, договорился до того, что начал доказывать необходимость употребления вина, как лучшего средства от многих болезней.

„Особенно от горячки“, — заметил Пушкин.

„Да, таки и от горячки, — возразил чиновник с важностью, — вот-с извольте-ка слушать: у меня был приятель... так вот он просто нашим винцом себя от чумы вылечил, как схватил две осьмухи, так как рукой сняло“.

При этом чиновник зорко взглянул на Пушкина, как бы спрашивая: ну, что вы на это скажете? У Пушкина глаза сверкнули; удерживая смех и краснея, он отвечал:

„Быть может, но только позвольте усумниться“.

„Да чего тут позволять? — возразил грубо чиновник, — что я говорю, так так, а вот вам, почтеннейший, не след бы спорить со мною, оно как-то не приходится“.

„Да почему же?“ — спросил Пушкин с достоинством.

„Да потому же, что между нами есть разница“.

„Что же это доказывает?“

„Да то, сударь, что вы еще молокосос“.

„А, понимаю, — смеясь, заметил Пушкин. — Точно есть разница: я молокосос, как вы говорите, а вы виносос, как я говорю“.

При этом все расхохотались, противник не обиделся, а ошалел.

В. П. Горчаков. „Москвитянин“ 1850, I, № 2, стр. 176—177.

1820—1823 гг.

Кишинев.

*Не успел я раздеться и лечь, как в мою дверь раздался сильный стук... Передо мной стоял Пушкин.

„Голубчик мой, — бросился он ко мне, — уступи для меня свою квартиру до вечера. Не расспрашивай ничего, расскажу после, а теперь некогда, здесь ждет одна дама, да вот я введу ее сейчас сюда“, — вскричал он и бросился к дверям.

Пушкин и Людмила И[нгле]зи [1]. *(Из воспоминаний кишиневского старожила).* „Одесский Вестник“ 1880, № 118.

* Входит дядя в комнату Пушкина,—а он сидит и что-то читает. „Чем это вы занимаетесь?“ — спросил его дядя, поздоровавшись. „Да вот, читаю историю одной

[1] Инглези Людмила-Шекора, жена помещика, по происхождению цыганка. Согласно кишиневским преданиям, Пушкин был с нею в связи, что стало известно ее мужу, вызвавшему поэта на дуэль. Своевременно предупрежденный об этом, генерал Инзов посадил Пушкина на десять дней на гауптвахту, а супругам Инглези предложил немедленно выехать за границу.

особы“, или нет, помню, еще не так он сказал—не особы, а—„читаю, — говорит, — историю одной статуи“. Дядя посмотрел на книгу, а это было евангелие. Дядя очень вспылил и рассердился... „Что это вы сказали? Как вы смеете это говорить! Вы безбожник! Я на вас сейчас же бумагу подам — и вас за это строжайше накажут“. Много и сильно бранил Пушкина дядя и уехал рассерженный. На другой день Пушкин приезжает в семинарию — и ко мне. „Так и так, — говорит, — боюсь, чтобы ваш дядя не донес на меня... Попросите, попросите вашего дядю“. — „Зачем же вы, — говорю, — так нехорошо сказали?“ — „Да так, — говорит, — само как-то с языка слетело“.

П. В. Дыдицкая. Воспоминания. ИВ 1883, № 5.

*Я бывало говорю ему: „Вы настоящее дитя“. А он меня называл розой в шиповнике. Бывало, говорю ему: „Вы будете ревнивы“. А он: „Нет, никогда, никогда“... Всякий раз он переодевался в разные костюмы. Вот уже смотришь — Пушкин серб или молдаванин, а одежду ему давали знакомые дамы. Издали нельзя и узнать, встретишь — спрашиваешь: „Что с вами, Александр Сергеевич?“ „А вот я уже молдаванин“.

П. В. Дыдицкая. Воспоминания. ИВ 1883, № 5.

Во время карточной игры.

*Пушкин остановился и, обращаясь к участвовавшим в игре, сказал:

„Дело-то, как видно по-всему, дрянь, и не следовало бы платить за подобного рода проигрыши...“

„Так дело-то дрянь“,—проговорил З. [придя на следующее утро. *Ред.*], уставя сверкающие глаза на Пушкина.

„Приехала“, — кивнув головой, отвечал Пушкин.

„Для вас это может быть так, — говорил З., понижая голос, — но поймите, Александр Сергеевич, мое положение... моя запятнанная честь“.

„Запятнанная честь, — прервал, улыбаясь, Пушкин. — Да это давно известно, что нет микроскопа, который бы так увеличивал, как глаза человека, когда он рассматривает самого себя... Ну, запятнанная честь, и что дальше?“

„Пятно необходимо смыть“.

„Не шампанским ли? Да у меня вот тут-то пустота, — проговорил Пушкин, ударяя по-своему карману, — пустота степей африканских...“

„Это не шампанским смывается“, — отвечал З., приподняв голос.

„Уж конечно, если не шампанским, то кровью, — сказал, улыбаясь, Пушкин, но во всяком случае предварительно полюбуйтесь, как моя пуля мне послушна“.

Вслед за этими словами выстрел раздался — пуля попала в цель.

„Каково?“ — спросил Пушкин.

„Оно-то так, Александр Сергеевич, — отвечал З., — но это собственно делает только честь вам“.

„О! когда идет дело собственно о вашей чести, то зачем же дело стало — будем стреляться!“

„Но я не в такой мере зол на вас, Александр Сергеевич, чтобы дело могло дойти до серьезного“.

„Что вам пуля страшна, то это давно мне известно“,— сказал Пушкин.

З. опустил голову и молчал.

„Так каким же образом вы хотите без выстрела смыть кровью противника запятнанную честь свою?..“

З. не отвечал. Тут Пушкин, плюнув, проговорил:

„Я ровно ничего не понимаю, чего вы от меня хотите“.

З. поднял смущенные глаза на Пушкина, потом заметно что-то хотел сказать и снова опустил их...

„Понятно, — сказал Пушкин, подходя к З., — мы стреляемся. Я вызов ваш принимаю. Попадете ли вы в меня или не попадете — это для меня ровно ничего не значит, но для того, чтобы в вас было больше смелости, предупреждаю: стрелять я в вас совершенно не намерен... Согласны?..

... Выстрел раздался... пуля пролетела мимо [Пушкина, который не стрелял]. Противник уставил глаза на Пушкина, который не переменял своего положения.

„Что? — спросил Пушкин, — довольны ли вы?“

З., вместо ответа и не требуя выстрела, бросился к Пушкину с намерением обнять его, но Пушкин, уклонясь от объятий, сказал: „К чему?.. это лишнее“ и после этих слов стал удаляться...

Н. Гербановский. Несколько слов о пребывании Пушкина в г. Кишиневе. „Новороссийские Ведомости“ 1869, № 49.

Кишинев (в цыганском таборе).

*Цыганочка... так обрадовалась неожиданному подарку, что начала еще предлагать разные вещи приятелям, собираясь их принести из шатра.

„Скажи лучше ей, чтобы она нас поцелуем отблагодарила“,— со смехом произнес [Д. Кириенко-Волошинову] всегда готовый на шалость поэт, заглядывая при этом в огненные глаза недурненькой девушки.

Но так как скромный приятель его не решался, как он говорил, оскорбить девушку таким предложением, то Пушкин, ни слова больше не говоря, обнял ее за шею и звонко поцеловал несколько раз, не встретив никакого сопротивления с ее стороны. Мало этого. Едва выйдя из объятий одного товарища, она сама уже в припрыжку подбежала к другому и стала перед ним в выжидательной позе, с самой невинной улыбкой приподняв вверх головку.

„Да целуй же, наконец, мямля, чего хорохоришься? Ужели не понимаешь, что это же, ведь, обидно для девушки? — промолвил Пушкин, с искреннею на этот раз досадой прибавив: — Ну, чурбан же ты, милый мой, самый что ни на есть первый сорт... Тьфу ты бревно какое, ей-богу...“

Д. Кириенко-Волошинов
по записи *М. Д. Францевой*. „Русское Обозрение“ 1897, I, стр. 37.

1821 г.

* Не помню, за что и как между К[еком] и П[олторацким][1] устроилась дуэль. К первому секундантом попал я, второй выбрал Пушкина. Ну, известное дело, на нашей временной обязанности лежало назначение усло-

[1] Упоминаемые—офицеры В. Т. Кек и А. П. Полторацкий. Все происшествие крайне неправдоподобно. См. возражения В. П. Горчакова—„Московские Ведомости“ 1858, № 19.

вий поединка. Мы съехались с Пушкиным, и трактат начался. Но как понравится вам оборот дела? Александр Сергеевич в разговоре со мною, решительно не могу вам сказать за какие, да и были ли они, „обидные выражения“ вызвал на дуэль меня. „Ты шутишь, Пушкин?“ Я не мог принять его слова не за шутку. „Нисколько! Драться с тобой я буду, — ну, мне этого хочется, только ты должен обождать. Я уже дерусь с двумя господами; разделавшись с ними — к твоим услугам, Карл Иванович!“

К. И. Пр[унку]л по записи *К. С.* „Общезанимательный Вестник“ 1857, № 11, стр. 419.

Январь—февраль.

„Как ты здесь?“ — спросил Орлов[1] у А. Пушкина, встретясь с ним в Киеве. „Язык и до Киева доведет“, отвечал Пушкин. — „Берегись! берегись, Пушкин, чтобы не услали тебя за Дунай!“ — „А может быть и за Прут!“

П. Л. Яковлев[2]. *Анекдоты.* Из „Хлыновского Наблюдателя“. *Публ. И. А. Кубасова.* РС 1903, № 7, стр. 214.

Декабрь.

Леово.

В г. Леово мы въехали к подполковнику Катасанову, командиру казачьего полка... он нас не отпустил, сказав,

---

[1] Генерал Михаил Федорович Орлов.

[2] Яковлев Павел Лукьянович (1796—1835), брат лицейского товарища Пушкина, М. Л. Яковлева.

что через час будет готов обед... Обед состоял только из двух блюд: супа и жаркого, но зато вдоволь прекрасного Донского вина... Прошло, конечно, полчаса времени, что мы оставили Леово, как вдруг Александр Сергеевич разразился ужасным хохотом... он объяснил мне, что суп был из куропаток, с крупно-накрошенным картофелем, а жаркое из курицы. „Я люблю казаков за то, что они своеобразничают и не придерживаются во вкусе общепринятым правилам. У нас, да и у всех, сварили бы суп из курицы, а куропатку бы зажарили, а у них наоборот!“ И опять залился хохотом [1].

И. П. Липранди. РА 1866, стр. 1282—1283.

[Аккерман. На обеде у полковника А. Г. Непенина [2]].

... Непенин спросил меня вполголоса, но так, что Александр Сергеевич мог услышать: „Что это тот Пушкин, который написал—*Буянова* [3]?“ После обеда... Пушкин подошел ко мне, как бы оскорбленный вопросом Непенина, и наградил его многими эпитетами... На вопрос мой, что разве эта пьеса так плоха, что он может

---

[1] Пушкин сопровождал И. П. Липранди в его служебной поездке с 9 по 23 декабря 1821 г., по маршруту: Кишинев — Бендеры — Каушаны — Паланка — Аккерман — Татарбунар — Измаил — Белград — Леово — Кишинев.

[2] Непенин Андрей Григорьевич (1787 — 1845), полковник, командир 32-го Егерского полка, член Союза благоденствия. По окончании следствия над декабристами, к которому он был привлечен, уволен от службы.

[3] Буянов, герой поэмы „Опасный сосед“ Василия Львовича Пушкина (1770—1830), дяди А. С., известного в свое время поэта.

за нее краснеть? — „Совсем не плоха, — отвечал он, — она оригинальна и лучшее из всего того, что́ дядя написал“: — „Так что же; пускай Непенин и думает, что она ваша“. Пушкин показался мне как бы успокоившимся, он сказал только: „Как же полковник, и еще георгиевский кавалер, не мог сообразить моих лет с появлением рассказа[1]!“

И. П. Липранди. РА 1866, стр. 1452—1453.

1821—1822 гг.

Кишинев.

* Пушкину пришлось играть всю ночь и проиграться до копейки. Воротясь с рассветом на свою квартиру, он зашел в бакалейную лавку купца Петрова и потребовал вина. Нужно было заплатить, а денег не было, тогда Пушкин предложил хозяину послать с ним на квартиру приказчика за получением денег.

„Ничего, будет за вами, — сказал хозяин, — вы не захотите нашего“.

„Да ведь вы меня не знаете?“

„Как не знаем — вы господин Пушкин“.

„Что я Пушкин — вы это знаете, но дело в том, отдам ли я вам деньги, это наверно вы никак не можете знать“, — отвечал Пушкин и, с этими словами, снял фуражку и положил ее перед купцом, потом сказал следующее: „Заметно вы, г-н Петров, хотите действовать против собственных убеждений. Ведь вы очень хорошо знаете принятое всеми народами правило: „почитай всех

---

[1] „Опасный сосед“ появился в 1811 году, следовательно, когда А. С. Пушкину было 12 лет.

честными и живи со всеми как с плутами", а потому, — прибавил Пушкин, указывая на фуражку, — я вам оставляю ее в обеспечение".

Н. Гербановский. Несколько слов о пребывании Пушкина в г. Кишиневе. „Новороссийские Ведомости" 1869, № 49.

... Однажды в обществе одна дама, не поняв его [Пушкина] шутки, сказала ему дерзость. „Вы должны отвечать за дерзость жены своей", — сказал он ее мужу. Но бояр равнодушно объявил, что он не отвечает за поступки жены своей. „Так я вас заставлю знать честь и отвечать за нее", — вскричал Пушкин, и неприятность, сделанная Пушкину женою, отозвалась на муже.

А. Ф. Вельтман[1]. *Воспоминания.* Майков, стр. 127.

1821—1823 гг.

*Я не могу не засвидетельствовать... нижеследующий рассказ об его [Пушкина] жизни в Кишиневе. Он там квартировал против тюрьмы или острога, куда, с позволения начальства, часто ходил разговаривать с арестантами, расспрашивать об их удальстве. Все они охотно друг перед другом старались занимать его своими похождениями, особенно главный, первостатейный каторжник,

---

[1] Вельтман Александр Фомич (1800—1870), офицер Генерального штаба, известный писатель. В пору пребывания Пушкина в Кишиневе Вельтман был занят топографическою съемкою в Бессарабии.

всеми уважаемый, до того полюбил сочинителя, что однажды вечером сказал ему:

„Ну, Пушкин, прощай... уж завтра не найдешь меня здесь“.

„На Владимирку?“

„На все четыре!“

„Как так?“

„А так: клетка надломлена, настанет ночь, а мы — ночные птицы и вольные! Прощай, брат, сочинитель“.

„При такой дружеской откровенности, — продолжал Пушкин, — я ни на минуту не допустил мысли о доносе, пошел домой, поработал и лег спать. Ночью барабан бьет тревогу. Я, надев архалук, сбежал с горы в крепость, из ворот команда бежит во все стороны с криком: „Лови, лови!“ Я вбегаю в ворота... Какая картина поражает меня: барабанщик, мальчик 16 или 17 лет, бьет азартно тревогу, а у него по лицу струится кровь и глаз, вырванный из своей орбиты, висит на щеке! Этот молодец ночью зачем-то вышел на воздух и, увидя, что какие-то тени мелькают по стене, схватил барабан и забил тревогу... в эту-то минуту один из беглецов, пробегая мимо, ударил его ножем в глаз! Многих переловили, а мой друг убежал. Но этого героя-барабанщика я не могу забыть!“

Н. И. Куликов[1]. *Пушкин и Нащокин.* РС 1881, № 8, стр. 613—614.

---

[1] Куликов Николай Иванович (1812—1891), драматург, поэт, автор театральных воспоминаний, известен был своими водевилями, в особенности „Цыганка“, „Которая из двух“, „Осенний вечер в деревне“, „Ворона в павлиньих перьях“ и „Скандал в благородном семействе“, а также переделкою „Братьев-разбойников“ Пушкина в поэму „Братья-журналисты“, в которой выведены Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин.

1822 г.

[Х—в распространил слух, будто бы он отбил у Пушкина одну гречанку. *Ред.*]. Ссоры и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Х—ва на диван и садился на него верхом (один из любимых тогда приемов Пушкина)... приговаривая: „Не отбивай у меня гречанок“...

И. П. Липранди. РА 1866, стр. 1230.

Каменка[1].

[Заговорщики, в Каменке, обсуждали с А. Н. Раевским[2] и Пушкиным возможности организации тайного общества, обратив потом весь разговор в шутку. *Ред.*]. Пушкин... был очень взволнован; он перед этим уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но, когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все

---

[1] Каменка Чигиринского уезда, Киевской губ., имение Давыдовых, часто, как и в данном случае, являлось сборным пунктом для заговорщиков. Пушкин сблизился с Давыдовыми через семью Н. Н. Раевского, их сводного брата.

[2] Раевский Александр Николаевич (1795—1868), полковник с 1827 г. в отставке, был в дружеских отношениях с Пушкиным, который вывел его в своем стихотворении „Демон“.

это была только злая шутка". В эту минуту он был точно прекрасен.

И. Д. Якушкин[1]. *Записки*, М. 1905, стр. 51—52.

Однажды за обедом он сидел возле меня и, раскрасневшись, смотрел так ужасно на хорошенькую девочку [2], что она, бедная, не знала, что делать, и готова была заплакать; мне стало ее жалко, и я сказал Пушкину вполголоса: „Посмотрите, что вы делаете; вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бедное дитя". „Я хочу наказать кокетку, — отвечал он; — прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня".

И. Д. Якушкин. *Записки*, М. 1905, стр. 49.

Январь.

Кишинев (в казино).

С[таро]в [3]... подошел к Пушкину, только что кончившему свою фигуру. „Вы сделали невежливость моему

---

[1] Якушкин Иван Дмитриевич (1796—1857), отставной капитан, декабрист. Один из основателей Союза спасения, Верховным уголовным судом в 1826 г. приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации вечными каторжными работами.

[2] Дочь А. Л. Давыдова, Адель, которую Пушкин тогда же воспел в стихотворении „Адель". Впоследствии после смерти отца (1833) уехала с матерью в Париж и, перейдя в католичество, ушла в монастырь Sacré Coeur (РА 1878, III, стр. 249).

[3] Старов Семен Никитич (ум. 1856), подполковник, командир 33 Егерского полка, человек необычайной храбрости, пользовав-

офицеру, — сказал С[таро]в, взглянув решительно на Пушкина, — так не угодно ли вам извиниться перед ним, или вы будете иметь дело лично со мной". — „В чем извиняться, полковник, — отвечал быстро Пушкин, — я не знаю; что же касается до вас, то я к вашим услугам". — „Так до завтра, Александр Сергеевич". — „Очень хорошо, полковник". Пожав друг другу руки, они расстались.

В. П. Горчаков. Воспоминания о Пушкине. „Московские Ведомости" 1858, № 19, стр. 82.

... Когда съехались на место дуэли, метель с сильным ветром мешала прицелу; противники сделали по выстрелу, и оба дали промах; еще по выстрелу, и снова промах; тогда секунданты решительно настояли, чтобы дуэль, если не хотят так кончить, была отменена непременно, и уверяли, что уже нет более зарядов. „Итак, до другого раза", повторили оба в один голос. „До свиданья, Александр Сергеевич". — „До свиданья, полковник".

В. П. Горчаков. Воспоминания о Пушкине. „Московские Ведомости" 1858, № 19, стр. 82.

шийся общим уважением. Дуэль имела поводом резкость Пушкина в отношении офицера вверенного Старову полка, вступившись за честь которого он и вызвал Пушкина на поединок. В стихотворном письме к А. П. Полторацкому Пушкин писал:

Я жив.
Старов
Здоров.
Дуэль некончен.

. . . Через день... примирение состоялось быстро.

„Я вас всегда уважал, полковник, и потому принял ваше предложение",—сказал Пушкин.

„И хорошо сделали, Александр Сергеевич, — отвечал С[таро]в, — этим вы еще более увеличили мое уважение к вам, и я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете". Эти слова искреннего привета тронули Пушкина, и он кинулся обнимать С[таро]ва.

В. П. Горчаков. Воспоминания о Пушкине. „Московские Ведомости" 1858, № 19, стр. 82.

Кишинев [в ресторане].

Дня через два после примирения речь шла об его дуэли с С[таровы]м. Превозносили Пушкина и порицали С[таро]ва. Пушкин вспыхнул, бросил кий и прямо и быстро подошел к молодежи. „Господа, — сказал он, — как мы кончили с С[таровы]м — это наше дело, но я вам объявляю, что если вы позволите себе осуждать С[таро]ва, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне как следует".

В. П. Горчаков. Воспоминания о Пушкине. „Московские Ведомости" 1858, № 19, стр. 82.

В Кишиневе стоял пехотный полк, и Пушкин был со многими офицерами в клубе, собрании, где танцовали. Бо̀льшая часть гостей состояла из жителей, молдаван и молдаванок; надобно заметить, что обычай, в то время особенно, ввел очень вольное обращение с последними. Пушкин пригласил даму на мазурку, захлопал в ладоши и закричал музыке: „мазурку, мазурку!"

Один из офицеров подходит и просит его остановиться, уверяя, что будут плясать вальс. „Ну,—отвечал Пушкин,—вы вальс, а я мазурку“,—и сам пустился со своей дамой по зале. Полковой или батальонный командир, кажется, подполковник Старков, по своим понятиям о чести, считал необходимым стреляться с обидчиком, а как противник Пушкина по танцам не решался на это сам, то начальник его принял дело это на себя.

Стрелялись в камышах придунайских, на прогалине, через барьер, шагов на восемь, если не на шесть. Старков выстрелил первый и дал промах. Тогда Пушкин подошел вплоть к барьеру и, сказав: „Пожалуйте, пожалуйте сюда“, подозвал противника, не смевшего от этого отказаться; затем Пушкин, уставив пистолет свой почти в упор в лоб его, спросил: „Довольны ли вы?“—Тот отвечал, что доволен. Пушкин выстрелил в поле, снял шляпу и сказал:

Подполковник Старков,
Слава богу, здоров.

В. И. Даль[1]. *Записки.* Публ. Н. О. Лернера. РС 1907, № 10, стр. 64.

... Будучи вызван в Кишиневе одним офицером, он стрелялся опять через барьер, опять первый подошел к барьеру, на законное место, уставил в него пистолет и спросил: „Довольны ли вы теперь?“. Полковник отвечал, смутившись, что доволен. Пушкин опустил пистолет, снял шляпу и сказал, улыбаясь:

Полковник Старов,
Слава богу, здоров.

П. И. Бартенев. К биографии Пушкина, II, М. 1885, стр. 177. Ср. РА 1866, стр. 1416—1421.

---

[1] О В. И. Дале см. ниже, стр. 176.

*... Когда Пушкин посетил семейство бояра Варфоломея [1], он, не стесняясь в присутствии гостей, говорил: „Кишиневский воздух заметно вредно на меня действует: по совету моего старшего врача (так Пушкин называл генерала Инзова) [2], мне необходимо прожить некоторое время гораздо южнее“.

Н. Гербановский. Несколько слов о пребывании Пушкина в г. Кишиневе. „Новороссийские Ведомости“ 1869, № 49.

5 февраля.

Кишинев.

1822 г. 5 февраля, в 9 час. пополудни, кто-то постучался у моих дверей. Арнаут, который стоял в безмолвии передо мной, вышел встретить или узнать, кто пришел. Я курил трубку, лежа на диване.

„Здравствуй, душа моя!“ сказал Пушкин весьма торопливо и изменившимся голосом.

„Здравствуй, что̀ нового?“

---

[1] Варфоломей Егор Кириллович, богатый Кишиневский боярин, председатель Палаты и откупщик. Во время пребывания Пушкина в Кишиневе жил широко, собирая в своем доме всю кишиневскую молодежь. Дочь его, Пульхерия Егоровна („Пульхерьица“, впоследствии вышедшая замуж за греческого консула в Одессе Мано, ум. в 1868 г.), некоторое время сильно нравилась Пушкину и даже оказалась занесенной в его „Дон-Жуанский список“.

[2] Инзов Иван Никитич (1768—1845) в 1818 году был назначен полномочным наместником Южного края. В его распоряжение был направлен Пушкин после высылки из Петербурга. С Инзовым у Пушкина установились самые лучшие отношения.

„Новости есть, но дурные, вот почему я прибежал к тебе“.

„Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток С[абанеева] [1], но что такое?“

„Вот что, — продолжал Пушкин, — С[абанеев] сейчас уехал от генерала [Инзова], дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твое имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил, приложил ухо. С[абанеев] утверждал, что тебя надо непременно арестовать, наш Инзушко, — ты знаешь, как он тебя любит, — отстаивал тебя горячо. Долго еще продолжался разговор, я много не дослышал, но из последних слов С[абанеева] ясно уразумел, что ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестован“. — „Спасибо, — сказал я Пушкину, — я этого почти ожидал, но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям отзывается турецкой расправой; впрочем, что будет, то будет. Пойдем к Липранди, — только ни слова о моем деле“.

В. Ф. Раевский [2] по записи *Л. Ф. [Пантелеева]*. „Вестник Европы“ 1874, № 6, стр. 857—858.

---

[1] Сабанеев Иван Васильевич (1770—1829), генерал от инфантерии, корпусный командир. После подавления волнения Камчатского полка, входившего в 16-ю дивизию, начальником которой был М. Ф. Орлов, Сабанеев возбудил дело, закончившееся, в 1823 г., лишением Орлова дивизии. Сабанеев был знаком с Пушкиным.

[2] Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872), майор 32 Егерского полка; будучи деятельнейшим членом Союза благоденствия, занимался широкой пропагандой среди солдат. На следующий день, после описанного разговора, 6 февраля 1822 г., он действительно был арестован (почему и получил название „первого декабриста“). До 1826 г. содержался в Тираспольской крепости. После суда над декабристами, отправлен в Сибирь на поселение.

После 6 февраля.

Кишинев.

Раевского арестовали и посадили в Тираспольскую крепость, а по окончании суда сослали на поселение. В крепости он написал стихотворение: „Певец в темнице“ и послал Пушкину...

Пушкину стихотворение понравилось очень, — а об одном четверостишии он выразился так: „Как хорошо, как это сильно! Мысль эта никогда не встречалась, она давно вертелась в моей голове, но это не в моем роде: это вроде Тираспольской крепости, а хорошо“.

Альбом С. Д. Полторацкого. РС 1887, № 10, стр. 133—134. Ср. *И. П. Липранди.* РА 1866, стр. 1451.

1822—1823 гг.

Кишинев.

После двухлетнего знакомства она узнала, что Пушкин—поэт только по стихотворению: „На языке тебе невнятном“ [1], вписанному в ее альбом уже при расставании.—„Что это значит?“ спросила она у Пушкина. „Покажите это за границей любому Русскому, и он вам скажет!“ отвечал Пушкин.

Анненков, I, стр. 85.

---

[1] „Иностранке“ (иначе: „В альбом“). Первоначальные очерки были написаны в 1821—1822 гг. в Кишиневе, окончательные в 1824 г. в Одессе. К кому обращено это стихотворение, остается невыясненным.

1823 г., май—июнь.

Кишинев.

* Незадолго до выезда его из Кишинева [1] собрались мы в одном семействе. Съимпровизировали мазурку, и Пушкин начал. Прошел один тур кругом залы, остановился и задумался. Потом быстро вынул из кармана листок почтовой бумажки, весь исписанный стихами, подбежал к лампе, зажег и передал своей даме: Passez plus loin! Voyons! mesdames [Передавайте это дальше! посмотрим!], у кого потухнет, с тем танцую, — берегитесь!"

К. И. Пр[унку]л по записи *К. С. Биографическая заметка.* „Общезанимательный Вестник" 1857, № 11, стр. 419.

1823—1824 гг.

Одесса.

Пушкин носил тяжелую железную палку. Дядя спросил у него однажды: „Для чего это, Александр Сергеевич, носишь ты такую тяжелую дубину?" Пушкин отвечал: „Для того, чтоб рука была тверже; если придется стреляться, чтоб не дрогнула".

М. Н. Лонгинов со слов *Н. М. Лонгинова* [2]. „Библ. Зап." 1859, № 18, стр. 553.

---

[1] Пушкин выехал из Кишинева в Одессу в конце мая 1823 г.; в начале июня вернулся туда снова и, менее чем через месяц, совсем покинул Кишинев. Сообщение это столько же сомнительно, как и все сообщения К. И. Прункула.

[2] Лонгинов Никанор Михайлович, дядя известного библиографа, служивший тогда при Новороссийском наместнике. Пушкин был довольно близко с ним знаком и, еще будучи в Кишиневе, дважды письменно запрашивал его об Одессе; однако письма эти не сохранились.

* Жил он в клубном доме, во втором этаже, сверху над магазином Марибо. Вхожу в комнату: он брился. Я к нему. „Ваше благородие, денег пожалуйте“,—и начал просить. — Как ругнет он меня, да как бросится он на меня с бритвой. Я бежать, давай бог ноги, чуть не зарезал. С той поры я так и бросил. Думаю себе: пропали деньги, и искать нечего, а уже больше не повезу. Только раз утром гляжу, тут же и наша биржа, Пушкин растворил окно, зовет всех, кому должен... Прихожу я. „На, вот тебе по шести рублей за каждый раз, да смотри вперед не совайся“.

Одесский извозчик по записи *К. П. Зеленецкого*[1] (1840). П. И. Бартенев. К биографии А. С. Пушкина, II, 1885, стр. 96.

* Однажды в Одессе Пушкин был зван на какой-то вечер, пришел рано, осмотрелся, — никого, дернул плечами и сказал: „Одна Анка[2] рыжая, да и ту ненавижу я“.

Сергей Волконский. О декабристах, 1922, стр. 110.

---

[1] Зеленецкий Константин Петрович (1812—1858), профессор Ришельевского лицея.

[2] Бороздина Анна Михайловна (1819—1883), дочь генерал-лейтенанта, вышедшая в 1839 г. замуж за Н. Н. Раевского-младшего.

1824 г.

[Пушкин] завел было журнал, но потом как-то я спросил его о нем уже в Одессе, он отвечал мне: „Скучно; бросил, кое-что есть, а сам не знаю что".

И. П. Липранди. РА 1866, стр. 1261.

Одесса.

* ... Раз, подходя с улицы к моему отпертому окну... [Пушкин] сказал: „Не правда ли, cousin, что твои родители запретили тебе подружиться со мною?" Я ему признался в этом, и с тех пор он перестал навещать меня. В другой раз, он при встрече со мной сказал: „Мой Онегин — это ты, cousin".

Гр. М. Д. Бутурлин. Записки. РА 1897, II, стр. 15.

Февраль, первая половина.

Одесса [на обеде у Воронцова [1]].

Вставши из-за стола, мы с ним столкнулись, когда он отыскивал, между многими, свою шляпу, и на вопрос мой: „Куда?" — „Отдохнуть!" — отвечал он мне, присово-

---

[1] В первых числах июня 1823 года Пушкин переведен был на службу в распоряжение гр. Михаила Семеновича Воронцова (1782—1856), незадолго перед тем, 7 мая 1823 г., назначенного Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области 22 мая 1824 г. С Воронцовым у Пушкина отношения установились неприязненные, чему сильно способствовало увлечение Пушкина женою Воронцова.

купив:—„Это не обеды Бологовского [1], Орлова и даже...“, не окончил [и] вышел...

И. П. Липранди. РА 1866, стр. 1470—1471.

В восемь часов возвратился домой и, проходя мимо номера Пушкина, зашел к нему. Я застал его в самом веселом расположении духа, без сюртука, сидящим на коленях у мавра Али... Мой приход не переменил их положения; Пушкин мне рекомендовал его, присовокупив, что — „у меня лежит к нему душа: кто знает, может быть, мой дед с его предком были близкой родней“ [2].

И. П. Липранди. РА 1866, стр. 1471.

Май.

* Пушкин, как известно, был послан Воронцовым уничтожать саранчу [3]. Видя бесплодную борьбу с этим бичом, Пушкин созвал крестьян и повел такую речь:

---

[1] Бологовский Дмитрий Николаевич (1775—1852), Кишиневский приятель Пушкина, в свое время замешанный в убийстве Павла I и потом в деле Сперанского; в бытность Пушкина в Кишиневе он был бригадным командиром в 16 пехотной дивизии, которой командовал М. Ф. Орлов.

[2] В другом месте своих записок Липранди, рассказывая о мрачном настроении Пушкина перед высылкой из Одессы, добавляет, что „та веселость, которая одушевляла его в Кишиневе, проявлялась только тогда, когда он был с мавром Али“ (которым Пушкин потешался, как забавным типом). — РА 1866, стр. 1477—1478.

[3] Воронцов, по разным причинам недовольный Пушкиным, командировал его в Херсонский, Елисаветградский и Александровский уезды для наблюдения за ходом истребления саранчи. „Ничего не могло быть для него унизительнее“, замечал по этому поводу Ф. Ф. Вигель (Записки, VI, стр. 172).—См. также об этом черновые письма Пушкина к А. И. Казначееву от 22 и 25 мая.

„А знаете ли вы, что такое саранча?“

Мужички помялись, посмотрели друг на друга, почесали, как водится, затылки и, наконец, один молвил:

„Наказанье божье, ваше высокородие“.

„А можно бороться с божьим наказанием?“—спрашивает А. С.

„Вестимо нельзя, ваше благородие“.

„Ну, так ступайте домой“, и больше их не требовал.

П. П. Ларий. Из воспоминаний о Пушкине. РА 1839, III, стр. 405.

28 мая.

[По возвращении из командировки].

Поездка его была непродолжительна, он возвратился чуть ли не через неделю и явился к графу Воронцову в его кабинет. Разговор был самый лаконический; Пушкин отвечал на вопросы графа только повторением последних слов его; например: „Ты сам саранчу видел?“—„Видел“. — „Что ж ее, много?“ — „Много“ и т. п. [1].

М. Н. Лонгинов со слов *Н. М. Лонгинова.* „Библ. Зап.“ 1859, № 18, стр. 554.

---

[1] В действительности миссия Пушкина, повидимому, была труднее, чем можно судить по приведенному свидетельству. По крайней мере М. Ф. Орлов писал жене на следующий день после возвращения поэта из командировки: „Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею, и после весьма трудной кампании вчера вернулся, отступив перед несметным неприятелем“ („Былое“ 1906, № 10, стр. 303). Сомнительно обращение Воронцова к Пушкину на „ты“.

Июнь—июль.

Одесса.

... Пушкин прибегал к княгине Вяземской [1] и, жалуясь на Воронцова, говорил, что подает в отставку... Иногда он пропадал. „Где вы были?“ — „На кораблях. Целые трое суток пили и кутили“.

Кн. П. А. и В. Ф. Вяземские. Из рассказов о Пушкине. РА 1888 II стр. 306.

Конец июня—начало июля.

Il dit que, depuis qu'il me connait, il a peur de toi; il dit: „j'ai toujours consideré votre mari comme un холостой; maintenant c'est une puissance pour moi, et la première lettre que je lui ecrirai, commencera par Ваше Сиятельство, Милостивый Государь, avec toutes les cérémonies et les honneurs possibles“ [Он [Пушкин] говорит, что, с тех пор как он меня знает, он тебя боится; он говорит: „Я всегда принимал вашего мужа за холостого; теперь он для меня персона, и первое мое письмо к нему начнется с Ваше Сиятельство, Милостивый Государь, со всеми возможными церемониями и титулами“].

Кн. В. Ф. Вяземская кн. П. А. Вяземскому. Одесса, 4 июля 1824 г. „Остафьевский архив кн. Вяземских“, т. V, вып. 2, стр. 115.

---

[1] Вяземская княгиня Вера Федоровна, р. кн. Гагарина (1790—1886), жена (с 1811 г.) кн. П. А. Вяземского, умная и интересная женщина, с которою Пушкин был очень близок. С июня по август 1824 г. Вяземская с двумя детьми прожила в Одессе, где Пушкин был ее постоянным гостем.

Июль.

[В Ришельевском лицее].

* ... Входит в класс незнакомая особа в странном костюме: в светлосером фраке, в черных панталонах, с красной феской на голове и с ружейным стволом в руке вместо трости. Я привстал, он мне поклонился и, не говоря ни слова, сел на край ученической парты, стоящей у кафедры. Я смотрел на это с недоумением, но он первый прервал молчание:

„Я когда-то сидел тоже на такой скамье, и это было самое счастливое время в моей жизни".

Потом, обратившись прямо ко мне, спросил:

„Что вы читаете?"

„Речь Цицерона",— ответил я.

„Как ваша фамилия?"

„Сумароков".

„Славная фамилия! Вы, верно, пишете стихи?"

„Нет".

„Читали вы Пушкина?"

„Нам запрещено читать его сочинения".

„Видели вы его?"

„Нет, я редко выхожу из заведения".

„Желали бы его видеть?"

Я простодушно отвечал, что, конечно, желал бы,— о нем много говорят в городе, как мне передали товарищи.

Он усмехнулся и сказал:

„Я — Пушкин, прощайте".

. . . .

Когда мы шли по длинному коридору, он сказал:

„Однако у вас в Лицее, как я вижу, свободный вход и выход“.

„Это по случаю каникул“...

А. Сумароков. К чествованию памяти Пушкина. „Одесский Вестник“ 1886 № 346.

Первая половина года.

Одесса [перед отъездом, на обеде у гр. Воронцова].

Однажды она [Е. К. Воронцова] [1] прошла мимо Пушкина, не говоря ни слова, и тут же обратилась к кому-то с вопросом: „Что́ нынче дают в театре?“ Не успел спрошенный раскрыть рот для ответа, как подскочил Пушкин и, положа руку на сердце (что он делал, особливо когда отпускал свои остроты), с улыбкою сказал: „La sposa fidele, comtessa“ [Верную супругу, графиня]. Та отвернулась и воскликнула: „Quelle impertinence!“ [Какая дерзость].

П. И. Бартенев. РА 1884, III, стр. 188.

---

[1] Воронцова графиня Елизавета Ксавериевна (1792—1880), р. гр. Браницкая, жена гр. М. С. Воронцова. Пушкин был ею сильно увлечен, посвятил ей несколько стихотворений. Об отношении Воронцовой к Пушкину трудно судить, на основании имеющихся данных. Вольно или невольно она, однако, вписала скорбную страницу в летопись жизни поэта, и у него перед отъездом из Одессы были основания негодовать против нее.

Август.

Чернигов [по пути из Одессы в Псков [1]].

... Мы ночевали в какой-то гостинице. Утром, войдя в залу, я увидел в соседней буфетной комнате шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого по месту прогулки и по костюму принял за полового... Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: „Вы из Царскосельского Лицея?“ На мне еще был казенный сюртук [Петербургского университетского благородного пансиона], по форме одинаковый с лицейским.

Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.

„А! так вы были вместе с моим братом“, — возразил собеседник.

Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию.

„Я Пушкин; брат мой Лев был в Вашем пансионе“.

А. И. Подолинский [2]. *Воспоминания*. РА 1872, стр. 862.—Ср. РС 1885, № 1, стр. 77—78.

---

[1] В конце июня, вследствие настояний гр. М. С. Воронцова, Пушкину было повелено отправиться на житье в Михайловское. Пушкин выехал из Одессы 30 июля, через Николаев, Елисаветград, Кременчуг, Чернигов, Витебск.

[2] Подолинский Андрей Иванович (1806—1886), тогда еще молодой поэт, младший товарищ по Петербургскому университетскому благородному пансиону Л. С. Пушкина и С. А. Соболевского, сотрудничал в „Северных Цветах“ и других повременных и периодических изданиях. Вращаясь в кружке бар. А. А. Дельвига, он должен был проникнуться чувствами этого кружка к Пушкину, с которым впервые встретился при вышеупомянутых обстоятельствах, направляясь в Киев, по выпуске из пансиона.

5—6 августа.

*Смотритель сказал мне, что едет из Одессы коллежский ассесор Пушкин; я тотчал бросился в пассажирскую комнату и, взявши Пушкина за руку, спросил его:

„Вы, Александр Сергеевич, верно меня не узнаете? Я — племянник бывшего директора лицея — Егора Антоновича Энгельгардта; по праздникам меня брали из корпуса в Царское Село, где вы с Дельвигом заставляли меня декламировать стихи".

Пушкин, обнимая меня, сказал:

„Помню, помню, Саша, ты проворный был кадет".

Я, от радости такой неожиданной встречи, не знал, что делать, опрометью побежал к гулявшим со мною товарищам известить их, что проезжает наш дорогой поэт А. С. Пушкин...

Пушкин был восхищен нашим энтузиазмом, мы поднимали на руки дорогого гостя, пили за его здоровье, в честь и славу всего им созданного...

Князь Оболенский [1] закричал:

„Господа, это торжество выходит из пределов общей радости, оно должно быть ознаменовано чем-нибудь особенным".

„Господа! Сделаем нашему кумиру ванну из шампанского!"

Все согласились, но Пушкин, улыбнувшись, сказал:

„Друзья мои, душевно благодарю, действительно было бы отлично, я не прочь пополоскаться в шампанском, но спешу: ехать надо".

---

[1] Князь Оболенский, штаб-ротмистр Елисаветградского гусарского полка.

Это было в 4 часа утра. Мы всей гурьбой проводили его на почту, где опять вспрыснули шампанским и, простившись, пожелали ему счастливого пути.

А. П. Распопов[1]. *Встреча с Пушкиным в Могилеве в 1824 г.* РС 1876, № 2, стр. 464—465.

1825 г., начало.

[Воображаемый разговор с императором Александром I].

Когда бы я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал бы ему: „Александр Сергеевич, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю с большим удовольствием". А. П. поклонился бы мне с некоторым замешательством, а я бы продолжал: „Я читал вашу оду Свобода! Прекрасно, хоть она писана немного сбивчиво, мало обдуманно; вам ведь было 17 лет, когда вы написали эту оду". — В. В., я писал ее в 1817 году... — „Тут есть три строфы очень хорошие... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы; вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные; но вижу, что вы не уважили правду, личную честь, даже в царе". — Ах, В. В., зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3-ю и 6-ю песнь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказского пленника, или Бахчисарайский фонтан. Онегин печатается, буду иметь честь отправить два экзем-

---

[1] Распопов Александр Петрович (1803—1882), впоследствии генерал-майор.

пляра в библиотеку В. В., к Ивану Андреевичу Крылову, и если, В. В., найдете время... — „Помилуйте, Александр Сергеевич, вы доставите нам приятное занятие. Наше царское правило: дела не делай, а от дела не бегай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я вас не отличал еще, дожидая случая, то вам и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король Галлии или император Австрийский с вами не так бы поступили! За все ваши проказы вы жили в теплом климате. Что вы делали у Инзова и у Воронцова?“ — В. В., Инзов меня очень любил, за всякую ссору с молдаванами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, французские журналы. А его сиятельство граф Воронцов, не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная русскую литературу как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно...—„Как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?“ — В. В., генерал Инзов — добрый и почтенный старик; он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет; страсти, если и были в нем, то уже давно исчезли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всеми вежлив. Он не опрометчив, не верит пасквилям... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мне, как всякие остроумные вымыслы — князю Цицианову[1]. Я не оправдывался

[1] Цицианов князь Дмитрий Евсеевич (1746—1845), дядя А. О. Смирновой, известный острослов.

никогда, из пустого вольнодумия; от дурных стихов не отказывался, надеясь на свою добрую славу, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказаться. — „Слабость непростительная. Но вы же и афей? вот что уж никуда не годится“. — Я афей? В. В., как можно судить человека по письму, писанному к товарищу? Можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как всенародную проповедь? Я всегда почитал вас, как лучшего из европейских нынешних властителей (увидим, однако, что будет из Карла X), но ваш последний поступок со мною — ссылаюсь на собственное ваше сердце — противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей... — „Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие“? — Это не было бы оскорбительно В. В-ву: видите, что я не ошибся в моих расчетах... Тут бы он разгорячился и наговорил бы мне много лишнего (хоть отчасти правду), я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал эпическую поэму „Ермак“ или „Кучум“, размером и с рифмой...

11 января.

Михайловское.

Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: „Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать“. Потом, успокоившись, продолжал: „Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не

доверяешь. Верно, я этого доверия не стою, — по многим моим глупостям“ [1].

И. И. Пущин, стр. 85.

Я рад был, что мы избавились от этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля [Святогорского монастыря]. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. „Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!“

И. И. Пущин, стр. 86—87.

Апрель.

Михайловское.

Тетушка Прасковья Александровна [Осипова] [2] сказала ему однажды: „Qu'est ce qu'il y a de si spirituel dans vos vers“ [Что такого уж умного в ваших стихах]: Ах, тетушка, ах, Анна Львовна! [3]

Et Pouchkine qui lui repondit par cette phrase si originale, si bien de lui: „J'éspère, madame, qu'il est bien permis

---

[1] И. И. Пущин заехал к Пушкину по пути из Москвы в Петербург и пробыл у него менее суток. В 1823 году он, бросив службу в гвардии, поступил в Петербургскую уголовную палату, откуда перешел в Московский надворный суд, что, действительно, находилось в связи с его деятельностью в тайном обществе и имело большое общественное значение.

[2] Осипова Прасковья Александровна, р. Вындомская, по первому браку Вульф (1781 - 1859), близкая приятельница Пушкина.

[3] Пушкина Анна Львовна (ум. 1824 г.), старая девица, родная тетка Пушкина.

Стихотворение „Ох тетушка, ох Анна Львовна“ написано вместе с бар. Дельвигом в двадцатых числах апреля 1825 г.

a moi et au baron Delvig de ne pas toujours avoir de l'ésprit" [А Пушкин ответил ей фразой, столь оригинальной и столь свойственной ему: „Я надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу разрешается не всегда быть умными"].

А. П. Керн П. В. Анненкову. Майков, стр. 256.—Ср. ПС, V, стр. 140—141.

Лето.

Тригорское.

Он шутил без острот и сарказмов, хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: „J'aime la lune, quand elle éclaire un beau visage" [Я люблю луну, когда она озаряет красивое лицо].

А. П. Керн. Майков, стр. 242.

Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре [1], говоря: „Ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?" [Как я был вульгарен сегодня].

А. П. Керн. Майков, стр. 241.

...Он вспоминал нашу первую встречу у Олениных [2], выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: „Vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?" [У вас был такой девственный вид, и, не правда ли, на вас было надето нечто вроде креста].

А. П. Керн. Майков, стр. 242.

---

[1] А. П. Керн, племянница П. А. Осиповой, летом 1825 г. гостила в Тригорском. Под именем сестры подразумевается, вероятно, Евпраксия Николаевна Вульф (в зам. бар. Вревская).

[2] Об этой встрече см. выше, стр. 10—11.

Un bon mot, la repartie vive [острое слово, быстрый отпор] всегда ему нравились. Он мне однажды сказал, — да тогда именно, когда я ему сказала, что не хорошо меня обижать, — moi qui suis si inoffensive [меня, такую безобидную]; выражение ему понравилось, и он простил мне выговор, повторяя: C'est réelement cela, Vous êtes si inoffensive [да, действительно так, вы такая безобидная], и потом сказал: „Да, с вами и не весело ссориться; voilà Votre cousine c'est toute autre chose: et cela fait plaisir, on trouve à qui parler...“ [Вот с вашей кузиной совсем другое дело: это доставляет удовольствие — есть с кем поговорить].

Любезность, остроумное замечание женщины всегда способны были его развеселить. Однажды он пришел к нам и сидел у одного окна с книгой, я — у другого, он подсел ко мне и начал говорить мне нежности à propos de bottes [ни с того ни с сего] и просить ручку, говоря: „C'est si satin“ [они такие атласные]. Я ему отвечала: „Satan“ [Сатана] [1], а сестра сказала, шутя: „Не понимаю, как вы можете ему в чем-нибудь отказать“. Он от этой фразы пришел в восторг и бросился перед нею на колени в знак благодарности... Однако ж он однажды мне говорил — кстати о женщине, которая его обожала и терпеливо переносила его равнодушие [вероятно, Е. М. Хитрово [2]]: „Rien de plus insipide que la patience et la resignation“ [Нет ничего более нелепого, как терпение и покорность].

А. П. Керн П. В. Анненкову.
ПС, V, стр. 144—145.

---

[1] Непереводимая игра слов.

[2] Примечание Б. Л. Модзалевского. Хитрово Елизавета Михайловна (1783—1839), р. Голенищева-Кутузова, дочь фельдмаршала. Близкая приятельница и страстная поклонница Пушкина.

Начало октября.

Трагедия моя [1] кончена, я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал: „ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!“

Пушкин кн. П. А. Вяземскому.

Декабрь.

Село Лямоново, Псковской губ.

[Пушкин читал кн. А. М. Горчакову [2] наброски сцены Пимена и Григория. Горчакову не понравились некоторые выражения. *Ред.*].

„Вычеркни, братец, эти слюни. Ну, к чему они тут?“

„А посмотри у Шекспира — и не такие выражения попадаются“, возразил Пушкин.

„Да, но Шекспир жил не в XIX веке и говорил языком своего времени“, заметил князь.

Кн. А. М. Горчаков о Пушкине. РА 1883, II, стр. 206.

---

[1] „Борис Годунов“.

[2] Горчаков князь Александр Михайлович (1798—1883), товарищ Пушкина по Лицею, впоследствии государственный канцлер. В конце 1825 г. Горчаков и Пушкин встретились в с. Лямонове (у Пещурова). Встречу эту Пушкин тогда же запечатлел в известных стихах:

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай, проселочной дорогой,
Мы встретились и братски обнялись.

Позднее сам Горчаков рассказывал Я. К. Гроту, что заставил Пушкина выбросить из одной сцены „Бориса Годунова“ слово слюни, которое тот хотел употребить из подражания Шекспиру (Грот, стр. 268).

1825—1826 гг.

Михайловское.

* Ребятишки в летнюю пору насбирают ягод, понесут ему продавать, а он деньги заплатит и ягоды им же отдаст: „Кушайте, мол, ребятки, сами, деньги все равно уплачены“.

И. Павлов (Михайловский старожил) по записи *Е. Шведер.* ИВ 1908, № 10, стр. 137.

*... Подъедет это верхом к дому и в окошко плетью цок: „Поп у себя?“ спрашивает... А если тятеньки не случится дома, завсегда прибавит: „Скажи, красавица, чтоб беспременно ко мне наведался... мне кой-о-чем потолковать с ним надо!“

А. Л. Скоропостижная (р. Раевская, дочь священника с. Вороноча [1] по записи *И. Л. Щеглова. Новое о Пушкине.* СПб. 1902, стр. 58.

*... Раз увязался со мной в рощу по грибы... „Пойдем, говорит, грибы собирать, красавица, — у меня, говорит, острый глаз на всякий гриб“...

А. Л. Скоропостижная по записи *И. Л. Щеглова*, op. cit., стр. 60.

---

[1] Раевский Ларион Михайлович, по прозвищу „отец Шкода“, священник села Вороноча (по соседству с Тригорским), которому поручен был надзор за духовной жизнью Пушкина. Видимо, у Пушкина установились с ним приятельские отношения (см. письма его к кн. П. А. Вяземскому и Л. С. Пушкину от 7 апреля 1825 г. Дочь его Акулина, в замужестве Скоропостижная, явившаяся источником сведений о Пушкине, скончалась в июне 1924 г., 105 лет от роду („Известия ЦИК“ от 25 июня 1925 г.), следовательно во время знакомства с Пушкиным, вопреки ее собственному свидетельству (см. ниже), ей было не 12 лет, а всего 5—6 лет, что заставляет сомневаться, если не в подлинности, то, во всяком случае, в точности ее воспоминаний

*Благодетелем он нашим был Александр Сергеевич... однажды возьми и подари папеньке семь десятинок, — а папенька-то и говорит: „Как же, говорит, Александр Сергеевич, — нужно ведь это все на бумагу перенести, в город поехать“... А Александр Сергеевич и отвечает: „Ничего этого не надо, я сам все напишу, и никто от вас моего подарка не отнимет“.

А. Л. Скоропостижная по записи *Е. Шведер*. ИВ 1908, № 10, стр. 141.

*...Пойдем это мы утром, чуть свет, с девушкой грибы собирать... а Александр Сергеевич уже вставши идет нам навстречу и окликает: „Кто это здесь?“ Увидит меня, улыбнется. „А, это ты, скажет, поповна? Ну, давай-ка я помогу вам собирать грибы“. Вот и начнет ходить по парку, палкой указывать, где грибов больше, зовет: „Сюда, поповна, сюда смотри, сколько их!“ Насбираешь корзину и станешь просить: „Батюшка, Александр Сергеевич, вы бы хоть себе грибков на фриштык отобрали!“ А Александр Сергеевич улыбнется и спрашивает: „Вас сколько собиральщиц?“ — „Да две всего“, говорю. — „Ну, а у меня их двадцать!“ Так и уйдет.

А. Л. Скоропостижная по записи *Е. Шведер*. ИВ 1908, № 10, стр. 140—141.

*По словам Акулины Ларионовны, ей было лет двенадцать, когда она знала Пушкина. Он часто приезжал к отцу Лариону...

Приедет и стучит: „Дома поп?“ И коли нет, да долго не видались, сердится:

„Что он ко мне уже три дня не едет?“ А то увидит меня и говорит: „Пойдем, поповна, грибы искать“. Ну, пойдешь... Придем в лес, а он и кричит: „Поповна, поповна, иди сюда, здесь грибов много!..“.

А то я сама... возьму работницу и пойдем за грибами. Насбираем и принесем ему: „Вот вам, барин, на фрыштык!“ А он говорит: „Сколько вас собирало-то?“ „А двое“, отвечаю. „У меня, говорит, тридцать отпущено, да тридцать масленок и принесли“.

А. Л. Скоропостижная по записи *Ал. Гр-ва.* „Новое Время“ 1909, № 11834, стр. 7.

*...Опекуны к нему были приставлены из помещиков: Р[окото]в [1] да П[ещуро]в [2]. П[ещуро]ва-то он хорошо принимал, ну, а того так, бывало, скажет:

„Опять ко мне тащится, я его когда-нибудь в окошко выброшу“.

Кучер Пушкина *Петр* по записи *К. Я. Тимофеева.* „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1859, т. 103, отд. II, стр. 146.

Святогорский монастырь.

*...Приехал... капитан-исправник на ярмарку: ходит, смотрит, что за человек чудной в красной рубахе с нищими сидит? Посылает старосту спросить: кто, мол, такой? А Александр-то Сергеевич тоже на него смотрит, зло так, да и говорит эдак скоро (грубо так он всегда говорил): „Скажи капитану-исправнику, что он меня не боится, и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, так я Пушкин“. Капитан ничто взял, с тем и уехал...

Кучер Пушкина *Петр* по записи *К. Я. Тимофеева.* „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1859, т. 103, отд. II, стр. 146—147.

---

[1] Рокотов Иван Матвеевич (р. 1782, ум. в 1840-х гг.), крупный Опочецкий и Новоржевский помещик, сосед Пушкиных по имению.

[2] Пещуров Алексей Никитич (1779—1849), Опочецкий уездный предводитель дворянства, наблюдению которого был поручен Пушкин, как местный дворянин. Наблюдение это, видимо, было чисто формальное, и у Пушкина с Пещуровым были добрососедские отношения.

*Пел это он в девятницкую нашу ярмарку с нищими Лазаря и деньги собирал. Народу набилось столь много, что в воротах ни пройти, ни проехать. А тут сам г. исправник идет — нет ему хода, да и только. Осерчал, кричит: „Взять его мол под арест!“

Вот двое соцких и повели Пушкина. Тот идет себе ничего. Только вдруг это ему навстречу становой пристав.

„Александр, говорит, Сергеич! Куда это вы, батюшка?“ — Да, вот, говорит, под арест ведут. — „Кто же это вас арестовал?“ — Исправник. — „Да бог с вами, ступайте домой“. А Пушкин-то: „Нет, говорит, не хочу. Арестован и пойду“.

В. Острогорский со слов *Святогорского мещанина.* „Мир Божий“ 1898, № 9, стр. 222—223.

*Чуть встанет утром, уж и бежит [к няне] глядеть: „Здорова ли, мама?“ — он ее все мамой называл. А она ему, бывало, эдак нараспев...

„Батюшка ты, за что все мамой зовешь, какая я тебе мать?“

„Разумеется, ты мне мать: не та мать, что родила, а та, что своим молоком вскормила“.

Кучер Пушкина *Петр* по записи *А. И. Фаресова.* ИВ 1899, № 7, стр. 160. — Ср. *К. Я. Тимофеев. Могила Пушкина и село Михайловское.* „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1859, т. 103, отд. II.

Михайловское-Тригорское.

*Бывало, едем мы все с прогулки, и Пушкин, разумеется, с нами: все встречные мужички и бабы кланяются

нам, на Пушкина же и внимания не обращают, так что он, бывало, не без досады и заметит: „Что́ это на меня-де никто и не взглянет?“

Бар. Е. Н. Вревская[1] по записи *М. С[емевского]*. „СПб. Ведомости“ 1866, № 139, стр. 2.

*...Жила тогда у нас ключницей Акулина Памфиловна — ворчунья ужасная. Бывало, беседуем мы все до поздней ночи — Пушкину и захочется яблок; вот и пойдем мы просить Акулину Памфиловну: „Принеси, да принеси моченых яблок“. А та и разворчится. Вот Пушкин раз и говорит ей шутя: „Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь, завтра же вас произведу в попадьи“. И точно под именем ее чуть ли не в „Капитанской дочке“ и вывел попадью.

М. И. О[сипова][2] по записи *М. С[емевского]*. „СПб. Ведомости“ 1866, № 139, стр. 2.

*Однажды был неурожай, и у одного бедного мужика хлеба не было и денег не было, купить не на что. „Пойду,

---

[1] Вревская баронесса Евпраксия Николаевна, р. Вульф (1809—1883), дочь от первого брака Прасковьи Александровны Осиповой. Овдовев в 1824 году, Осипова жила в Тригорском с многочисленной семьей, состоявшей из 8 чел. детей разного возраста. Пушкин очень часто бывал в Тригорском, развлекаясь в кругу многочисленной молодежи.

[2] Осипова Мария Ивановна (1820—1895), дочь П. А. Осиповой от второго брака (в замужестве Фок). Во время знакомства с Пушкиным ей было всего около 5 лет, что ставит под сомнение точность ее воспоминаний. Впрочем, и кн. П. А. Вяземский замечает о Пушкине, что „моченым яблокам доставалось от него нередко“ (Сочинения кн. П. А. Вяземского, VIII, стр. 372).

говорит, попрошу у Пушкина: не даст ли сколько-нибудь хлеба". Подходит он к селу, а около села—большой лес, ельник; из этого леса выходит навстречу мужику Пушкин. „Здравствуй", говорит ему мужик, а Пушкин спрашивает его: „Куда идешь?" — „Да вот, батюшка, иду к вашему барину попросить хлеба, не даст ли сколько-нибудь". А Пушкин говорит ему: „Голубчик, у нашего барина-то и хлеба нет, — больно горазд пьянствовать, все пропил!" Но мужик его не послушал, пошел в село, — а Пушкин — лесом, да скорей в дом. Покудова мужик подходил к дому, а Пушкин уж в дому и посылает к мужику своего слугу спросить, не встречал ли он кого-нибудь по дороге, в лесу. „Батюшка, — говорит мужик, — встретил; только не знаю кого, как будто какой холоп или лакей: рубашка красная, шляпа соломенная, волосы курчавые и книжка под мышкой". Пушкин рассмеялся, что мужик его назвал холопом, и дал ему хлеба, сколько было нужно.

Воспоминания крестьянина 75 лет *Афанасия Васильева* о Пушкине. „Спб. Ведомости" 1899, № 130.

Тригорское.

*...Маменьке вздумалось было, чтобы я принялась зубрить грамматику... Ломоносовскую. Я принялась было, но, разумеется, это дело показалось мне адским мучением. „Пушкин, заступитесь!" И что́ ж вы думаете? Стал он говорить маменьке, и так это убедительно, что та и совсем смягчилась. Когда же Пушкин сказал: „Я вот отродясь не учил грамматики и никогда ее не знал,

а, славу богу, пишу помаленьку и несовсем безграмотен", тогда маменька окончательно о т с т а в и л а Ломоносова.

М. И. О[сипова] по записи *М. С[емевского]*. „СПб. Ведомости" 1866, № 157, стр. 2.

1826 г., 1 августа.

Познакомясь в гостинице с уездным заседателем Чихачевым, я услышал от него, что он, Чихачев, с Пушкиным сам лично знаком, что Пушкин ведет себя весьма скромно и говаривал не раз:

„Я пишу всякие пустяки, что в голову придет, а в дело ни в какое не мешаюсь. Пусть кто виноват, тот и пропадает; я же сам никогда на галерах не буду".

А. К. Бошняк[1]. *Записка о Пушкине*. Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором, 3-е изд., 1925, стр. 24.

3—4 сентября.

* Приехал вдруг ночью жандармский офицер из городу, велел сейчас в дорогу собираться, а зачем, — неизвестно.

---

[1] Коллежский советник Коллегии иностранных дел Александр Карлович Бошняк (1786—1831), в июле 1826 г. был отправлен в Псковскую губ. „для возможно тайного и обстоятельного обследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян, и в арестовании его и отправлении, куда следует, буде бы он и оказался действительно виновным".

Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеич ее утешать: „Не плачь, мама, — говорит, — сыты будем; царь хоть куды ни пошлет, а все хлеба даст". Жандарм торопил в дорогу, да мы все позамешкались: надо было в Тригорское посылать за пистолетами... Жандарм увидел [их] и говорит: „Господин Пушкин, мне очень ваши пистолеты опасны". „А мне какое дело? Мне без них никуда нельзя ехать, это моя утеха".

Кучер Пушкина по записи *К. Я. Тимофеева.* „Журн. Мин. Нар. Просв." 1859, т. 103, отд. II, стр. 148.

8 сентября.

Москва.

„Я, — говорил государь, — впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами — от известной болезни. Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? — спросил я его между прочим. — „Стал бы в ряды мятежников", отвечал он" [1].

Бар. М. А. Корф[2]. *Записки.* РС 1900, № 3, стр. 574.

„Я впервые увидел Пушкина, — рассказывал нам его величество, — после коронации, в Москве, когда его привезли ко мне из его

---

[1] Пушкин имел аудиенцию у Николая I в самый день своего возвращения из ссылки в Москву.

Из имеющихся в литературе данных следует, что Пушкин в этой беседе держал себя весьма независимо и с большим достоинством.

[2] Корф барон Модест Андреевич (1800—1876), лицейский товарищ Пушкина, видный государственный деятель.

заточения, совсем больного и в ранах... „Что вы бы сделали, если б 14 декабря были в Петербурге?“ спросил я его, между прочим. „Был бы в рядах мятежников“, отвечал он не запинаясь“.

Л. Майков. Пушкин в изображении бар. М. А. Корфа. РС 1899, № 8, стр. 310.

Un Feldjeger m'arracha à ma retraite forcée m'amena en poste à Moskou, tout droit au Kremlin et encore tout couvert de boue, on m'introduisit dans le cabinet de l'empereur, qui me dit:

„A, bonjour, Pouchkin, étes vous bien aise d'être rappelé?

Je lui fis une reponse convénable. L'empereur causa longtemps avec moi et me demanda:

„Pouchkuin, auriez vous pris part au 14, si vous étiez à Pétersbourg?“

„Absolument, Sire, tous mes amis étaient du complot et je n'aurais pas pu n'en pas être aussi. L'absence seule m'a sauvé et j'en remercie le Ciel“.

„Vous avez fait assez de bêtises, — reprit l'empereur, — j'éspère, qà'à présent, vous serez raisonable et que nous ne nous brouillerons plus. C'est a moi, que vous enverrez tout ce que vous composerez; desormais c'est moi qui sera votre censeur“ [Фельдъегерь вырвал меня из моего насильственного уединения и привез в Москву, прямо в Кремль, и, всего покрытого грязью, меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: „Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?“ Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мной, потом спросил: „Пушкин, принял ли бы ты участие в 14-м декабря, если бы был в Петербурге?“ — „Непременно, государь,

все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю бога". — „Ты довольно шалил, — возразил государь, — надеюсь, что теперь ты образумился, и что размолвки у нас впредь не будет. Присылай все, что напишешь, ко мне, отныне я буду твоим цензором"].

Пушкин по записи *А. Г. Хомутовой* [1]. РА 1867, стр. 1066.

... Император Николай, на аудиенции, данной Пушкину в Москве, спросил его, между прочим: „Что же ты теперь пишешь?" — Почти ничего, в. в.: цензура очень строга. — „Зачем же ты пишешь такое, чего не пропускает цензура?" — Цензора не пропускают и самых невинных вещей: они действуют крайне нерассудительно. — „Ну, так я сам буду твоим цензором, — сказал государь. — Присылай мне все, что напишешь".

А. О. Россет [2] по записи *Я. К. Грота*. Грот, стр. 288.

---

[1] Хомутова Анна Григорьевна (1784—1856), автор повестей и стихов, двоюродная сестра и лучший друг поэта И. И. Козлова, посвятившего ей стихотворение „Друг весны моей". Лермонтов увековечил ее образ в стихотворении „А. Г. Хомутовой". Биограф ее, Е. Розе, свидетельствует, что она обладала замечательной памятью, „могла сказать наизусть целые поэмы и запоминала целиком разговоры". РА 1867, стр. 1052. Ср. РС 1880, № 1, стр. 132.

[2] Россет Аркадий Осипович (1811—1881), брат А. О. Смирновой, приятель Пушкина.

9 сентября.

Москва.

...[Княжна А. И. Трубецкая[1] сказала Веневитинову[2]]: „Я теперь смотрю de meilleur oeil на госуд[аря], потому что он возвратил Пушкина“. „Ах, душенька, — сказал Пушкин, — везите меня скорее к ней“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 74.

11 сентября.

Веневитинов рассказывал мне о вчераш[нем] дне... „Альман[ах][3] не надо издавать, — сказал он, — пусть Погодин издает [или издаст] в последний раз, а после станем издавать журнал, — кого бы Редактором, а то меня [?] с Вяз[емским] считают шельмами. — „Погод[ина], — сказ[ал] Веневитинов.—Познакомьте меня с ним и со всеми, с кем бы можно говорить с удовольст[вием]. Поедем к нему теперь“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 73—74.

---

[1] Трубецкая княжна Александра Ивановна, в замужестве княгиня Мещерская.

[2] Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827), выдающийся лирический поэт, глава кружка Московских любомудров. Пушкин еще до личной встречи заинтересовался им, а в Москве близко сошелся.

[3] Литературный альманах „Гермес“, задуманный М. П. Погодиным, выдающимся журналистом, историком и литератором (1800—1875), с 1826 г. занимавшим кафедру всеобщей истории в Московском Университете.

Между прочим, приезжает сам Пушкин. Я не опомнился. „Мы с вами давно знакомы, — сказал он мне, — и мне очень приятно утвердить и укрепить наше знакомство нынче“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 75.

12 сентября.

[В театре].

Соб[олевский][1] подвел меня к нему [на представлении „Аристофана“ [2]]. „Ах, здравствуйте!“ — Вы не видали этой пиесы? — „Ее только что во 2 раз играют. Он написал еще Езопа при дворе“. — А это верно подражание [не разб.]. — „Довольны ли вы нашим театром?“ — Зала прекрасная, жаль, что освещение изнутри.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 75—76.

Середина сентября.

Москва.

Венев[итинов] рассказывал о суеверии Пушкина. Ему предсказали судьбу какая-то немка Кирнгоф и грек

---

[1] Соболевский Сергей Александрович (1803—1870), талантливый эпиграмматист и острослов, известный библиофил и библиограф, товарищ Л. С. Пушкина по Петербургскому университетскому благородному пансиону и один из ближайших и вернейших друзей Пушкина.

[2] Пьеса кн. А. А. Шаховского.

в Одессе. — „До сих пор все сбывается, напр[имер]... два изгнания. Теперь должно начаться счастие. Смерть от белого человека или от лошади, и я с боязнию кладу ногу в стремя, — сказал он, — и подаю руку белому человеку“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 74—75.

16 сентября.

[На празднике на Девичьем Поле].

Там Пушкин, который относился несколько ко мне: „Жаль, что на этом празднике мало драки, мало движения“.

Я ответил, что этому причина белое и красное вино, если бы было Русское, то...

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 77.

28 сентября.

Пушкин сказал мне: „Я не видал вас сто лет. Когда же у меня?“

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 78.

Сентябрь — декабрь.

Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского

около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидаться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться туда, но — как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта, у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву [1], который вел жизнь не светскую, и от него запастись сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер, сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот на пути в Тригорское заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой: ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. — Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь! в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне. „А вот каковы бы были последствия моей поездки, — прибавлял Пушкин.— Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтобы не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно,

---

[1] Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826), поэт, близкий друг А. А. Бестужева, через которого сблизился с Пушкиным. Был главою Северного общества, при чем его квартира служила средоточием заговора в дни, предшествовавшие восстанию 14 декабря. Повешен 13 июля 1826 г.

я забыл бы о Вейсгаупте [1], попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!“ [2]

С. А. Соболевский. Таинственные приметы в жизни Пушкина. РА 1870, стр. 1386—1387.

Сентябрь — октябрь.

* В Москве на обеде, данном в честь Пушкина, предложено было несколько тем в свернутых бумажках. Мицкевичу [3] по жребию досталась тема: „Смерть константинопольского патриарха, убитого турецкой чернью“...

---

[1] О Вейсгаупте см. ниже, стр. 144. — Ср. М. П. Погодин „Простая речь о мудреных вещах“. Изд. 3. М. 1875, отд. II, стр. 24, и Pisma Adama Mickiewicza, изд. 1860, IX, стр. 293.

[2] Племянник Пушкина Л. Н. Павлищев в своих воспоминаниях об А. С. Пушкине (М. 1890, стр. 118), во многом противоречащих истине, рассказывает, будто бы со слов матери О. С. Павлищевой, сестры поэта, что в начале декабря 1825 г. Пушкин решил было тайком съездить в Петербург, но, едва он тронулся в путь, ему перебежал дорогу заяц, и суеверный Пушкин поспешил назад. „Сообщая об этом случае сестре, — добавляет Л. Н. Павлищев, — он сказал Ольге Сергеевне: „Благо мне, что обратил внимание на зайца. Иначе не на зайца бы наскочил сам, а на 14 декабря, а оно, кстати, как раз пришлось в понедельник — jour néfaste; верь, Ольга, непременно бы попался в историю вместе с Пущиным и Кюхельбекером, а к ним-то я, не зная ничего, и ехал. Смейся после этого над тем, что называешь суеверием!“.

[3] Мицкевич Адам (1798—1855), величайший польский поэт. В 1824 г. он был выслан из Литвы, в связи с расследованием Н. Н. Новосильцева по делу о тайных обществах, и жил сперва в Одессе, а потом в Москве, где служил в Канцелярии генерал-губернатора. Там с ним и познакомился Пушкин, при чем между обоими поэтами установилось тесное содружество. В 1829 г. Мицкевич получил право выехать из России.

Поэт простоял несколько минут в молчании, сосредоточился, затем стал импровизировать... Пушкин, восхищенный, соскочил с места... и, бегая по комнате, кричал: „Quel génie, quel feu, sacré, que suis-je auprès de lui“ [какой гений, какой священный огонь, что я после него], затем обнял Мицкевича и осыпал его поцелуями.

Ф. К. Неслуховский. Мицкевич в России. ИВ 1880, № 5, стр. 30.

Октябрь.

У Полевых [1].

Он был не весел в этот вечер, молчал, когда речь касалась современных событий, почти презрительно отзывался о новом направлении литературы, о новых теориях и, между прочим, сказал:

„Немцы видят в Шекспире чорт знает что, тогда как он просто, без всяких умствований говорил, что было у него на душе, не стесняясь никакой теорией“.

---

[1] Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), видный журналист и литературный деятель, редактор и издатель „Московского Телеграфа“.—Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), младший брат Николая, ведший всю черную работу по изданию журнала. Пушкин, еще будучи в ссылке в 1825—1826 гг., сотрудничал в „Московском Телеграфе“. но вскоре затем, на почве литературных разногласий и нетактичностей Н. Полевого, у него к последнему явилось охлаждение, позднее перешедшее в открытый разрыв, после того как в своей „Истории русского народа“ Полевой пытался опровергнуть все незыблемые авторитеты, не исключая и Карамзина. Тогда же порвали с Полевым и друзья Пушкина, в том числе Вяземский, прекративший с ним даже всякие личные отношения.

Тут он выразительно напомнил о неблагопристойностях, встречаемых у Шекспира и прибавил, что это был гениальный мужичек!

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 5, стр. 292.

[У Пушкина через несколько дней].

... [Пушкин] тотчас начал речь о „Московском Телеграфе", в котором находил множество недостатков, выражаясь об иных подробностях саркастически. Я возражал ему, как умел, и разговор шел довольно запальчиво, когда в комнату вошел г. Шевырев [1]... Вскоре ввалился в комнату М. П. Погодин... Я увидел, что буду лишний в таком обществе, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожимая мне руку, Пушкин сказал: „Sans rancune, je vous en prie!" [Не будьте злопамятны, я вас прошу], и захохотал тем простодушным смехом, который памятен всем знавшим его.

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 5, стр. 293.

[Во время коронации].

...Возвращенный из ссылки Пушкин познакомился с польским своим собратом [Мицкевичем]. Они часто видались. Будревич, учитель математики в Тверской гимназии, помнил, как раз Пушкин зазвал сбитенщика

---

[1] Шевырев Степан Петрович (1806—1864), поэт, критик, переводчик, принадлежавший к сгруппировавшемуся вокруг Пушкина литературному кружку, из которого вырос „Московский Вестник", в коем Шевырев стал соредактором М. Погодина.

и как вся компания пила сбитень, а Пушкин, шутя, говорил: „На что нам чай? Вот наш национальный напиток“.

М. А. Максимович по записи *П. Б[артенева]*. РА 1898, II, стр. 480.

26 октября.

Москва.

[На вечере в честь Пушкина у М. И. Римской-Корсаковой] [1].

A souper quelqu'un me nomma. Ce nom, comme une etincelle electrique, agit sur Pouchkinr. Il se leva et accourut à moi en me disant:

„Vous étes la soeur de Михаил Григорьевич [2], je l'estime, je l'aime et je réclame votre bienveillance. Il me parla du régiment de hussard, qui, disait il, avait été son berceau et mon frère souvent son mentor“ [За ужином кто-то назвал меня, и Пушкин вдруг встрепенулся, точно в него ударила электрическая искра. Он встал и, поспешно подойдя ко мне, сказал: „Вы сестра Михайла Григорьевича, я уважаю, люблю его и прошу вашей благо-

---

[1] Римская-Корсакова Мария Ивановна (ум. 1832), р. Наумова, вдова камергера, в салоне которой собиралась вся образованная Москва. После возвращения из ссылки Пушкин стал частым гостем Корсаковой и даже, по предположению М. О. Гершензона (см. его книгу „Грибоедовская Москва“), был одно время увлечен дочерью ее, Александрой Александровной. Пушкин намеревался вывести семью М. И. Корсаковой в своем романе „На Кавказских водах“.

[2] Хомутов Михаил Григорьевич (1795—1864), брат А. Г. Хомутовой, впоследствии командир л.-гв. Гусарского полка, генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, потом первый наказной атаман войска Донского.

склонности". Он стал говорить о лейб-гусарском полке, который, по словам его, был его колыбелью, а брат мой был для него нередко ментором].

А. Г. Хомутова. Воспоминания о Пушкине. РА 1867, стр. 1066.

26 октября.

Un gros allemand entra chez moi et me dit en s'inclinant:

„J'ai une grâce à vous demender".

„Je vous l'acorde avec plaisir, si elle est en mon pouvoir".

„Permettez moi de parer mon ouvrage d'un de vos vers".

„C'est beaucoup d'honneur pour moi, mais quel ouvrage et quels vers?"

„Je prépare le meilleur vernis pour les bottes, et si vous le permettez, je mettrai sur les boites: Светлее дня, чернее ночи" [1] [Ко мне приходит толстый немец и, кланяясь, говорит: „У меня к вам просьба". — Охотно исполню, если только могу. — „Позвольте мне украсить мое изделие вашими стихами". — Много для меня чести, но что за изделие и какие стихи? — „У меня приготовляется превосходная вакса для сапог, и, если позволите, на баночках я поставлю: Светлее дня, чернее ночи"].

Пушкин по записи *А. Г. Хомутовой.* РА 1867, стр. 1067.

---

[1] Из поэмы „Бахчисарайский фонтан".

После октября.

Французский язык знал он в совершенстве. „Только с немецким не мог я сладить, — сказал он однажды. — Выучусь ему, и опять все забуду: это случалось уже не раз“.

[К. Полевой]. Некролог о Пушкине. „Живописное Обозрение“ 1837, III, стр. 80.

26 декабря.

Poushkine me disait: „J'ai le projet de faire un ouvrage sur Pougatcheff. J'irai sur les lieux, je passerai l'Oural, je pousserai plus loin et viendrai vous demender asile dans les mines de Nertchinsk“ [Пушкин говорил мне: „Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках“].

Кн. М. Н. Волконская[1]. *Записки.* СПб. 1906, стр. 25.

28 декабря.

Чит[ал] „Афоризмы“ [2]. „Здесь есть глубокие мысли“, сказ[ал] Пушкин.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX–XX, стр. 83.

---

[1] Волконская княгиня Мария Николаевна, р. Раевская (род. ок. 1805 г., ум. 1863 г.), жена декабриста кн. С. Г. Волконского, последовавшая за ним в Сибирь. Пушкин знал ее с детства, еще с тех пор, когда путешествовал на юге с Раевским и, в последний раз, встретился с нею на вечере, устроенном в ее честь кн. З. А. Волконской, перед отъездом ее в Сибирь. Ей посвятил Пушкин „Полтаву“. Некоторые исследователи в М. Н. Волконской видят „утаенную любовь“ Пушкина.

[2] „Исторические Афоризмы“ М. Погодина вышли в свет только в 1836 г.

После 1826 г.

Помню, что однажды, в пылу спора, сказал я ему: „Да ты, кажется, завидуешь Дмитриеву“ [1]. Пушкин тут зардел, как маков цвет, с выражением глубокого упрека, взглянул на меня и протяжно, будто отчеканивая каждое слово, сказал: „Как, я завидую Дмитриеву?“. Спор наш этим и кончился...

Кн. П. А. Вяземский, I, стр. 159—160.

...Я недавно припомнил золотые слова Пушкина насчет существующих и принятых многими правил о дружеских сношениях. „Все (говорил в негодовании Пушкин) заботливо исполняют требования общежития в отношении к посторонним, т.-е. к людям, которых мы не любим, а чаще и не уважаем, и это единственно потому, что они для нас ничто. С друзьями же не церемонятся, оставляют без внимания обязанности свои к ним, как к порядочным людям, хотя они для нас — все. Нет, я так не хочу действовать. Я хочу доказывать моим друзьям, что не только их люблю и верую в них, но признаю за долг и им, и себе, и посторонним показывать, что они для меня первые из порядочных людей, перед которыми я не хочу и боюсь манкировать чем бы то ни было, освященным обыкновениями и правилами общежития“.

П. А. Плетнев Я. К. Гроту, от 1 апреля 1844 г. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, II, стр. 221 — 222.

Князь *** (хозяин за ужином). А как вам кажется это вино?

---

[1] Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), баснописец, министр юстиции, член Государственного совета, сенатор.

Пушкин (запинаясь, но из вежливости). Ничего, кажется вино порядочное.

Князь ***. А поверите ли, что, тому шесть месяцев, нельзя было и в рот его брать.

Пушкин. Поверю.

Кн. П. А. Вяземский, VIII, стр. 231.

Спросили Пушкина на одном вечере про барыню, с которой он долго разговаривал, как он ее находит, умна ли она?—„Не знаю,—отвечал Пушкин очень строго и без желания поострить (в чем он бывал грешен): — ведь я с ней говорил по французски".

Кн. П. А. Вяземский. Из „Записной книжки". РА 1886, III, стр. 432.— Ср. ИВ 1884, № 9, стр. 505.

В Петербурге жила некая княгиня Наталья Степановна и собирала у себя la fine fleur de la société [высший свет] но Пушкина не приглашала, находя его не совсем приличным. Пушкин об ней говорил: „Ведь она только так прикидывается, в сущности она Русская труперда и толпёга, но так как она все делает по-французски, то мы будем ее звать: La princesse-tolpege" [1].

А. О. Россет по записи *П. И. Бартенева.* РА 1882, I, стр. 246.

Пушкин забавно рассказывал следующий анекдот. Где-то шла речь об одном событии, ознаменовавшем

---

[1] Голицына княгиня Наталья Степановна, р. Апраксина (1794 — 1890), жена кн. С. С. Голицына. Труперда — толстая, неповоротливая, ленивая женщина; толпёга — бестолковая, грубая, неотесанная женщина (обл. нар.).

начало нынешнего столетия [1]. Каждый вносил свое сведение. „Да чего лучше, — сказал один из присутствующих, академик ** (который также был налицо), — современник той эпохи и жил в том городе. Спросим его, как это все происходило“. И вот академик ** начинает свой рассказ: „Я уже лег в постель, и вскоре пополуночи будит меня сторож и говорит: извольте надевать мундир и итти к президенту [2], который прислал за вами. Я думаю себе: что за притча такая, но оделся и пошел к президенту, а там уже пунш“. Пушкин говорил: „Рассказчик далее не шел, так и видно было, что он тут же сел за стол и начал пить пунш. Это значит иметь свой взгляд на историю“.

Кн. П. А. Вяземский. Из старых записных книжек. РА 1875, I, стр. 204—205.— Ср. *кн. П. А. Вяземский,* VIII, стр. 310.

Пушкина рассердил и огорчил я другим стихом из послания [к В. А. Жуковскому] [3], а именно тем, в котором говорю, что язык наш рифмами беден. „Как хватило в тебе духа, — сказал он мне, — сделать такое признание?“ Оскорбление русскому языку принял он за оскорбление, лично ему нанесенное.

Кн. П. А. Вяземский. Автобиография. РА 1911, II, стр. 434.—Ср. *кн. П. А. Вяземский,* I, стр. XLII.

---

[1] Убийство императора Павла I — 11 марта 1801 г.

[2] Президент Академии наук с 1798 до 1803 г. барон Андрей Львович Николаи (1737—1820).

[3] Послание „К В. А. Жуковскому“ напечатано впервые в „Сыне Отечества“ 1821 г., № 10, стр. 129. „Угрюмый наш язык как рифмами ни беден, но прихотям твоим укор его не вреден“.

„Дружбу сотворил бог, а литературу состряпали мы, смертные“, так отвечал Пушкин на упреки приятелей за преувеличенные похвалы стихотворениям друзей своих, Дельвига и Боратынского.

А. Д. Галахов[1]. *Воспоминания.* РС 1879, № 2, стр. 326.

Я как-то раз утром зашел к Пушкину и застаю его в передней, провожающим Дирина[2]. Излишняя внимательность и любезность его к Дирину несколько удивила меня, и, когда Дирин вышел, я спросил Пушкина о причине ее.

„С такими людьми, братец, излишняя любезность не вредит“, отвечал, улыбаясь, Пушкин.

„С какими людьми?“ спросил я с удивлением.

„Да ведь он носит ко мне письма от Кюхельбекера... Понимаешь? Он служит в III отделении“.

Я расхохотался и объяснил Пушкину его заблуждение.

П. А. Плетнев по записи *И. И. Панаева.* И. И. Панаев. Воспоминания, Лгр. 1928, стр. 63—64.

Конец 1826—1828 гг.

Пушкин, встретясь где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал: „С дороги двойка, туз идет“. На что Мицкевич тут же отвечал: „Козырная двойка туза бьет“.

Кн. П. А. Вяземский, VI, стр. 309.

---

[1] Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892), историк русской литературы.

[2] Дирин Сергей Николаевич (1804—1839), переводчик. В библиотеке Пушкина имеется книга Сильвио Пеллико „Об обязанностях человека“, с надписью „Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика Дирина. 18 января 1837 г. С.-Петербург“. — Ср. статью Пушкина об этой книге (Морозов, VI, стр. 162); был родственником Кюхельбекера и потому через III отделение получал письма его.

1826—1827 гг.

Пушкин спрашивал приехавшего в Москву старого товарища по Лицею про общего приятеля, а также сверстника-лицеиста, отличного мимика и художника [1] по этой части: „А как он теперь лицедействует и что представляет?“ — Петербургское наводнение. — „И что же?“— Довольно похоже, — отвечал тот. Пушкин очень забавлялся этим довольно похоже.

Кн. П. А. Вяземский, VIII, стр. 331.

Каченовский [2], извещая в своем журнале об итальянском импровизаторе Скричи, сказал, что он ничего б не мог сочинить на темы, как: К ней, Демон и пр.

„Это правда, — сказал Пушкин, — все равно, если б мне дали тему: Михайло Трофимович — что из этого я мог бы сделать? Но дайте сию же мысль Крылову, и он тут же бы написал басню — Свинья“.

В. Ф. Щербаков. Записи. Ефремов, VIII, стр. 110.

„Не кстати Каченовского называют собакой, — сказал Пушкин, — ежели же и можно так называть его, то собакой беззубой, которая не кусает, а мажет слюнями“.

В. Ф. Щербаков. Записи. Ефремов, VIII, стр. 110.

---

[1] Повидимому, Яковлев Михаил Лукьянович — о нем см. ниже, стр. 243.

[2] Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842), редактор и издатель „Вестника Европы“. Пушкин находился с ним в постоянной литературной вражде. См. эпиграммы Пушкина на Каченовского.

„Я надеюсь на Николая Языкова [1], как на скалу“, сказал Пушкин.

В. Ф. Щербаков. Записи. Ефремов, VIII, стр. 110.

„После чтения Шекспира, — говорил Пушкин, — я всегда чувствую кружение головы; — мне кажется, будто я глядел в ужасную мрачную пропасть“.

В. Ф. Щербаков. Ефремов, VIII, стр. 111. — Ср. *М. П. Погодин. Дневник,* ПС, XIX—XX, стр. 77.

„Как после Байрона нельзя описывать человека, которому надоели люди, так после Гете нельзя описывать человека, которому надоели книги“, сказал Пушкин.

В. Ф. Щербаков. Ефремов, VIII, стр. 111.

[На квартире у Соболевского в Москве на Собачьей площадке].

„...Начал он читать мою „Русую Косу“ [2] и, дойдя до места в начале, где один молодой человек выдумал

---

[1] Языков Николай Михайлович (1803—1846), один из наиболее выдающихся поэтов пушкинской плеяды. Будучи еще студентом Дерптского университета и живя потому в Дерпте, Языков, однако, принимал деятельное участие в литературной жизни столиц. С Пушкиным он познакомился в Тригорском, куда приезжал с А. Н. Вульфом, сыном П. А. Осиповой, своим дерптским товарищем.

[2] „Русая Коса, происшествие из жизни одного молодого человека“, повесть М. П. Погодина, вошла в издание его повестей (М. 1832, ч. I, стр. 1—23); быть может, после этого восклицания Пушкина, Погодин выпустил упоминание о переводе Жуковским именно Мазепы. В печати это место читается так: „Знаешь ли, что со времени твоего затворничества вышел новый том „Истории“ Карамзина, Жуковский перевел еще одну байронову поэму... Словом, ты целую неделю сидишь дома“ (Op. cit., стр. 2).

новость другому любителю словесности, чтобы вызвать его из задумчивости: „Жуковский перевел Байронова Мазепу“, вскрикнул с восторгом: „Как! Жуковский перевел Мазепу!“.

М. П. Погодин С. А. Соболевскому. Барсуков, II, стр. 64.

Шевырев как был слаб перед всяким сильным влиянием нравственно, так был физически слаб перед вином, и как немного охмелеет, то сейчас растает и начнет говорить о любви, о согласии, братстве и о всякого рода сладостях; сначала в молодости, и это у него выходило иногда хорошо, так что однажды Пушкин, слушая пьяного оратора, проповедующего довольно складно о любви, закричал: „Ах, Шевырев, зачем ты не всегда пьян!“

С. М. Соловьев. Записки, [Птг. 1915], стр. 48.

Москва.

Однажды давали „Бахчисарайский фонтан“ [1] с отцом моим в роли Керим-Гирея. На этот раз и Пушкин был в театре... И когда Мочалов [2] начал свой монолог:

Ее пленительные очи
Светлее дня, чернее ночи... и пр.

то Пушкин вскочил с места и сказал чуть не вслух: „Совсем заставил меня забыть, что я в театре“.

Е. П. Шумилова-Мочалова. Воспоминания. ИВ 1896, № 10, стр. 102.

---

[1] „Бахчисарайский фонтан“, поэма Пушкина, написана в 1822 г.

[2] Мочалов Павел Степанович (1800—1848), знаменитый драматический актер. Дочь его, Е. П. Шумилова, относит этот эпизод к началу артистической деятельности отца. Мочалов дебютировал на сцене Московского императорского театра в 1817 г., Пушкин же мог увидеть свою поэму на московской сцене не ранее возвращения из ссылки, в 1826 г.

Около 1827 г.

...Когда Дельвиг объявил, что меньшой [его брат][1] уже сочинил стихи, он [Пушкин] пожелал их услышать, и малютка-поэт, не конфузясь ни мало, медленно и внятно произнес, положив обе ручонки в руки Пушкина: „Индиянди, Индиянди, Индия! Индиянда, Индиянда, Индия!“ Александр Сергеевич, погладив поэта по голове, поцеловал и сказал: „Он точно романтик“.

А. П. Виноградская (Керн). Отрывок из записок. Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке. „Семейные Вечера“, ст. возр. 1864, № 10, стр. 681. — Ср. ПС V, стр. 151—152.

Однажды пригласил он [Пушкин] несколько человек в тогдашний ресторан Доминика и угощал их на славу. Входит граф Завадовский[2] и, обращаясь к Пушкину, говорит:

„Однако, Александр Сергеевич, видно туго набит у вас бумажник!“

„Да ведь я богаче вас, — отвечает Пушкин: — вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревень, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв русской азбуки“.

Кн. А. Ф. Голицын-Прозоровский[3] [по записи *П. И. Бартенева*]. РА 1888, III, стр. 468.

---

[1] Дельвиг барон Иван Антонович, род. в 1819 г.

[2] Завадовский граф Василий Петрович (1798—1825), бывший лейб-гусар.

[3] Голицын-Прозоровский князь Александр Федорович (р. 1810) бывший лейб-гусар.

...Стихами и рисунками в моем альбоме Пушкин не ограничился. Он имел терпение скопировать все росчерки и наброски пером на бумажной обложке переплета: подлинную взял себе, а копиею подменил ее и так искусно, что мы с графинею [1] долгое время не замечали этого „подлога“...

„Зачем вы это сделали?“ спрашивали мы его.

„Старую обложку я оставил себе на память!“ смеялся милый шалун.

А. М. Каратыгина[2]. *Воспоминания.* РС 1880, № 7, стр. 568.

Когда хоронили жену [Ф. Ф.] Кокошкина [3] (рожденную Архарову) [4] и выносили ее гроб мимо его кабинета, куда отнесли лишившегося чувств Федора Федоровича, дверь вдруг отворилась, и на пороге явился он сам, с поднятыми на лоб золотыми очками, с распущенным галстухом и с носовым платком в приподнятой руке:

„Возьми меня с собою“, продекламировал он мрачным голосом, вслед за уносимым гробом.

„C'est la scène la plus réussie de toutes, celles que je lui ai vu représenter!“ [Из всех сцен, им разыгранных, это была самая удачная], заключил свой рассказ Сергей Львович Пушкин [5].

---

[1] Ивелич графиня Екатерина Марковна (1795—1838).

[2] Колосова Александра Михайловна (1802 — 1880), по мужу Каратыгина, известная актриса, жена Василия Андреевича Каратыгина.

[3] Кокошкин Федор Федорович (1743—1838), директор московских театров, драматург.

[4] Кокошкина Варвара Ивановна, рожденная Архарова (1786—1811), первая жена Ф. Ф. Кокошкина, скончалась в 1811 г.

[5] Пушкин Сергей Львович (1771—1848), отец поэта.

Когда я потом рассказывала это Александру Сергеевичу, он заметил, смеясь:

„Rivalité de métier“ [Соперничество по ремеслу].

А. М. Каратыгина. Воспоминания. РС 1880, № 7, стр. 573—574.

1827 г.

Москва.

[В юности Пушкин], конечно, не мог быть равнодушен к шестнадцатилетней девочке.

„Vous aviez seiz ans, lorsque je vous ai vue,—говорил он мне впоследствии, — pourquoi ne me l'avez vous pas dit“.

„Et alors?“ смеялась я ему.

„C'est que j'adore ce bel âge!“ [„Вам было 16 лет, когда я вас видел, зачем вы мне не сказали, что вам 16 лет“? — Что же из этого? — „То, что я обожаю этот прелестный возраст“].

А. М. Каратыгина. Воспоминания. РС 1880, № 7, стр. 567.

[Малый театр].

В тот вечер играли комедию Мариво: „Обман в пользу любви“ [1] (Les fausses confidences) в переводе П. А. Катенина. Он привел ко мне в уборную „кающегося грешника“, как называл себя Пушкин. „Размалеванные брови...“ напомнила я ему, смеясь.

„Полноте, бога ради, — перебил он меня, конфузясь и целуя мою руку, — кто старое помянет, тому глаз вон! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве!?“

А. М. Каратыгина. Воспоминания. РС 1880, № 7, стр. 571.

---

[1] Комедия Мариво „Обман в пользу любви“ впервые поставлена была на сцену в сезон 1826—27 г.

Встретившись с Максимовичем на обеде у С. С. Уварова [1], Пушкин сказал последнему: „Мы г. Максимовича [2] давно считаем нашим литератором; он подарил нас Малороссийскими песнями“ [2].

Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Моск. Унив., ч. II, М. 1855, стр. 10; „Ст. и Нов.“ IV, стр. 17.

Пушкин сказал: „Мы давно знаем вас, Максимович, и считаем литератором. Вы подарили нас Малороссийскими песнями“.

Н. Чаев. М. А. Максимович. РА 1874, II, стр. 1058.

Начало января.

Москва.

В 27-м году, когда он пришел проститься с А. Г. Муравьевой [3], ехавшей в Сибирь к своему мужу Никите, он сказал ей: „Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое Общество; я не стоил этой чести“.

И. Д. Якушкин. Записки, М. 1905, стр. 52.

---

[1] Уваров Сергей Семенович (1786—1855), министр народного просвещения, президент Академии Наук.

[2] М. А. Максимович, занимаясь этнографией, в 1827 г. издал „Малороссийские песни“, благодаря чему сразу приобрел популярность в литературных кругах.

[3] Муравьева Александра Григорьевна, р. гр. Чернышева (ум. 1833), жена декабриста Н. М. Муравьева, последовавшая за мужем в Сибирь. Пушкин, видевший ее перед отъездом, послал с нею свои стихи „Послание в Сибирь“ и „Ив. Ив. Пущину“ („Мой первый друг, мой друг бесценный“).

Март.

Москва.

В субботу на Тверском [бульваре] я в первый раз увидел Пушкина; он туда пришел вместе с Корсаковым [1], сел с несколькими знакомыми на скамейку, и, когда мимо проходили советники гражданской палаты Зубков [2] и Данзас [3], он подбежал к первому и сказал: „Что ты на меня не глядишь? Жить без тебя не могу“. Зубков поцеловал его.

В. Ф. Щербаков. Записи. Ефремов, VIII, стр. 111.

2 марта.

Разбор ваш „Памятника Муз“ [4] сокращен по настоятельному требованию Пушкина. Вот его слова, повторяемые с дипломатическою точностию:

---

[1] Корсаков—Григорий Александрович Римский-Корсаков (ум. 1852), с которым Пушкин близко сошелся после возвращения из ссылки, сын М. И. Римской-Корсаковой (см. выше), в это время полковник в отставке.

[2] Зубков Василий Петрович (1799—1862), представитель передовой либеральной молодежи Москвы, перешедший, под влиянием новых идей, подобно И. И. Пущину и К. Ф. Рылееву, в гражданскую службу. Привлекался по делу декабристов. Пушкин близко сошелся с Зубковым, большим другом И. И. Пущина, что уже одно привлекало к нему Пушкина. Автор записок.

[3] Данзас Борис Карлович (1799—1868), лицеист II курса, брат лицейского товарища и будущего секунданта Пушкина, К. К. Данзаса. Принадлежал к тому же кружку, что и Зубков; привлекался по делу декабристов.

[4] В 5 номере „Московского Вестника“ 1827 г., издаваемого М. П. Погодиным, в отделе „Критики“ (стр. 78 - 81) помещен разбор изданного Б. М. Федоровым альманаха „Памятник отечественных муз на 1827 год“. Разбор подписан буквами И. К.

„Здесь есть много умного, справедливого, но автор не знает приличий: можно ли о Державине [1] и Кар[амзине] сказать, что „имена их возбуждают приятные воспоминания“, что „с прискорбием видим ученические ошибки в Держ[авине]. Державин все — Державин. Имя его нам уже дорого. Касательно жив[ых] писателей также не могу я, объявленный участником в журнале, согласиться на такие выражения. Я имею связи. Меня могут почесть согласным с мнением рецензента. И вообще не должно говорить о Державине таким тоном, каким говорят об N.N., об S.S. Сим должен отличаться „М[осковский] Вестник“. Оставьте одно общее суждение“.

М. П. Погодин кн. В. Ф. Одоевскому. Публ. И. А. Бычкова. РС 1904, № 3, стр. 705—706.

Вторая половина марта.

Пушкин приехал к кн. Зинаиде Александровне Волконской... У одной из статуй отбили руку. Хозяйка была в горе. Кто-то из друзей поэта вызвался прикрепить отбитую руку, а Пушкина попросил подержать лестницу и свечу...

„Нет, нет, — закричал Пушкин, — я держать лестницу не стану. Ты — белокурый. Можешь упасть и пришибить меня на месте“ [2].

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстрированное приложение к „Новому Времени“ 1898, № 8115, стр. 6.

---

[1] Державин Гавриил Романович (1743—1816), знаменитый поэт и государственный деятель.

[2] Ср. ниже, стр. 195—196. Намек на известное предсказание. О В. А. Нащокиной см. ниже, стр. 141.

В 1827 году, когда мы издавали „Московский Вестник“, Пушкин дал мне напечатать эпиграмму:

Лук звенит, стрела трепещет...[1]

Встретясь со мной дня через два по выходе книжки, он сказал мне: „А как бы нам не поплатиться за эпиграмму“. — Почему? — „Я имею предсказание, что должен умереть от белого человека или от белой лошади. N.N. (Пушкин назвал тогда по имени лицо, на которое написана эпиграмма) может вызвать меня на дуэль, а он не только белый человек, но и лошадь“.

М. Погодин. К предсказаниям о Пушкине. РА 1870, стр. 1947.
Ср. *А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами,* Киев 1871, стр. 13—15.

После марта.

[У Н. О. и С. Л. Пушкиных].

...Мы говорили о Льве Сергеевиче[2], который в то время служил на Кавказе, и я, припомнив стихи, напи-

---

[1] „Лук звенит, стрела трепещет...“—эпиграмма на Андрея Николаевича Муравьева (1806—1874), впоследствии ставшего известным церковным писателем. Напечатана в „Московском Вестнике“ 1827 г., ч. II, № 6. Поводом к ней послужил следующий эпизод: на вечере у кн. З. А. Волконской Муравьев нечаянно сломал руку огромной гипсовой статуи и, дабы сгладить свою неловкость, поспешил написать стихи, из которых Пушкин заключил, что автор называет себя соперником Аполлона. Обиженный Муравьев ответил Пушкину столь же злой эпиграммой. Любопытно отметить, что, печатая эти стихи, Пушкин, вопреки своему обыкновению этого времени, подписался не полностью „А. Пушкин“, а сокращенно – „Ал. П.“.

[2] Пушкин Лев Сергеевич (1805—1852), младший брат поэта, в марте 1827 года определился юнкером в Нижегородский драгунский полк,

санные им ко мне, прочитала их Пушкину... Пушкин остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: „И он *тоже* очень умен. Il a aussi beaucoup d'esprit!“.

А. П. Керн. Майков, стр. 248.

Середина апреля.

„Как вы смели отозваться неуважительно об этой особе? — задорно сказал он [В. Д. Соломирский] [1]. — Я хорошо знаю графиню, это во всех отношениях почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительных об ней отзывов“.

„Зачем же вы не остановили меня, когда я только начинал рассказ? — отвечал Пушкин. — Почему вы не сказали мне раньше, что вы знакомы с графиней Б[обринской] [2]. А то вы спокойно выслушали весь рассказ и потом каким-то Дон-Кихотом становитесь в защитники этой дамы и берете ее под свою протекцию“...

М. И. Семевский. К биографии Пушкина. РВ 1869, № 11, стр. 81—85. Ср. *Н. О. Лернер. Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 г.* РС 1907, № 7, стр. 103.

на Кавказ. Будучи от природы человеком одаренным и талантливым, Л. С. Пушкин, вследствие общей своей безалаберности, прошел через жизнь, не оставив по себе следов; не развивал он и имевшегося у него поэтического таланта, памятником которого остались немногие стихи в частности о Петре I, напечатанные Л. Н. Майковым.

[1] Соломирский Владимир Дмитриевич (ум. в 1884), побочный сын Дмитрия Павловича Татищева, камер-юнкер.

[2] Бобринская графиня Анна Владимировна, рожд. Унгерн-Штернберг.

1 мая.

К Пушкину... Сказал много лестного: „За вами смотреть надо“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 86.

Лето.

[В лодке на Неве].

...Мы заговорили о Веневитинове, и он сказал „Pourquoi l'avez vous laissé mourir? [1] Il etait aussi amoureux de vous, n'est ce pas?“ [Почему вы допустили его умереть? Он тоже был влюблен в вас, не правда ли?].

А. П. Керн. Майков, стр. 248.

15 сентября.

Михайловское.

Обедал я у Пушкина в селе его матери [2]... Говоря о недостатках нашего частного и общественного воспитания, Пушкин сказал: „Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надобно же пропускать такого случая, чтоб сделать добро. Однако я, между прочим, сказал, что должно подавить частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову“ [3].

А. Н. Вульф. Дневник. Майков, стр. 176—178.

---

[1] Д. В. Веневитинов скончался 15 марта 1827 г. от тифа.

[2] Пушкина Надежда Осиповна, р. Ганнибал (1775—1836).

[3] Записка „О народном воспитании“ составлена Пушкиным вскоре после возвращения из ссылки, после двукратного письменного предложения А. Х. Бенкендорфа. Записка эта была в свое время неправильно истолкована и вызвала нападки на Пушкина как из либерального, так и из реакционного лагерей.

Играя на биллиарде, сказал Пушкин: „Удивляюсь, как мог Карамзин написать так сухо первые части своей „Истории“, говоря об Игоре, Святославе. Это героический период нашей истории. Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая и об 14 декабря“.

А. Н. Вульф. Дневник. Майков, стр. 178.

Октябрь.

Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность ... Пушкин сказал: „Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без него я бы не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, — свободу: виват!“.

Из записки фон-Фока[1].
Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором, СПб., 3-е изд., 1925, стр. 73.

Стихотворения, назначенные к напечатанию в „Северных Цветах“ [2] на 1828 г., были в октябре уже просмот-

---

[1] фон-Фок Максим Яковлевич (1777—1831), управляющий III Отделением собственной его величества Канцелярии, правая рука Бенкендорфа, глава агентурной разведки; он ближайшим образом осуществлял бдительный надзор за Пушкиным.

[2] Альманах „Северные Цветы“ на 1828 г. вышел 22 декабря 1827 года. Цензурное разрешение помечено 3 декабря 1827 г., стихотворение „Череп“ помещено в отделе „Поэзия“, стр. 100—107.—Ср. Собр. соч. А. С. Пушкина, изд. 3, Я. А. Исакова, под ред. П. А. Ефремова, II, стр. 419.

рены императором, и находили неудобным посылать к нему на просмотр одно стихотворение „Череп“, которое, однако же, непременно хотели напечатать в ближайшем выпуске „Северных Цветов“. Тогда Пушкин решил подписать под стихотворением „Череп“ букву „Я“, сказав: „Никто не усумнится, что Я — я“. Но, между тем, многие усумнились и приписывали это стихотворение поэту Языкову.

Бар. А. И. Дельвиг[1]. *Воспоминания,* I, стр. 72.

14 октября.

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в г. Динабург с государственными преступниками и, на пути приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру [2] ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин [и] начал после поцелуя с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешне отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для прописания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег; я в сем ему отказал, тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорит, что — „по прибытии в Петербург, в ту же минуту доложу его императорскому величеству как за недопущение распроститься

---

[1] Дельвиг барон Андрей Иванович (1813—1887), племянник бар. А. А. Дельвига, друга Пушкина, впоследствии инженер-генерал.

[2] Кюхельбекер Вильгельм Карлович, приговоренный к каторжным работам, 12 октября 1827 г. „по высочайшему повелению“ отправлен в арестантские роты при Динабургской крепости.

с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу“ [1].

Рапорт фельдъегеря *Подгорного* дежурному генералу Главного штаба ген.-ад. Потапову 28 октября 1827 г. РС 1901, № 3, стр. 578.

Конец года.

Когда Пушкин читал еще неизданную тогда главу поэмы своей [„Евгений Онегин“] при стихе:

Друзья мои, вам жаль поэта...

один из приятелей его сказал: „Вовсе не жаль!“ — „Как так?“ спросил Пушкин. — „А потому, — отвечал приятель, — что ты сам вывел Ленского более смешным, чем привлекательным. В портрете его, тобою нарисованном, встречаются черты и оттенки карикатуры“. Пушкин добродушно засмеялся, и смех его был, повидимому, выражением согласия на сделанное замечание.

Кн. П. А. Вяземский, VII, стр. 320.

Одна умная женщина, кн. Голицына [2], урожденная гр. Шувалова, известная в конце минувшего столетия

---

[1] Ср. рассказ об этом самого Пушкина „Встреча с Кюхельбекером“ (1827).

[2] Голицына княгиня Прасковья Андреевна (1767 — 1828), рожд. гр. Шувалова, жена шталмейстера тайн. сов. кн. Михаила Андреевича Голицына.

своею любезностью и французскими стихотворениями, царствовавшая в петербургских и заграничных салонах, сердечно привязалась к Татьяне [из „Евгения Онегина“]. Однажды спросила она Пушкина: „Что думаете вы сделать с Татьяною? Умоляю вас, устройте хорошенько участь ее“. — Будьте покойны, княгиня, — отвечал он, смеясь, — выдам ее замуж за генерал-адъютанта. — „Вот и прекрасно, — сказала княгиня. — Благодарю“.

Кн. П. А. Вяземский, VII, стр. 319.

1827—1828 гг.

Он говорил друзьям: „Бог даст, мы напишем исторический роман, на который и чужие полюбуются“.

Анненков, I, стр. 199.

На бале у Ла-Ферроне [1] все и даже сам государь были в мундире и в ленте; один Пушкин был во фраке. Он проходил близко мимо государя. Государь остановил и спросил его: „Кто ты такой?“ — Я Пушкин. — „Я не знаю, кто ты такой?“ — Я дворянин Пушкин. — „Вздор! Если бы ты был дворянином, ты бы явился в дворянском мундире; ты видишь, все в мундирах, ты один во фраке“.

[П. И. Бартенев]. Из записной книжки „Русского Архива“. РА 1910, III, стр. 158.

---

[1] Ла-Ферроне граф Пьер, французский посол в Петербурге, остававшийся в этой должности до начала 1828 г., когда он был замещен ген. Мортемаран.

Пушкин, разговаривая со мной о знакомом уже ему издателе „М[осковского] Телеграфа“ [Н. А. Полевом], сказал, между прочим: „Я удивляюсь, как этот человек попадает именно на то, что может быть интересно!“

К. Полевой. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого, ч. I, СПб. 1860, стр. 858.

1827—1829 гг.

Он был, как все игроки, суеверен, и раз, когда я попросила у него денег для одного бедного семейства, он, отдавая последние пятьдесят рублей, сказал: „Счастье ваше, что я вчера проиграл“.

А. П. Керн. Майков, стр. 252—253.

1827—1830 гг.

Осенью он обыкновенно удалялся на два и три месяца в деревню [1]... Однажды он взял с собой любовницу. „Никогда более не возьму никого с собою,—говорил он мне после,—бедная Лизанька едва не умерла со скуки: я с нею почти там не виделся“.

Н. М. Смирнов[2]. *Из памятных заметок.* РА 1882, I, стр. 232.

---

[1] Из всех времен года Пушкин всего более любил осень; в эту пору обыкновенно он переживал наивысший подъем творческих сил.

[2] Смирнов Николай Михайлович (1807 — 1870), камер-юнкер, муж А. О. Смирновой; по определению П. И. Бартенева, „человек большого образования и золотого сердца“ (РА 1899, I, стр. 623).

Когда Пушкин принес их [стихи „Вы избалованы природой“] [1] матушке [2], они были без подписи; на вопрос матушки: зачем он не подписал своего имени — он отвечал, как будто оскорбленный этим требованием: „Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он недостоин чести быть в вашем альбоме“.

Н. С. Киселев. Воспоминания.
Майков, стр. 371.

...Тогда только что вышел во французском переводе роман Манцони [3] „I promessi sposi“ („Les fiancés“), он [Пушкин] говорил о них: „Je n'ai jamais lu rien de plus joli“ [Я никогда не читал ничего более прелестного].

А. П. Керн П. В. Анненкову (1864).
ПС, V, стр. 156.

[На обеде у Данзаса] [4].

*Обед прошел очень весело; князь Эристов [5] был, как говорится, в ударе и сыпал остротами и анекдотами.

---

[1] „В альбом (Е. Н. У...вой)“ написаны в 1828 г., впервые напечатаны в журнале „Галатея“ 1829 г., ч. I, № 5.

[2] Ушакова Елизавета Николаевна (1810—1872), в 1830 г. вышла замуж за приятеля Пушкина С. Д. Киселева (ум. 1851). Пушкин был очень дружен с нею и в течение 1828—1830 гг., посвятил ей четыре стихотворения. Сын ее Николай Сергеевич — автор воспоминаний.

[3] Роман Манцони „Обрученные“ впервые во французском переводе появился в 1828 г. Русский перевод печатался в „Литературной Газете“ в 1831 г. Перевод был сделан Н. И. Павлищевым.

[4] О Б. К. Данзасе см. выше, стр. 93.

[5] Эристов князь Дмитрий Алексеевич (1797 — 1858), лицеист II курса, с 1826 г. старший помощник чиновника во II Отделении собственной его величества Канцелярии и переводчик в Канцелярии департамента Министерства юстиции.

эротического пошиба. Все хохотали до упаду; один только Пушкин оставался невозмутимо серьезным и не обращал, повидимому, никакого внимания на рассказы князя. Вдруг, в самом разгаре какого-то развеселого анекдотца, он прервал его вопросом:

„Скажи, пожалуйста, Дмитрий Алексеевич, какой ты советник: коллежский или статский?“

„Я статский советник,—отвечал несколько смущенный князь,—но зачем понадобилось тебе это знать?“

„Затем, что от души желаю скорее видеть тебя „действительным“ статским советником“, проговорил Александр Сергеевич, кусая губы, чтобы не увлечься примером присутствовавших, оглашавших столовую дружным смехом, почин которого был сделан князем Эристовым.

А. Фелькнер. Из воспоминаний об А. С. Пушкине. „Живописное Обозрение“ 1880, № 21, стр. 402.

26 января.

...Мы вместе с Александром Сергеевичем имели поручение от его матери Надежды Осиповны, принять и благословить образом и хлебом новобрачных Павлищева и сестру Пушкина, Ольгу [1]... Дорогой Александр Сергеевич, грустный, как всегда бывают люди в важных случаях жизни, сказал мне, шутя: „Voilà pourtant la pre-

[1] Пушкина Ольга Сергеевна, сестра поэта, 26 января 1828 г. вышла замуж за Николая Ивановича Павлищева (1802—1879), бывшего моложе ее, человека не обеспеченного, без определенных занятий. Родители были против этой свадьбы, и сам Пушкин беспокоился за будущность сестры, чем и объясняется его мрачное настроение в данном случае.

mière fois que nous sommes seuls — Vous et moi". — „Et nous avons bien froid, n'est ce pas?"—„Oui, Vous avez raison, il fait bien froid—27 dégrés" [„Итак, вот первый раз, что мы одни—вы и я".—И мы сильно замерзли, не правда ли? „Да, вы правы, очень холодно — 27 градусов"], а, сказав это, закутался в свой плащ, прижался в угол кареты, — и ни слова больше мы не сказали до самой временной квартиры новобрачных.

А. П. Керн П. В. Анненкову. ПС, V, стр. 143—144.—Ср. Майков, стр. 263.

Февраль.

Увидевши меня по приезде из Москвы, когда были изданы две новые главы „Онегина" [1], Пушкин желал знать, как встретили их в Москве. Я отвечал: „Говорят, что вы повторяете себя: нашли, что у вас два раза упомянуто о битье мух". Он расхохотался, однако спросил:

---

[1] Главы IV и V „Евгения Онегина" были изданы отдельно в начале 1828 г. Действительно в „Онегине" дважды упоминается о битье мух: во II главе (III строфа):

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился
В окно смотрел и мух давил.

В IV главе (XXXVI строфа):

У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопушкой мух нахальных...

Вся XXXVI строфа в последующем издании была опущена.

„Нет, в самом деле говорят это?“ — Я передаю вам не свое замечание, скажу больше: я слышал это из уст дамы.—„А ведь это очень живое замечание: в Москве редко услышишь подобное“, прибавил он.

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 6, стр. 568.

2 марта.

Дельвиг погостил у меня короткое время ... между прочим, передал мне одну твою фразу, и ею меня несколько опечалил. Ты сказал ему: „Мы нынче не переписываемся с Боратынским, а то бы я уведомил его — и пр.“.—Неужели, Пушкин, короче прежнего познакомясь в Москве, мы стали с тех пор более чуждыми друг другу?..

Е. А. Боратынский Пушкину.

Февраль—март.

Желая повидаться с Мицкевичем, я спросил о нем у Пушкина. Он начал говорить о нем и, невольно увлекшись в похвалы ему, сказал, между прочим: „Недавно Жуковский говорит мне: „Знаешь ли, брат: ведь он заткнет тебя за пояс“. — Ты не так говоришь, — отвечал я:—он уже заткнул меня“.

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 4, стр. 53.

Апрель.

Пушкин пересматривал со мной весь мой разбор и со множеством мест согласился. „Чувствий у Боратын-

ского, Языкова и Дельвига не найдете. Боратынский и Языков мои ученики — я уж у них учиться не буду".

Б. М. Федоров[1]. *Из дневника. А. С. Пушкин.* Изд. журн. „Русский Библиофил" 1911, стр. 34.

23 апреля.

*Человек поэта встретил нас в передней словами, что Александр Сергеевич очень болен и никого не принимает.

„Кроме сожаления о его положении, мне необходимо сказать ему несколько слов,—отвечал я.—Доложи Александру Сергеевичу, что Ивановский хочет видеть его.

Лишь только выговорил я эти слова, Пушкин произнес из своей комнаты:

„Андрей Андреевич, милости прошу!"

Мы нашли его в постели худого, с лицом и глазами, совершенно пожелтевшими. Нельзя было видеть его без душевного волнения и соболезнования.

„Правда ли, что вы заболели от отказа в определении вас в турецкую армию?"

„Да, этот отказ имеет для меня обширный и тяжкий смысл", отвечал Пушкин.

„А именно?"

---

[1] Федоров Борис Михайлович (1794—1875), бесталанный стихотворец и литератор, памятный благодаря эпиграмме, вероятно С. А. Соболевского:

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки...

„В отказе я вижу то, что видеть должно — немилость ко мне государя“.

„Но справедливо ли это?.. И не должно ли видеть здесь совершенно противного? Вы просили об определении вас в турецкую армию, заметьте — в армию. Чем же можно определить вас? Не иначе как юнкером. Нарушить коренное и положительное правило, т.-е. переименовать вас в офицеры, согласитесь, это дело невозможное. Здесь кстати привести весьма примечательные слова покойного императора: „Если государь будет нарушать законы, кто же после сего будет уважать и исполнять их?“ Но тут еще не все. Если б и удовлетворили ваше желание,—к чему повело бы оно? Строевая и адъютантская служба — не ваше назначение. Нет сомнения, что, при докладе государю о вашей просьбе, его величество видел дело яснее и вернее, чем мы, теперь его разлагающие. Притом можно ли сомневаться, чтобы наш великий монарх не знал цены вашему гению, если только можно в глаза говорить по убеждению; можно ли сомневаться, чтобы сердцу государя не было приятнее сберечь вас, как царя скудного царства родной поэзии и литературы, для пользы и славы этого царства, чем бросить вас в дремучий лес русской рати и предать на произвол случайностей войны, не знающих различий между исполинами и пигмеями? Мне кажется, что все это стоит вашего внимания и даже решительно имеет право на особенное утешение ваше, как и на глубокую, так вам свойственную, благодарность к царю-отцу, уже вполне делом высказавшему свое лестное к вам благоволение. Подумайте об этом и скажите свое мнение: я готов слушать ваши опровержения“.

При этих словах Пушкин живо поднялся на постели; глаза и улыбка его заблистали жизнью и удовольствием; но он молчал, погруженный в глубину отрадной мысли.

Я продолжал:

„Если б вы просили о присоединении вас к одной из походных канцелярий: Александра Христофоровича [1], или графа К. В. Нессельроде [2], или И. И. Дибича [3] — это иное дело, весьма сбыточное, вовсе чуждое неодолимых препятствий“.

„Ничего лучшего я не желал бы... И вы думаете, что это еще можно сделать?“ воскликнул он с обычным своим одушевлением.

„Конечно, можно“.

„До отъезда вашего в армию?“

„Вам известно, что день отъезда его величества назначен послезавтра: стало быть, расстояние от сегодняшнего числа до 25-го слишком коротко. Мне кажется, что Александру Христофоровичу удобнее будет доложить об этом государю в дороге“.

„Вы не только вылечили и оживили меня, вы примирили с самим собою, со всем... и раскрыли предо мною очаровательное будущее. Я уже вижу, сколько прекрасных вещей написали бы мы с вами под влиянием басурманского неба для второй книжки вашего „Альбома Северных Муз“ [4].

„Благодарю за последнее и уверен, что мусульманская муза послужила бы вам не хуже бессарабской и бахчисарайской. Но знаете ли, что я сделал бы на ва-

---

[1] Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), шеф жандармов, впоследствии генерал-от-кавалерии, сенатор, член государственного совета, граф.

[2] Нессельроде граф Карл Васильевич (1780—1862), государственный канцлер.

[3] Дибич-Забалканский граф Иван Иванович (1785—1831), генерал-фельдмаршал.

[4] „Альбом Северных Муз“—альманах, изданный в 1828 г. А. А. Ивановским.

шем месте? Я предпочел бы поездку в армию графа Эриванского — в колыбель человеческого рода, в землю св. Ноя, в отчизну Зороастров, Киров и Дариев, где еще звучит эхо библейских, мифологических и древне-исторических преданий... Один переезд через кавказские поднебесные выси — эти живые развалины природы, сколько раскрыл бы пред вами радужных красок, неуловимых теней и высоких идей!.. Ведь и брат ваш там? Но когда зоркий глаз ваш, ваша пытливая мысль исчерпали бы и истощили до дна поэтические и исторические сокровища этой романтической земли, тогда от вас зависело бы испросить позволение перешагнуть к нам — в Европейскую Турцию".

„Превосходная мысль! об этом надо подумать!" воскликнул Пушкин, очевидно оживший.

„Итак, теперь можно быть уверену, что вы решительно отказались от намерения своего ехать в Париж?"

Здесь печальное, угрюмое облако пробежало по его челу.

„Да, после неудачи моей, — сказал Пушкин, — я не знал, что делать мне с своею особою, и решился на просьбу о поездке в Париж".

Заметив мою улыбку, он спросил:

„А вы что думаете об этом намерении?"

„Александр Христофорович уверен, что вы сами не одобрите этого намерения. Что же касается до меня, я думаю, что оно, выраженное прежде просьбы вашей об определении в армию, не имело бы ничего особенного и, так сказать, не бросалось бы в глаза, но после... Впрочем, зачем теперь заводить речь о том, что уже не существует? Завтра, часов в семь утра, приезжайте к Александру Христофоровичу: он сам хочет говорить с вами. Может быть, и теперь вы с ним уладите ваше дело.

Между тем, я обрадую его вестью об улучшении вашего здоровья и расскажу ему о нашей с вами беседе. Прощайте! Да хранит вас бог любви и вдохновения. От всей души желаю, чтоб к завтрему вы были совершенно здоровы и чтоб судьба свела нас с вами по ту сторону сторожевых Балканов. Будем верны золотым надеждам! Что впереди, то не потеряно".

Мы обнялись.

„Постойте, еще на минуту! Мне отрадно повторить вам, что вы воскресили и тело, и душу мою! В память этих незабвенных для меня минут позвольте передать вам то, что на этот раз я имею, с братскою моей надписью".

Тут Пушкин взял экземпляр его поэмы „Цыгане", лежавший возле его постели, и написал на заглавном листе:

„23-го апреля 1828 г. СПб. Такому-то от Пушкина".

А. А. Ивановский[1]. *А. С. Пушкин*. РС 1874, № 2, стр. 396—399 (записано в 1846 г.).

Весна.

Петербург [у Демута].

...Я жил в гостинице „Демут", где обыкновенно квартировал А. С. Пушкин. Я каждое утро заходил к нему, потому что он встречал меня очень любезно и привлекал к себе своими разговорами и рассказами. Как-то в разговоре с ним я спросил у него — знакомиться ли мне с изда-

---

[1] Ивановский Андрей Андреевич (1791—1848), в 1826 году состоял при Следственной комиссии по делу о злоумышленных тайных обществах. До 1829 г. служил в III Отделении собственной его величества Канцелярии; литератор, сотрудник „Северной Пчелы" и „Библиотеки для Чтения". Приведенный отрывок несомненно сильно тенденциозен.

телями „Северной Пчелы“?[1]—„А почему же нет?—отвечал, не задумываясь, Пушкин. — Чем они хуже других? Я нахожу в них людей умных. Для вас они будут особенно любопытны!“ Тут он вошел в некоторые подробности, которые показали мне, что он говорит искренно...

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 6, стр. 563.

Апрель—май.

Пушкин навел разговор на приключения Свиньина[2] в Бессарабии, где тот был с важным поручением от правительства, но поступал так, что его удалили от всяких занятий по службе. Пушкин стал расспрашивать его об этом очень ловко и смело, так что несчастный Свиньин вертелся, как береста на огне. „С чего же взяли,—спрашивал он у него, — что будто вы въезжали в Яссы с торжественною процессиею, верхом, с многочисленною свитой, и внушили такое почтение соломенным молдавским и валахским боярам, что они поднесли вам сто тысяч серебряных рублей?“

„Сказки, милый Александр Сергеевич, сказки! Ну, стоит ли повторять такой вздор?“ восклицал Свиньин...

---

[1] „Северная Пчела“ — газета, издававшаяся Ф. В. Булгариным и Н. И. Гречем, литературными врагами Пушкина, с которыми, в особенности с Булгариным, после 1829 г. Пушкин находился в постоянной войне.

[2] Свиньин Павел Петрович (1788—1839), посредственный писатель, писавший, кроме исторических романов, статьи по этнографии и географии. Последние давали современникам повод к постоянным остротам над ним, почвой для которых служили утверждения, что Свиньин описывал места, в которых никогда не бывал. А. Е. Измайлов изобразил его в басне „Лгун“.

АВТОПОРТРЕТ ПУШКИНА

С оригинала, принадлежавшего Б. Л. Модзалевскому. Собрание Пушкинского Дома.

(Воспроизводится впервые).

„Ну, а ведь вам подарили шубы?“ спрашивал опять Пушкин, и такими вопросами преследовал Свиньина довольно долго...

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 6, стр. 569—570.

Рассуждая о стихотворных переводах Врончeнки [1], производивших тогда впечатление своими неотъемлемыми достоинствами, он [Пушкин] сказал: „Да, они хороши, потому что дают понятие о подлиннике своем, но та беда, что к каждому стиху Врончeнки привешена гирька“.

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 6, стр. 568.

Петербург
[гостиница Демут].

Многие его [Пушкина] замечания и суждения невольно врезывались в памяти. Говоря о своем авторском самолюбии, он сказал мне: „Когда читаю похвалы моим сочинениям, я остаюсь равнодушен: я не дорожу ими, но злая критика, даже бестолковая, раздражает меня“. Я заметил ему, что этим доказывается неравнодушие его к похвалам. „Нет, а может быть, авторское самолюбие“... Я уговаривал Пушкина напечатать остроумную его отповедь „Атенею“, но он не согласился, говоря: „Никогда

---

[1] Врончeнко Михаил Павлович (1801—1855), известный в свое время переводчик Шекспира, Байрона, Гете, Мицкевича и др. В 1828 г. Врончeнко напечатал перевод „Манфреда“ Байрона.

и ни на одну критику моих сочинений я не напечатаю возражения, но не отказываюсь писать в этом роде на утеху себе“ [1].

К. А. Полевой. Записки. ИВ 1887, № 6, стр. 567.

6 мая

[воскресенье].

Ходил в Летнем саду. Видел Пушкина, Плетнева и Вяземского. Пушкин взял под руку. „Походите с нами“, и я ходил по саду. „Вы здесь гуляете в качестве чиновника, а не в качестве наблюдателя и поэта (на мне орден). У меня нет детей, а все [выблядки]. Не присылайте ко мне вашего журнала“ [2].

Б. М. Федоров. Из дневника. А. С. Пушкин. Изд. журн. „Русский Библиофил“ 1911, стр. 34.

8 декабря.

К Пушкину . . . [он] говорил о Карамзине: „Летописатель 19 столетия. Я вижу в нем то же простодушие, искренность, честность—он ведь не нехристь,—и здравый ум,—по крайней мере, я знаю это о двух последних томах.

---

[1] Вероятно, речь идет о рецензии А. Ф. Воейкова на IV и V главы „Онегина“ в № 4 „Атенея“ на 1828 г., резко разошедшейся с похвальными отзывами „Московского Вестника“, „Московского Телеграфа“, „Сына Отечества“, „С.-Петербургского Зрителя“ и „Северной Пчелы“. До нас дошли замечания Пушкина, главным образом посвященные этой рецензии, но относящиеся к октябрю-ноябрю 1830 г. (Морозов, IV, стр. 19—21).

[2] Б. М. Федоров в 1827—1828 гг. издавал журнал „Новая Детская Библиотека“.

Чинов не означал, а можем ли мы познакомить с нынешней Россией, например, не растолковавши, кто такие действительный тайный советник и коллежский регистратор?“

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 91.

30 декабря.

В 1828 г. я часто встречался с Пушкиным и однажды предложил ему вписать что-нибудь из своих стихов в мой альбом. Он при мне же вписал известные стихи: „Муза“ [1]. На вопрос мой, отчего эти пришли ему на память прежде всяких других, — „Я их люблю, — отвечал Пушкин:—они отзываются стихами Батюшкова“ [2].

Н. Д. Иванчин-Писарев [3]. *Альбомные записи.* „Москвитянин“ 1842, II, стр. 147.

1828 г. конец—1829 г. начало.

[А. С.] Норов [4] встретился с ним [Пушкиным] за год или за полтора до его женитьбы. Пушкин очень любезно

---

1 „Муза“ („В младенчестве моем она меня любила“), стихотворение 1821 года.

2 Батюшков Константин Николаевич (1787 — 1855), известный поэт, высоко ценимый Пушкиным, подражавшим ему на заре своей поэтической деятельности.

3 Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790 — 1849), посредственный стихотворец и литератор. — Ср. Соч. К. Н. Батюшкова под ред. акад. Л. Н. Майкова, т. I, СПб. 1887, стр. 255.

4 Норов Авраам Сергеевич (1795—1869), государственный деятель, писатель, библиофил. С 1823 г.—отставной полковник. Впоследствии—министр народного просвещения.

с ним поздоровался и обнял его. При этом был приятель Пушкина [В. И.] Туманский [1]. Он обратился к поэту и сказал ему: „Знаешь ли, Александр Сергеевич, кого ты обнимаешь? Ведь это твой противник. В бытность свою в Одессе он при мне сжег твою рукописную поэму“...

„Нет, — сказал Пушкин, — я этого не знал, а, узнав, теперь вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такою гадостью, как моя неизданная поэма [2], настоящий мой враг“.

Со слов *А. С. Норова*. А. В. Никитенко, Записки и Дневник, СПб. 1905, II, стр. 240.

1828—1829 гг.

В это время он [Пушкин] очень усердно ухаживал за одной особой [3], к которой были написаны стихи: „Город пышный, город бедный...“ и „Пред ней, задумавшись, стою...“.

Несмотря, однако же, на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об ней с нежностью и однажды, рассуждав о маленьких ножках, сказал: „Вот, например, у ней вот какие малень-

---

[1] Туманский Василий Иванович (1800—1860), талантливый поэт. С 1823 г. служил в Канцелярии гр. Воронцова в Одессе, и там близко сошелся с Пушкиным.

[2] „Гавриилиада“, поэма Пушкина, написанная им в конце 1822 года и навлекшая на него, впоследствии, серьезные неприятности.

[3] Речь идет об Анне Алексеевне Олениной, в замужестве Андро (1808—1888), дочери А. Н. Оленина. Оба стихотворения относятся к 1828 г.

кие ножки, да чорт ли в них?“ В другой раз, разговаривая со мною, он сказал: „Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом“.—„А вы что сказали?“ спросил я. „А я сказал: Ого!“ В таком роде он часто выражался о предмете своих воздыханий. Когда Дельвиг с женою уехали в Харьков, я с отцом и сестрою перешла на их квартиру. Пушкин заходил к нам узнавать о них и раз поручил мне переслать стихи к Дельвигу, говоря: „Да смотрите, сами не читайте и не заглядывайте“. Я свято это исполнила и после уже узнала, что они состояли в следующем:

Как в ненастные дни собирались они... [1]

А. П. Керн. Майков, стр. 251—252.

1829 г.

У княгини Зинаиды Волконской [2] бывали литературные собрания понедельничные, на одном из них пристали к Пушкину, чтобы прочесть. В досаде он прочел „Чернь“ [3] и, кончив, с сердцем сказал:

„В другой раз не станут просить“.

С. П. Шевырев [4]. *Воспоминания.* Майков, стр. 331.

---

[1] Правильно: „А в ненастные дни...“—эпиграф к I главе „Пиковой дамы“, повести Пушкина.

[2] Волконская княгиня Зинаида Александровна, р. княжна Белосельская-Белозерская (1792—1862), поэтесса, „царица муз и красоты“, как назвал ее Пушкин, объединявшая вокруг себя всех виднейших представителей искусства и науки.

[3] „Чернь“ („Поэт на лире вдохновенной“), стихотворение Пушкина, впервые напечатанное в „Московском Вестнике“ 1829 г., ч. I.

[4] О Шевыреве см. выше, стр. 78.

Начало года.

... [Пушкин] все еще хотел казаться юношею. Раз как-то... я произнес стих его, говоря о нем самом:

Ужель мне т о ч н о тридцать лет?[1]

Он тотчас возразил: „Нет, нет! У меня сказано: Ужель мне с к о р о тридцать лет. Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью". Надобно заметить, что до р о к о в о г о т е р м и н а оставалось несколько месяцев!

К. А. П о л е в о й. Записки. ИВ, 1887, № 6, стр. 569.

Январь.

Тверская губ., с. Павловское,
им. П. И. Вульфа.

Был со мной в это время и такой случай. Один из родственников Павла Ивановича [Вульфа][2] пробрался ночью ко мне в спальню, где я спала с одной старушкой прислугой.

Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек[2] на коленях и голову прижал к моей голове...

„Ай! Что вы?" закричала я в ужасе.

„Молчите, молчите, я сейчас уйду", проговорил он и ушел.

Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне.

---

[1] Конец XLIV строфы 6 главы „Евгения Онегина".

[2] Вульф Павел Иванович (1774—1858), подпоручик, дядя А. Н. Вульфа, бывшего героем этого эпизода.

„Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то...“ несколько раз повторял Александр Сергеевич.

Е. Е. Синицына, р. Смирнова, по записи *В. И. Колосова*. РС 1888, № 10, стр. 92. Ср. *Дневник А. Н. Вульфа*. ПС, XXI - XXII, стр. 51 и 250—251, и *А. С. Пушкин в Тверской губернии в 1827 (sic) г.* Тверь 1888 г.

....Подали [за обедом] картофельный клюквенный кисель. Я и вскрикнула на весь стол.

„Ах, боже мой! Клюквенный кисель!“

„Павел Иванович, позвольте мне ее поцеловать“, проговорил Пушкин, вскочив со стула.

„Ну, брат, это уж ее дело“, отвечал тот.

„Позвольте поцеловать вас“, обратился он ко мне.

„Я не намерена целовать вас“, отвечала я, как вполне благовоспитанная барышня.

„Ну, позвольте хоть в голову“, и, взяв голову руками, пригнул и поцеловал.

Е. Е. Синицына. РС 1888, № 10, стр. 90.

Часто вертелись мы с ним и не в урочное время.

„Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетиту протанцовать вальс-казак“.

„Ну, вальс-казак-то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем“, говаривал он до обеда или во время обеда или ужина.

Е. Е. Синицына. РС 1888, № 10, стр. 91.

Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем [Вульфом] в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: „Ну, разве можно так обыгрывать учителя?“ А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его. „Никогда не буду играть с вами... это ни на что не похоже...“ загорячится обыкновенно при этом Пушкин.

Е. Е. Синицина. РС 1888, № 10, стр. 91—92.

Павел Иванович [Вульф] был в это время много старше его [т.-е. Пушкина], но отношения их были добродушные и искренние.

„На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право не подвинется“, неоднократно, шутя, говорил Пушкин.

Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему.

Е. Е. Синицина. РС 1888, № 10, стр. 92.

Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он при стихах:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло [1]...

заметил, смеясь: „Разумеется, с левой, потому что ехал назад!“.

А. П. Керн. Майков, стр. 251.

Март.

... При первом посещении Пресненского дома [Ушаковых] он узнал плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна [Ушакова] [2] помолвлена за князя Д-го. „С чем же я-то остался?“ вскрикивает Пушкин. „С оленьими рогами“, отвечает ему невеста.

Н. С. Киселев. Воспоминания.
Майков, стр. 365.

14 марта.

Пешком к Пушкину. „Вы вооружили против себя ужасно. Вяземский — еще из умеренных, — дорога вам преграждена“ [3].

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XIX—XX, стр. 93.

---

[1] „Приметы“ („Я ехал к вам, живые сны...“), стихотворение Пушкина 1829 г., впервые напечатано в „Подснежнике“ за 1829 г.

[2] Ушакова Екатерина Николаевна (1809—1872), старшая из сестер Ушаковых, к которым Пушкин питал самые нежные чувства. Отношения Пушкина к Е. Н. Ушаковой современные исследователи толкуют различно, во всяком случае в 1829 г. Пушкин уже был влюблен в Н. Н. Гончарову, почему известие о помолвке Е. Н. Ушаковой не могло сильно взволновать его.

[3] Речь идет о помещении в „Московском Вестнике“ замечаний Н. С. Арцыбашева на „Историю Государства Российского“ Карамзина.

20 марта.

У А. Я. Булгакова [1].

Он едет в армию Паскевича [2], узнать ужасы войны, послужить волонтером, может и воспеть все это. „Ах! не ездите, — сказала ему Катя, — там убили Грибоедова“. — Будьте покойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александр[ов] Сергеевичев? Будет и одного!

А. Я. Булгаков К. Я. Булгакову. РА 1901, III, стр. 298.

Апрель.

В прошедшем году я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию. „О, боже мой, — сказал я горестно, — не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова“ [3]. — Так что же? — отвечал

---

[1] Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), Московский почт-директор, автор нескольких историко-литературных произведений. Был в дружбе с Жуковским, Вяземским, А. Тургеневым, а, по служебному своему положению, был в курсе всех московских событий и сплетен. Младший брат его, Константин Яковлевич (1782 1835) был Петербургским почт-директором. Катя — дочь А. Я. Булгакова.

[2] Князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский Иван Федорович (1782 1856), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, с марта 1827 г. командовавший отдельным Кавказским корпусом; в 1828—1829 гг. был главнокомандующим войск, действовавших против турок.

[3] Грибоедов Александр Сергеевич (род. 1795), один из величайших русских поэтов, творец „Горе от ума“, в 1828 году был назначен посланником при Персидском дворе.

Убит в Тегеране 30 января 1829 года. Пушкин по пути в Арзрум встретил его тело.

поэт. — Ведь Грибоедов сделал свое. Он уже написал „Горе от ума“.

В. А. У[шаков][1]. „Московский Телеграф“ 1830, XII, стр. 515.

Начало мая.

Новочеркасск.

* Однажды поэт очутился проездом в Новочеркасске [2]. Дьяки канцелярии наказного атамана Донской области, услышав о приезде знаменитого поэта, отправились к нему в гостиницу, где весьма трогательно выражали ему чувства своего уважения и свое поклонение его таланту.

„А что это значит—дьяки?“ спросил Пушкин одного из них, который, будучи заикой, считался почему-то в канцелярии оратором.

„Дьяки — это секретари канцелярии“, заикаясь, ответил тот.

„Ну, хоть я и терпеть не могу приказных, но все-таки очень вам благодарен, господа“.

Такой ответ сильно оскорбил почитателей поэта, а местным острякам дал повод постоянно приставать к злополучным дьякам с вопросом: „Давно ли вы были у Пушкина?“

А. А. Карасев. „Крымский Вестник“ 1900, № 57.

* Пушкин, бродя по Новочеркасску, зашел в книжную лавочку Жиркова.

---

[1] Ушаков Василий Аполлонович (1795—1838), писатель.

[2] Пушкин был в Новочеркасске в начале мая 1829 г. проездом на Кавказ.

„А есть у вас сочинения Пушкина?“ спросил поэт. „Сколько стоит эта книжка?“

Торговец заломил неимоверно высокую цену, в 4—5 раз превышавшую номинальную.

„Почему так дорого?“ улыбаясь, спросил Пушкин.

„А очень уж приятная книжка. — Случалось ли вам пить чай без сахара?“ вдруг спросил торговец.

„Да ведь это очень неприятно“.

„Ну, так вот пойдите домой, возьмите эту книжку и велите налить себе чаю без сахара. Пейте чай и читайте эту книжку — будет так же сладко, как и с сахаром“.

А. А. Карасев. „Крымский Вестник“ 1900, № 57.

15—22 мая.

На-днях посетил я калмыцкую кибитку... Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. „Как тебя зовут?“—***.—„Сколько тебе лет?“—Десять и восемь.—„Что шьешь?“—Портка.—„Кому?“—Себя.—Она подала мне свою трубку и стала завтракать [1].

Пушкин. Путешествие в Арзрум, II.

24 мая.

Село Казбек, в теснине Дарьяльской.

Обходя церковь, мы увидели сидящего на камне, на самом обрыве над рекой, молодого горца... Пушкин первый подошел к нему и сделал вопрос по-русски:

---

[1] В черновой ред.: „Что ты шьешь?—Портка.—Кому?—Себя.—Поцелуй меня.—Неможна, стыдно“ (Морозов, VI, стр. 661).—См. стихотворение Пушкина „Калмычке“ (22 мая 1829).

„Чья это деревня?“ Тот ответил чистым русским языком: „Моя“ и гордо окинул всех нас своими прекрасными глазами. Разговаривая с ним, мы узнали, что этот молодой человек был владелец вышеупомянутого селения, князь Михаил Казбек. На вопрос Александра Сергеевича: почему он не едет в армию, где получил бы скоро чин,— князь Казбек ответил ему: „Знаете, господин, умрет и прапорщик и генерал одинаково,— не лучше ли сидеть дома и любоваться этою картиной?“ указывая рукой на горы. „Да, ваша правда, князь!—добавил Александр Сергеевич.— Если б эта деревня была моя, и я бы отсюда никуда не поехал“.

Н. Б. Потокский. Воспоминания. РС 1880, № 7, стр. 579.
Ср. *Путешествие в Арзрум,* VI.

27 мая—10 июня.

Тифлис [на торжестве в честь Пушкина].

На все... приветы Пушкин молчал до времени, и одни теплые слезы высказывали то глубокое приятное чувство, которым он тогда был проникнут. Наконец, когда умолкли несколько голоса восторженных, Пушкин в своей стройной благоуханной речи излил перед нами душу свою, благодарил всех нас за то торжество, которым мы его почтили, заключивши словами: „Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего, я вижу, как меня любят, понимают и ценят, и как это делает меня счастливым!“

К. И. Савостьянов[1] В. П. Горчакову. Публ. А. А. Достоевского. ПС, XXXVII, стр. 148.

---

[1] Савостьянов Константин Иванович (1805—1871), помещик.

28 мая.

Тифлис.

При входе в бани сидел содержатель, старый персиянин. Он отворил мне дверь; я вошел в обширную комнату, и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе не одетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. Я остановился. „Пойдем, пойдем, — сказал мне хозяин: — сегодня вторник: женский день. Ничего, не беда“. — Конечно, не беда, — отвечал я ему, — напротив.

Пушкин. Путешествие в Арзрум, II.

11 июня.

По пути из Тифлиса, подле крепости Гергеры.

Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?“—спросил я их.—Из Тегерана. — „Что вы везете?“ — Грибоеда. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Пушкин. Путешествие в Арзрум, II.

Переехав через гору и опустясь в долину, осененную деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперек дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. „Что нового в Эривани?“ спросил я его. — „В Эривани чума, — отвечал он; — а что слыхать об Ахалцыке?“ — „В Ахалцыке чума“, отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались.

Пушкин. Путешествие в Арзрум, II.

После 11 июня.

Кар-Агачи [на пирушке у драгунского офицера Панкова].

* Я уже запаздывал и спешил итти, но подгулявшие офицеры еще удерживали меня, да, спасибо, выручил Александр Сергеевич. Обращаясь к офицерам, он сказал: „Господа, пусть идет, у него есть дело". Потом ко мне: „Смотри же, Ханженков, — на обратном пути к нам поскорее, а если не заедешь, то назову тебя злодеем".

Рассказ *Кавказского ветерана* о Пушкине (Со слов есаула *П. Г. Ханженкова* записал *В. Пашков*). „Берег" 1880, № 97, стр. 2.—Перепеч. „Саратовский Дневник" 1880, № 143.

*... Караяни вызвал Панкова на дуэль... оба обратились к Пушкину с просьбой — быть у них секундантом... Видя, что убеждения не помогли, огорченный и задумавшийся Пушкин... сказал: „Хорошо, господа, у одного из вас я буду секундантом по жребию, а другого секунданта вы позволите выбрать мне". Согласны?"—Караяни и Панков согласились.

Рассказ *Кавказского ветерана* о Пушкине (Со слов есаула *П. Г. Ханженкова* записал *В. Пашков*). „Берег" 1880, № 97, стр. 2.

[Во время дуэли].

*... Когда соперники стали на указанных местах с пистолетами, тогда Пушкин, обращаясь к ним, сказал: „Господа, — прошу слушать команду — стрелять по третьему

разу. Начинаю: раз". Вдруг заиграл оркестр музыкантов, искусно скрытый в рощице, а мы, офицеры, каждый с двумя бутылками шампанского в руках, мгновенно стали между Караяни и Панковым... Такая неожиданность сильно их озадачила, и они зароптали, особенно Караяни. Но тут уже Александр Сергеевич действовал как истинный гений-примиритель... Помню слова Пушкина: „Господа, если совершится убийство, то оно погубит и меня с вами, и всех нас. Умоляю вас именем бога и России — помиритесь!"

Рассказ *Кавказского ветерана* о Пушкине (Со слов есаула *П. Г. Ханженкова* записал *В. Пашков*). „Берег" 1880, № 97, стр. 2.

Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимого в развитии всех народов; я же щеголял тогда демократизмом. Пушкин, наконец, с жаром воскликнул: „Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных". Тут Раевский [1] очень смешным сарказмом обдал его, как ушатом воды, и спор наш кончился.

М. В. Юзефович [2]. *Воспоминания о Пушкине*. РА 1880, III, стр. 439.

---

[1] Н. Н. Раевский в 1829 году был командиром Нижегородского драгунского полка.

[2] Юзефович Михаил Владимирович (1802—1889), поручик Чугуевского уланского полка, действовавшего против турок. Впоследствии известный археограф.

Однажды на мой вопрос, как удалось ему не поддаться тогдашнему обаянию Жуковского или Батюшкова и не попасть даже на школьной скамье в их подражателей, Пушкин отвечал: „Я этим обязан Денису Давыдову[1]. Он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным".

М. В. Юзефович. Из памятных заметок. РА 1874, II, стр. 732.

На Кавказе [при встрече
двух отрядов казаков].

Обе толпы съехались и обнялись на конях, при свисте пуль, в облаках дыма и пыли. Обменявшись известиями, они расстались и догнали нас с новыми прощальными выстрелами. „Какие вести? — спросил я у прискакавшего ко мне урядника:—„все ли в доме благополучно?"—Слава богу, — отвечал он, — старики мои живы, жена здорова. — „А давно ты с ними расстался?" — Да, вот уже три года, хоть по положению надлежало бы служить только год.— „А скажи, — прервал его молодой армейский офицер, — не родила ли у тебя жена во время отсутствия?" — Ребята говорят, что нет, — отвечал веселый урядник. — „А не б[лядовал]а ли без тебя?" — Помаленьку, слышно, д[авал]а. — „Что же, побьешь ты ее за это?" — А зачем ее бить? Разве и я безгрешен? — „Справедливо; а у тебя, брат,— спросил я другого казака,—так ли честна хозяйка, как у урядника?" — Моя родила, — отвечал он, стараясь скрыть свою досаду. — „А кого бог дал?" — Сына. — „Что ж, брат, побьешь ее?" — Да посмотрю: коли на зиму сена припасла, так и прощу, — коли нет, так

[1] Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), знаменитый партизан 1812 г. и поэт. Пушкин, находившийся с ним в дружеских отношениях, был о нем очень высокого мнения, о чем свидетельствует их переписка.

побью. — „И дело, — подхватил товарищ, — побьешь ее, да и будешь горевать, как старик Черкасов; смолоду был он дюж и горяч; случился с ним тот же грех, как с тобой; поколотил он хозяйку так, что она после того 30 лет жила калекой. С сыном его случилась та же беда. И тот было стал колотить молодицу, а старик-то ему: „Слушай, Иван, — оставь ее; посмотри на мать: и я смолоду поколотил ее за то же, да и жизни не рад“.—Так и ты, продолжал урядник,—жену-то прости, а [выблядка] посылай чаще по дождю“... — Ладно, ладно, посмотрим, — отвечал казак. — „А в самом деле,—спросил я,— что ты сделаешь с [выблядком]?“ — Да что́ с ним делать? Корми, да отвечай за него, как за родного. — „Сердит, — шепнул мне урядник: — теперь жена не смей и показаться ему, — прибьет до смерти“. Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов. „Каких лет у вас женятся?“ — Да лет 15-ти. — „Не слишком ли рано? Муж не сладит с женой“. — Свекор, если добр, так поможет.

Пушкин. Путешествие в Арзрум. [Отрывок, уничтоженный П. В. Анненковым и сохранившийся в копии в черновых записях]. Ефремов, V, стр. 225—226.—Ср. *В. Е. Якушкин. О Пушкине,* стр. 173.

16 июня.

[Лагерное расположение на вершине Соганлугского хребта при реке Инжа-Су. В палатке Н. Н. Раевского].

Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: „Ну, скажи, Пущин: где турки, и увижу ли

я их; я говорю о тех турках, которые бросаются с криком и оружием в руках. Дай, пожалуйста, мне видеть то, за чем сюда с такими препятствиями приехал!“—„Могу тебя порадовать: турки не замедлят представиться тебе на смотр: полагаю даже, что они сегодня вызовут нас из нашего бездействия; если же они не атакуют нас, то я с Бурцовым [1] завтра непременно постараюсь заставить их бросить свою позицию, с фронта неприступную, движением обходным, план которого отсюда же понесу к Паскевичу, когда он проснется“ [2].

М. И. Пущин [3]. *Встреча с Пушкиным на Кавказе.* Майков, стр. 388.

Середина июля.

При чтении „Бориса Годунова“ случился забавный эпизод. Между присутствовавшими был генерал М[ерлини?] [4], известный прежде всего своим колоссальным

---

[1] Бурцов Иван Григорьевич (1794—1829) был командиром Украинского пехотного полка, декабрист; переведен на Кавказ, где 14 апреля 1829 г. произведен в генерал-майоры, а вскоре после того смертельно ранен в сражении при Байбурте и умер 23 июля 1829.

[2] В тот же день Пушкин действительно принял участие в перестрелке с турецкими наездниками.

[3] Пущин Михаил Иванович (1800—1869), брат И. И. Пущина, также декабрист. Разжалован в рядовые с определением в Кавказский корпус, где вскоре в ноябре 1827 г. получил офицерский чин.

[4] Мерлини Станислав Демьянович (1775—1833), польский дворянин; из польской службы перешел на русскую, впоследствии генерал-лейтенант; в 1829 г.—генерал-майор, командовал войсками на русско-персидской границе. См. статью Н. В. Измайлова: „Роман на Кавказских водах“. Невыполненный замысел Пушкина (ПС, XXXVII, стр. 84—87). В. В. Вересаев полагает, что генералом М. мог быть генерал Муравьев [Карский?] „Пушкин в жизни“, II, 2-е изд., стр. 162

педантизмом. Во время сцены, когда самозванец, в увлечении, признается Марине, что он не настоящий Димитрий, М[ерлини?] не выдержал и остановил Пушкина: „Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца? Ну, а если она его выдаст?“ Пушкин с заметною досадой: „Подождите, увидите, что не выдаст“. После этой выходки Пушкин объявил решительно, что при М[ерлини?] он больше ничего читать не станет.

М. В. Юзефович. Воспоминания о Пушкине. РА 1880, III, стр. 443.

В то время явилась в свет книга, под заглавием, если не ошибаюсь: „Justine ou les liasons dangereuses“ [1]... Вспомнив как-то о ней, я спросил Пушкина, что̀ это за книга. „Это, — отвечал он, — одно из замечательных произведений развращенной французской фантазии. В ней самое отвратительное сладострастие представлено до того увлекательно, что, читая ее, я чувствовал, что сам начинаю увлекаться, и бросил книгу, не дочитавши. Советую и вам не читать ее“.

М. В. Юзефович. Воспоминания о Пушкине. РА 1880, III, стр. 438.

Июль — август.

Царские Колодцы.

* Верхом на великолепной арабской лошади он подъехал вместе с Караяни к нашей батарее. Издали узнал меня

---

[1] Вероятно, роман известного французского порнографического писателя маркиза де-Сада (1740—1814) „Justine ou les malheurs de la vertu“, вышедший, впрочем, много прежде, в 1791 г., и в 1797 г. выпущенный вторым изданием. В 1801 г. издание романов де-Сада было конфисковано, а автор заключен в тюрьму.

и закричал: „Здравствуй, Ханженков! А что, тебя еще не убили?“ — Слава богу, Александр Сергеевич; как видите, жив и здоров. — „Ну, и слава богу“. Офицеры сейчас же окружили его.

Рассказ *Кавказского ветерана* о Пушкине (Со слов есаула *П. Г. Ханженкова* записал *В. Пашков*). „Берег“ 1880, № 97, стр. 2.

1—6 августа.

[Тифлис, у П. С. Санковского] [1].

*На вопросы Павла Степановича—что так скоро вернулся из армии, Александр Сергеевич ответил:

„Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек; мне крайне было жаль расстаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их. Паскевич надоел мне своими любезностями; я хотел воспеть геройские подвиги наших молодцов-кавказцев; эта „славная часть нашей родной эпопеи, но он не понял меня и старался выпроводить из армии. Вот я и поспешил к тебе, мой друг, Павел Степанович“. Затем, обратясь ко мне, взял за руку и проговорил: „Очень рад вас видеть, юный товарищ, воскресшим из мертвых. Когда ворочусь в Россию, вышлю вам все мои безделушки, доселе напечатанные“ — и просил дать мой адрес.

Н. Б. Потокский. Воспоминания. РС 1880, № 7, стр. 582.

---

[1] Санковский Павел Степанович, с июня 1828 до марта 1832 г. редактировал „Тифлисские Ведомости“. П. С. Санковский писал: „Мы ожидали сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России“ („Тифлисские Ведомости“ 1829 г., № 17).

6 августа.

[Уезжая из Тифлиса, Пушкин сказал]: „Когда будете в армии, то прошу передать мой поклон друзьям моим: Вольховскому, Раевскому и другим“.

Н. Б. Потокский. Воспоминания. РС 1880, № 7, стр. 582.

Начало августа.

Пятигорск.

... Мне нужно было спешить к Нарзану, и потому я объявил Пушкину, что на другой же день намерен туда ехать, и если он со мной не поедет, то когда мне его ожидать? — „Могу тебе только то сказать, что незамедлю здесь лишнего дня; только завтра с тобою ехать не в состоянии: хочу здесь день, другой отдохнуть“... Возвращаясь домой после заката солнца к вечернему чаю, нахожу Пушкина, играющего в банк с Дороховым[1] и офицером Павловского полка Астафьевым: „La glace est rompue [Лед сломан], — говорит мне Пушкин, — довольно мы терпели связанные словом, но ведь слово дано было до вод, на водах мы выходим из под твоей опеки, и потому не хочешь ли поставить карточку? Вот господин Астафьев мечет ответный“. — Ты совершенно прав, Пушкин. Слово было дано — не играть между собою до вод, ты сдержал слово благородно, и мне остается только удивляться твоему милому и покладливому характеру... Когда Астафьев ушел, я просил Пушкина рассказать мне, как случилось, что, не будучи никогда знаком с Астафье-

[1] Дорохов Руфин Иванович (ум. 1852), известный бреттер и дуэлянт, неоднократно разжаловавшийся в солдаты. Л. Н. Толстой вывел его в „Войне и мире“ под именем Долохова. О нем упоминает Пушкин в V главе „Путешествия в Арзрум“.

вым, я нашел его у себя с ним играющего. „Очень просто, — отвечал Пушкин, — мы, как ты ушел, послали за картами и начали играть с Дороховым; Астафьев, проходя мимо, зашел познакомиться, мы ему предложили поставить карточку, и оказалось, что он — добрый малый и любит в карты поиграть“. — Как бы я желал, Пушкин, чтобы ты скорее приехал в Кисловодск и дал мне обещание с Астафьевым в карты не играть. — „Нет, брат, дудки! Обещания не даю, Астафьева не боюсь и в Кисловодск приеду скорее, чем ты думаешь“.

М. И. Пущин. А. С. Пушкин на Кавказе. Майков, стр. 392.

Август.

Кисловодск.

Однажды, возвратившись с прогулки, он высыпал при мне несколько червонцев на стол. „Откуда, Пушкин, такое богатство?“ — Должен тебе признаться, что я всякое утро заезжаю к Астафьеву и довольствуюсь каждый раз выигрышем у него нескольких червонцев. Я его мелким огнем бью, и вот сколько уж вытащил у него моих денег. — Всего было им наиграно червонцев двадцать. Долго бы пришлось Пушкину отыгрывать свою тысячу червонцев, если б Астафьев не рассудил скоро оставить Кисловодск.

М. И. Пущин. Майков, стр. 393.

Сентябрь.

Дуров [1] помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные

[1] Дуров Василий Андреевич, бывший Сарапульский городничий, брат писательницы Н. А. Дуровой. Пушкин познакомился с Дуровым на Кавказе, возвращаясь из Арзрума.

способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге, он будил меня вопросом: „Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! Как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?“ Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы, то я бы их украл. „Я об этом думал“, отвечал мне Дуров. — „Ну, что же?“ — Мудрено: не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу, у меня есть совесть. — „Ну, так украдьте полковую казну“. — Я об этом думал. — „Что же?“ — Это можно сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадей, а там на ней и ускакать: часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что̀ делать; в двух или трех верстах можно разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа? — „Просите денег у государя“. — Я об этом думал. — „Что же?“ — Я даже и просил. — „Как! безо всякого права?“ — Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее. — „Что же вам отвечали?“ — Ничего. — „Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду“. — Я об этом думал. — „Что же, за чем дело стало?“ — Да видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; это было бы так странно и забавно; надобно бы написать эту просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..

Пушкин. О Дурове (1833).

Сентябрь—октябрь.

Москва.

В 1829 году[1], кажется, Пушкин из Одессы приехал в Москву и остановился в моем доме (ныне дом Обидина, в Глинищевском переулке). Раз он приходит ко мне и говорит: „Меня требуют в Петербург; вот вам ключ от моего сундука с книгами; я поручаю их вам, Лаврентий Николаевич; читайте их, если угодно, но не позволяйте никому рыться в сундуке". После отъезда Пушкина, пользуясь его позволением, я стал пересматривать книги... Между прочим, я нашел у Пушкина сочинение парижского академика[2]. „Voyage de Chappe d'Auteroche en Russie et à la Tobolsk en Sibérie pour observer le passage de Vénus sous le disque de Soleil, 1765". На первом листе было написано: „Au Marechal Mortier, Moscou 1812". Этой находке я очень обрадовался, потому что у меня был атлас к этому сочинению, и на первом листе моего атласа была та же надпись... Когда возвратился Пушкин в Москву, я сообщил ему о моем открытии: „Уступите мне ваш атлас,—сказал он,—а вы, Лаврентий Николаевич, выберите себе взамен одну из моих книг".

Л. Обер[3]. *Мое знакомство с Пушкиным (Отрывки из моей памяти).* „Русский Курьер" 1880, № 158, стр. 4.

Ср. *Ф. Б. Венок на памятник Пушкину.* СПб. 1880, стр. 340—343.

---

[1] Рассказ, вероятно, относится не к 1829 г., а к 1828 или 1827 г. (Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, СПб. 1910, стр. VII).

[2] Сочинение Шаппа, изд. 1769 г., сохранилось в Библиотеке Пушкина, но перешло в нее из библиотеки Загряжского (Б. Л. Модзалевский, op. cit., стр. VIII и 189). Ср. ПС. IV, стр. 30.

[3] Обер Шальме (Aubert Chalmet) Лаврентий Николаевич (ум. 1884), в 1879 г. — статский советник, управляющий Конторой императорских московских театров.

В 1829 году, когда Пушкин воротился в Москву из своего закавказского странствования, я застал его в одно утро за письменным столом; перед ним были развернуты Малороссийские песни моего издания 1827 г.

„А я это обкрадываю ваши песни!“ сказал он и, взяв со стола прерванное моим приходом письмо, прочел из него выразительно:

Мыне с жинкой не возиться;
А тютюн да люлька
Козаку в дорози
Знадобиться!

М. А. Максимович. Барсуков, XVIII, стр. 131—132.—Ср. РА 1874, II, стр. 1071.

Ноябрь—декабрь.

Вскоре после моего выпуска из Царскосельского Лицея я встретил Пушкина... который, увидав на мне лицейский мундир, подошел и спросил: „Вы верно только что выпущены из Лицея?“ — „Только что выпущен с прикомандированием к гвардейскому полку“, ответил я. — „А позвольте спросить вас, где вы теперь служите?“— „Я числюсь по России“, был ответ Пушкина.

Старый лицеист. „Новое Время“ 1880, № 1521.

* Он [Пушкин] дал мне в альманах „Царское Село“ антологическое стихотворение свое „Загадка, при посылке [Дельвигу] бронзового Сфинкса“:

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто, славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши.

Оказалась просодическая неисправность во втором гекзаметре: он был у Пушкина так:

Кто, славянин молодой, духом грек, родом германец?

Я заметил это Дельвигу, указал, как легко исправить погрешность перестановкою двух слов и прибавлением союза *а*, и попросил Дельвига сделать эту поправку, или принять ее на себя. Он не согласился.

„Или покажите самому Пушкину, или напечатайте так, как есть! Что́ за беда? Пушкину простительно ошибаться в древних размерах: он ими не пишет!..“

В последней корректуре я не утерпел, понадеялся, что Пушкин и не заметит такой безделицы — и сделал гекзаметр правильным. Тиснул, послал ему свой альманах и, несколько дней спустя, сам прихожу. А он, впрочем довольно веселый, встречает меня замечанием, что я изменил один из его стихов. Я прикинулся незнающим. Он действительно указал на поправку. Я возразил, улыбаясь, что дивная память его, в этом случае, ему изменила: „Так не было у вас и быть не могло!“

„Почему?“

„Потому что гекзаметр был бы и неполный, и неправильный: у третьей стопы не доставало бы половины, а слово „грек“ ни в каком случае не может быть коротким словом“.

Он призадумался.

„Потому-то вы и поправили стих! благодарю вас!“

Тут мне уже нельзя было не признаться в переделке, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотел взять на себя такой неважной для него ответственности перед своим лицейским товарищем...

Долго после того во время холеры, когда он, уже женатый, жил в Царском Селе, я с ним нечаянно сошелся у П. А. Плетнева, который готовил к печати новый том его стихотворений. Пушкин перебирал их в рукописи, читал иные вслух, в том числе и „Загадку“, и, указывая

на меня, сказал при всех: „Этот стих барон мне поправил!“.

Бар. Е. Ф. Розен[1]. *Ссылка на мертвых.* „Сын Отечества“ 1847, № 6, отд. III, стр. 16—18.

23 декабря.

I met last night at Baron Rehansen's the Byron of Russia; his name is Poushkin, the celebrated and, at the same time, the only poet in this country... I could observe nothing remarkable in his person or manners; he was slowenly in his appearance, which is sometimes the failing of men of talent, and avowed openly his predilection for gambling: the only notable expression, indeed, which dropped, from him during the evening was this: „J'aimerois mieux mourir que ne pas jouer“ [Я встретил прошлым вечером у барона Р. русского Байрона — Пушкина, знаменитого и, вместе с тем, единственного поэта в России... Я не заметил ничего особенного в его личности и его манерах; внешность его неряшлива, этот недостаток является иногда у талантливых людей, и он откровенно сознается в своем пристрастии к игре: единственное примечательное выражение, которое вырвалось у него во время вечера, было такое: „Я предпочел бы лучше умереть, чем не играть“].

Томас Рэйкс (Raikes), эсквайр. Публ. С. Ф. Глинки. ПС, XXXI—XXXII, стр. 105—106.

После 1829 г.

Могу сказать только, что почти при каждом со мною свидании, бывало, Пушкин спросит: не написал ли я новых

[1] Розен барон Егор Федорович (о нем см. выше) издал совместно с Н. М. Коншиным в 1830 г. (СПб.) альманах „Царское Село“. „Загадка“ напечатана на стр. 4.

лирических пиес? и всегда советовал не пренебрегать при сериозном, продолжительном занятии драмою и минутами лирического вдохновения. „Помните, — сказал он мне однажды, — что только до 35 лет можно быть истинно-лирическим поэтом, а драмы можно писать до 70 лет и далее!“

Бар. Е. Ф. Розен. Ссылка на мертвых. „Сын Отечества“ 1847, № 6, отд. III, стр. 12.

Он [Пушкин] частенько говаривал мне: „У нас еще через пятьдесят лет не оценят Дельвига! Переведите его от доски до доски на немецкий язык: немцы тотчас поймут, какой он единственный поэт и как мила у него русская народность“.

Бар. Е. Ф. Розен. Ссылка на мертвых. „Сын Отечества“ 1847. № 6, отд. III, стр. 15.

Пушкину все хотелось написать большой роман. Раз он откровенно сказал Нищокину[1]: „Погоди, дай мне собраться, я за пояс заткну Вальтера Скотта[2].

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 35.

---

[1] Нащокин Павел Войнович (1800—1854), товарищ Л. С. Пушкина и С. А. Соболевского по Университетскому благородному пансиону и один из ближайших друзей Пушкина. Выйдя около 1824 года в отставку в чине поручика, Нащокин поселился в Москве, где и прожил до смерти, ничем не занимаясь, „в совершенной праздности“, по выражению биографа. Человек необыкновенной души, он был бескорыстно и безгранично предан Пушкину, что последний хорошо сознавал, платя ему самым горячим чувством дружбы. В начале 1834 г. женился на Вере Александровне Нарской (ум. в 1900 г.), авторе воспоминаний, которая, после замужества, познакомясь с Пушкиным, сильно привязалась к нему.

[2] Вальтер Скотт (1771—1832), знаменитый шотландский поэт и писатель, очень высоко ценимый Пушкиным.

1829—1833 гг.

Когда Павел Войнович был еще холост, Пушкин проездом через Москву, остановившись у него, слушал, как какой-то господин, живший в мезонине, против квартиры Нащокина, целый день пиликал на скрипке одно и то же. Это надоело поэту, и он послал лакея сказать незнакомому музыканту: „Нельзя ли сыграть второе колено?“

Конечно, тот вломился в амбицию.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Нов. Времени“ 1898, № 8122, стр. 7.

1830 г.

...В 1830-м году, когда журналисты, прежде поклонявшиеся Пушкину, стали бессовестно нападать на него, я написал письмо к Погодину о значении Пушкина и напечатал его в журнале... Пушкин был очень доволен. Не зная лично меня и не зная, кто написал эту статейку, он сказал один раз в моем присутствии: „Никто еще никогда не говорил обо мне, то-есть о моем даровании, так верно, как говорит в последнем номере „Московского Вестника“, какой-то неизвестный барин“ [1].

С. Т. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания. Собрание сочинений, изд. „Просвещение“, т. IV, стр. 315.

---

[1] В письме этом особенно доставалось необоснованно нападавшему на Пушкина Н. И. Надеждину, который, по словам Аксакова, „впоследствии сознавался мне не один раз, что был неправ перед Пушкиным“.

[У цыган].

*Бежит ко мне Лукерья, кричит: „Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят“. Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: „Поваренок, кричит, поваренок!“ Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: „Дыка, дыка, на не лаго, таки вашескери“ [Гляди, значит, гляди, как не хорош, точно обезьяна]. Они так и залились. А он приставать: „Что́ ты сказала, что́ ты сказала?“— „Ничего, — говорю, — сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете“. А Павел Войнович Нащокин говорит ему: „А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет“... Тогда были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: „Друг милый, друг милый, с-далека поспеши“. Как я его пропела, Пушкин... кричит: „Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!..“

Цыганка *Татьяна Дементьевна*[1] по записи *В. П. (Б. М. Маркевича).* „СПб. Ведомости“ 1875, № 131.

Поэт твердо верил предвещанию во всех его подробностях, хотя иногда шутил, вспоминая о нем. Так, говоря о предсказанной ему народной славе, он смеючись, при-

[1] В письме к кн. П. А. Вяземскому 2 января 1831 года Пушкин замечал: „Новый год встретил я с цыганами и с Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной...“.

бавлял, разумеется, в тесном приятельском кружку: „А ведь предсказание сбывается, что ни говорят журналисты“.

С. А. Соболевский. Таинственные приметы в жизни Пушкина. РА 1870, стр. 1382.

... Я как-то изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу. „Это все-таки вследствие предсказания о белой голове, — отвечал мне Пушкин. — Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные тайные общества, даже и самое масонство получили от Адама Вейсгаупта [1] направление, подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weiskopf, Weishaupt, — одно и то же“.

С. А. Соболевский. Таинственные приметы в жизни Пушкина. РА 1870, стр. 1385—1386.

Начало года.

А. С. Пушкину предлагали написать критику Исторического романа г. Булгарина [2]. Он отказался, говоря:

---

[1] Вейсгаупт Адам (1748—1830), основатель ордена иллюминатов. Известие о его смерти могло послужить причиной приводимого разговора.

[2] „Дмитрий Самозванец“, вышедший в 1830 г. Рецензия на этот роман Булгарина была написана бар. А. А. Дельвигом и напечатана в „Литературной Газете“ 7 марта 1830 г., № 14, стр. 112—113. Булгарин принял критику Дельвига за критику Пушкина.

„Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надеюсь".

Примечание „Литературной Газеты" 1830, № 45, стр. 72.

Февраль.

The other night in society the conversation turned on murders, which are not unfrequent among the lower orders here, though seldom mentioned, as the very limited public press never takes any cognizance of such events. Poushkin, the poet, said with much gravity: „Le plus interessant assassin, que j'ai jamais connu, était un domestique, que j'avois il y a quelque temps" [Как-то вечером в обществе разговор зашел об убийствах, которые здесь не редки в низших классах общества, хотя редко упоминаются в здешней очень незначительной газетной печати, которая не получает сведений о таких происшествиях. Поэт Пушкин сказал весьма серьезно: „Самый интересный убийца, которого я знал, это слуга[1], бывший у меня несколько времени назад"].

Томас Рэйкс. Письмо 1/III—1830 г. Публ. С. Ф. Глинки. ПС, XXXI—XXXII, стр. 109.

*... Стал он частенько к нам ездить... А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал. И я много помнила наизусть и раз прочла ему оттуда и говорю: „Как это вы хорошо про нашу сестру, цыганку, напи-

---

[1] Вероятно, Пушкин имел в виду Константина Сазонова, лицейского дядьку, совершившего ряд убийств в окрестностях Царского Села.

сали!“ А он опять в смех: „Я, говорит, на тебя новую поэму сочиню!“ А это утром было, на масленице, и мороз опять лютый... „Хорошо, говорит, тут, — тепло, только есть хочется“. А я ему говорю: „Тут, говорю, поблизости харчевня одна есть, отличные блины там пекут, — хотите, пошлю за блинами?“ Он с первого раза побрезгал, поморщился. „Харчевня, говорит, грязь“. — „Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы есть“. — „Ну, хорошо, посылай, — вынул он две красненькие, — да вели кстати бутылку шампанского купить“. Дядя побежал, все в минуту спроворил, принес блинов, бутылку. Сбежались подруги, и стал нас Пушкин потчевать: на лежанке сидит, на коленях тарелка с блинами — смешной такой, ест да похваливает: „Нигде, говорит, таких вкусных блинов не едал“... Только в это время в приходе к вечерне зазвонили. Он как схватился с лежанки: „Ахти мне, кричит, радость моя, из-за тебя забыл, что меня жид-кредитор ждет!“

Цыганка *Татьяна Дементьевна* по записи *В. П. (Б. М. Маркевича)*. „СПб. Ведомости“ 1875, № 131.

* Нащокин пропадал в ту пору из-за Ольги [1] ... и Пушкин смеялся над ним: „Ты, говорит, возьми коромысло, два ведра молока нацепи на него и ступай к своей Ольге под окно, авось она над тобой сжалится“. А На-

[1] Цыганка Ольга Андреевна, подруга Татьяны Дементьевны, жившая долго с П. В. Нащокиным и доставлявшая ему много волнений и страданий (об этом см. письма Нащокина к Пушкину, 1833 – 1834 гг.). Нащокин расстался с ней только перед своей женитьбой, и то вынужден был венчаться тайно от нее.

щокин очень нашелся ответить ему на это: „Тебе, говорит, легко смеяться, напишешь двадцать стихов, столько же золотых тебе в руки, — а мне каково? Действительно, говорит, одно остается, — нацепить себе ведра на плечи“.

Цыганка *Татьяна Дементьевна* по записи *В. П. (Б. М. Маркевича)*. „СПб. Ведомости“ 1875, № 131.

Февраль — март.

В счастливую эпоху первого моего литературного успеха я встретил в Смирдинской библиотеке А. С. Пушкина и удостоился услышать из уст великого поэта лестный отзыв о моем водевиле.

„В число книг, которые мне пошлете, — сказал он Смирдину [1], — включите и водевиль Каратыгина“ [2].

„Позвольте же мне, Александр Сергеевич, вручить его вам с моею надписью“.

„Обяжете!“ отвечал он, пожав мне руку.

П. А. Каратыгин. Записки. СПб. 1880, стр. 199.

---

[1] Смирдин Александр Федорович (1795 — 1857), видный книгопродавец и книгоиздатель, пользовавшийся большим уважением литераторов.

[2] Каратыгин Петр Андреевич (1805 — 1879), младший брат знаменитого трагика, известный актер-комик и талантливый водевилист, сочинивший, переведший и переделавший 68 пьес. Первое его произведение, — о котором упоминается в данном случае, — одноактный водевиль „Знакомые и незнакомцы“, впервые был представлен 12 февраля 1830 г. Этой книги в библиотеке Пушкина не сохранилось.

21 марта.

К Пушкину — „Моск[овский] Вестн[ик]“ и „Лит[ературная] Газета“ одно и то же“. Толк[овали] о наш[ей] лит[ературе].

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XXIII — XXIV, стр. 103.

6 апреля.

Пушкин приехал в Москву с намерением сделать предложение Н. Н. Гончаровой[1]. По обыкновению он остановился у Нащокина. Собираясь ехать к Гончаровым, поэт заметил, что у него нет фрака.

„Дай мне, пожалуйста, твой фрак, — обратился он к Павлу Войновичу. — Я свой не захватил, да, кажется, у меня и нет его“...

Сватовство[2] на этот раз было удачное, что поэт в значительной мере приписывал „счастливому“ фраку[2].

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Нов. Времени“ 1898, № 8115, стр. 6.

---

[1] Гончарова Наталия Николаевна (1812—1863), будущая жена поэта.

[2] Впервые Пушкин сватался к Н. Н. Гончаровой в конце апреля 1829 г., послав сватом к матери ее графа Ф. И. Толстого. В ответ он получил только право надеяться и, в письме к будущей теще, просил дальнейшие переговоры вести через того же Толстого. Уже после поездки в Арзрум, в сентябре, побывав у Гончаровых, он встретил весьма холодный прием. Женитьба Пушкина имеет свою грустную историю, виновницей которой была мать невесты, Н. И. Гончарова. Злоключения Пушкина далеко не кончились 6 апреля 1830 г. Но, во всяком случае, тогда он имел все основания радоваться благополучному исходу.

10 мая.

С лекции к Пушкину — долгий и очень занимательный разговор об Русской Истории:

„Как рву я на себе волосы часто, — говорит он, — что у меня нет классического образования; есть мысли, но [не] на чем их поставить“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XXIII — XXIV, стр. 106.

13 мая.

Проч[ел] I дейст[вие] Марфы [1] Пушкину, сказав: „Моя цель на другом поприще, след[овательно] неудача на этом не приведет меня в уныние. Будьте откровенны“. — В восторге. — „Я не ждал. Боюсь хвалить вас. Ну, если вы разовьете характеры так же, дойдете до такой высоты, на какой стоят нар[одные] сцены. Чудо. Уд[ачная?] догадка. Это и хорошо, что вам кажется общим местом. Diable etc.“. Приятно.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XXIII — XXIV, стр. 106—107.

14 мая.

Про[читал] еще 2 действия. Пушкин заплакал: „Я не плакал с тех пор, как сам сочиняю, мои сцены народные ничто перед вашими. Как бы напечатать ее“, и целовал и жал мне руку.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XXIII — XXIV, стр. 107.

---

[1] „Марфа-посадница“, трагедия М. П. Погодина, напечатана в августе 1830 г., но в свет вышла позднее.

Июнь.

Пушкин говорил М. А. Максимовичу, что князю Юсупову хотелось от него стихов, и затем только он угощал его в Архангельском. „Но ведь вы его изобразили пустым человеком“. — „Ничего, не догадается!“ [1]

Кн. П. А. Вяземский. Из записной книжки. РА 1887, III, стр. 455.

15 июня.

Сегодня говорил мне Пушкин об актере Montalan: „Я применил к нему стих Лафонтена: „Voilà tout mon talent, je ne sais s'il suffit“ [Вот весь мой талант, не знаю, достаточно ли его].

Кн. П. А. Вяземский. Старая записная книжка. СПб. 1884, стр. 122.

Первая половина июля.

Захарово [2].

*Приезжал он ко мне сам, перед тем, как вздумал жениться. „Я, говорит, Марья [3], невесту сосватал,

---

[1] Послание „К вельможе“ (Кн. Н. Б. Юсупову, в Архангельское) впервые напечатано в „Литературной Газете“ 1830, т. I, № 30. Обращено оно к кн. Николаю Борисовичу Юсупову (1750—1831), бывшему сенатором и членом Государственного совета. Послание это вызвало много противоречивых толков, доходивших до того, что Пушкина обвиняли в низкопоклонстве.

[2] Захарово, подмосковное сельцо, приобретенное М. А. Ганнибал, бабушкой поэта, в 1799 г. (по другому показанию, в 1806 г.); с тех пор все семейство проводило там летние месяцы до 1811 года.

[3] О Марье Федоровне и приезде Пушкина в Захарово, перед женитьбой, рассказывает в своих воспоминаниях и С. П. Шевырев. Майков, стр. 324.

жениться хочу...“ — Чем, мол, вас, батюшка, угощать я стану? Сем, мол, яишеньку сделаю! — „Ну, сделай, Марья!..“ — Все наше решилося, говорит, Марья: все, говорит, поломали, все заросло! Побыл еще часика два. „Прощай, говорит, Марья, приходи ко мне в Москву! А я, говорит, к тебе еще побываю“.

Марья Федоровна (дочь Арины Родионовны) по записи *Н. Б.* „Москвитянин“ 1851, IX — X, стр. 32.

2 июля.

On m'a conté une anecdote du poète Pouchkine. Quelqu'un, après une longue absence le revoquant, lui demande: comment, mon cher, on me dit que vous allez vous marier? Certainement, repondit l'autre, et ne croyez pas que ce sera la derniere sottise que je ferai dans ma vie [Мне рассказывали анекдот о поэте Пушкине. Кто-то после долгого отсутствия, увидев его, спросил: „Как, мой дорогой, мне передавали, будто вы женитесь?“ — Совершенно верно, — ответил тот, — и не думайте, что это будет последней глупостью, которую я сделаю в своей жизни].

А. Я. Булгаков К. Я. Булгакову. РА 1901, III, стр. 482.

Август.

После Июльской революции 30-го года, Пушкин говорил: „Странный народ! Сегодня у них революция, а завтра все столоначальники уже на местах, и административная махина в полном ходу“.

Кн. П. А. Вяземский, VII, стр. 482.

20 августа.

Москва.

В. Л. Пушкин [1], четверть часа до кончины видя, что я взял в руки „Литературную Газету“, которая лежала на столе, сказал мне задыхающимся и умирающим голосом: „Как скучен Катенин!“ — который в то время печатал длинные статьи в этой газете. — „Allons nous-en, сказал мне тут Александр Пушкин: il faut laisser mourir mon oncle avec un mot historique“ [Уйдемте, дадимте дяде моему умереть с историческим словом].

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову 6 ноября 1853 г. „Москвитянин“ 1854, № 5, отд. IV, стр. 11.

Нам передавали современники, что, услышав эти слова от умиравшего Василия Львовича, Пушкин направился на цыпочках к двери и шепнул собравшимся родным и друзьям его: „Господа, выйдемте, пусть это будут последние его слова“.

П. Б[артенев]. РА 1870, стр. 1369.

20 — 22 августа.

Москва.

И. И. Дмитриев, подозревая причиною кончины Василия Львовича холеру, не входил в ту комнату, где

---

[1] Князь П. А. Вяземский в дневнике своем, от 25 августа, относит этот эпизод ко дню, предшествовавшему смерти В. Л.; П. В. Анненков, со слов одного из близких знакомых В. Л., рассказывал, что умирающий „поднялся с постели, добрался до шкапов огромной своей библиотеки, где книги стояли в три ряда, заслоняя друг друга, отыскал там Беранже и с этой ношей перешел на диван зала. Тут принялся он перелистывать любимого своего поэта, вздохнул тяжело и умер над французским подлинником“ (Пушкин в Александровскую эпоху, стр. 18). В. Л. Пушкин погребен 23 августа 1830 г.

отпевали покойника. Александр Сергеевич уверял, что холера не имеет прилипчивости и, отнесясь ко мне, спросил: „Да, не боитесь ли и вы холеры?“ Я отвечал, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю. „Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро поймут холеру. Тут все лекарство один courage, courage и больше ничего“. Я указал ему на словесное мнение Ф. А. Гильтебрандта [1], который почти то же говорил. — „О, да! Гильтебрандтов немного“, заметил Пушкин.

М. Макаров. Воспоминания.
„Современник“ 1843, т. 29, стр. 384.

Сентябрь—ноябрь.

Имение [2], где Пушкин жил в Нижнем, находится в нескольких верстах от села Апраксина, принадлежавшего семейству Новосильцевых, которых поэт очень любил, в особенности хозяйку дома, милую и добрую старушку. Она его часто журила за его суеверие... Г-жа Новосильцева [3] праздновала свои именины, и Пушкин обещался приехать к обеду, но его долго ждали напрасно и решились, наконец, сесть за стол без него. Подавали уже шампанское, когда он явился, подошел к имениннице и стал перед ней на колени: — „Наталья Алексеевна,

---

[1] Гильтебрандт Федор Андреевич (1773 — 1845), известный хирург, профессор хирургии, а затем анатомии и физиологии в Медико-хирургической Академии в Москве.

[2] Село Болдино Нижегородской губернии. Пушкин приехал в Болдино в начале сентября и 26 августа в день именин Натальи не мог быть в Апраксине.

[3] Новосильцева Наталья Алексеевна, р. Остафьева, 2-я жена сергачского помещика, бригадира Петра Алексеевича Новосильцева

сказал он, — не сердитесь на меня; я выехал из дому и был уже недалеко отсюда, когда проклятый заяц пробежал поперек дороги. Ведь вы знаете, что я юродивый: вернулся домой, вышел из коляски, а потом сел в нее опять и приехал, чтоб вы меня выдрали за уши".

[Т.] Толычева[1]. *Исторические анекдоты и мелочи.* РА 1877, II, стр. 99.

Приехал в Апраксино Пушкин, сидел с барышнями[2] и был скучен и чем-то недоволен — так говорила Настасья Петровна. Разговор не клеился, он все отмалчивался, а мы болтали. Перед ним лежал мой альбом, говорили мы об „Евгении Онегине", Пушкин молча рисовал что-то на листочке. Я говорю ему: зачем вы убили Ленского? Варя весь день вчера плакала!

Варваре Петровне тогда было лет шестнадцать, собой была недурна. Пушкин, не поднимая головы от альбома и оттушевывая набросок, спросил ее:

„Ну, а вы, Варвара Петровна, как бы кончили эту дуэль?"

„Я бы только ранила Ленского в руку или в плечо, и тогда Ольга ходила бы за ним, перевязывала бы рану, и они друг друга еще больше бы полюбили".

„А знаете, где я его убил? Вот где", — протянул он к ней свой рисунок и показал место у опушки леса.

„А вы как бы кончили дуэль?" — обратился Пушкин к Настасье Петровне.

---

[1] Псевдоним писательницы Екатерины Владимировны Новосильцевой (ум. 1885).

[2] Дочери П. А. и Н. А. Новосильцевых — Анастасия, Варвара и Мария Петровны (последняя в замужестве Ахматова).

„Я ранила бы Онегина; Татьяна бы за ним ходила, и он оценил бы ее, и полюбил ее“.

„Ну, нет, он Татьяны не стоил“, — ответил Пушкин.

А. П. Новосильцева по записи *Н. Кр.* „Курские Губ. Вед.“ 23 января 1899, № 29 (Среди газет и журналов).

18 ноября.

Болдино [1].

Выехав, на большую дорогу, я увидел, что вы были правы — 14 карантинов были только аванпостами, а настоящих карантинов только три. Я храбро явился в первый (Сиваслейка, губ. Владимирская); инспектор спрашивает мою подорожную, сообщив, что мне предстоит всего 6 дней остановки. Потом он бросает взгляд на подорожную: — „Вы не по казенной надобности изволите ехать?“ — Нет, по собственной, самонужнейшей. — „Так извольте ехать назад, на другой тракт, здесь не пропускают“. — Давно ли? — „Да уж около 3 недель“. — И эти свиньи, губернаторы, не дают этого знать? — „Мы не виноваты-с“. — Не виноваты! А мне разве от этого легче? Нечего делать — еду назад в Лукоянов...

Пушкин Н. Н. Гончаровой (18 ноября 1830 г.).

---

[1] Пушкин задержался в Болдине вследствие свирепствовавшей в столицах холеры. Он дважды пытался выехать в Москву, но не получал пропуска через карантины. О второй своей попытке он и повествует в этом письме.

11 декабря.

К Пушкину...

Я сказал ему, что буду писать Бориса и Димитрия — „Пишите, а я отказываюсь".

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XXIII — XXIV, стр. 109.

Конец года.

По свидетельству покойного П. В. Нащокина, в конце 1830 г., живя в Москве, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, он выразил желание ехать в Польшу, чтобы там принять участие в войне: в неприятельском лагере находился кто-то по имени Вейскопф (белая голова), и Пушкин говорил другу своему: „Посмотри, сбудется слово немки, — он непременно убьет меня!"

С. А. Соболевский. Таинственные приметы в жизни Пушкина. РА 1870, стр. 1382.

...В исходе 1830 г.[1], наскучив тем, что свадьба его оттягивалась... он говорил Нащокину, что бросит все и уедет драться с поляками[2]. „Там у них есть один Вейскопф (белая голова): он наверное убьет меня, и пророчество гадальщицы сбудется".

П. И. Бартенев. Девятнадцатый век, I, стр. 386.

---

[1] Свадьба Пушкина оттягивалась, вследствие различных мелочных препятствий, воздвигавшихся матерью невесты. Тревожное состояние духа Пушкина ярко сказалось в письмах его к друзьям.

[2] Первые известия о польском восстании появились в печати 28 ноября 1830 г. Оно явилось одним из первых известий, встретивших Пушкина по возвращении из Болдина в Москву.

Намереваясь отправиться в Польшу, Пушкин все напевал Нащокину: „Не женись ты, добрый молодец, а на те деньги коня купи“.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 41.

1830 — 1831 гг.

Четыре года я не встречался с ним, по причине турецкой кампании и моего путешествия на Востоке, и совершенно нечаянно свиделся в Архиве министерства иностранных дел, где собирал он документы для предпринятой им истории Петра Великого. По моей близорукости я даже сперва не узнал его, но, благородный душою, Пушкин устремился прямо ко мне, обнял крепко и сказал: „Простили ль вы меня? А я не могу доселе простить себе свою глупую эпиграмму, особенно когда я узнал, что вы поехали в Иерусалим[1]. Я даже написал для вас несколько стихов: что, когда, при заключении мира, все сильные земли забыли о святом граде и гробе Христовом, один только доблестный юноша о них вспомнил и туда устремился. С чрезвычайным удовольствием читал я ваше путешествие“. Я был тронут до слез.

А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами, Киев 1871, стр. 18—19. Перепеч. „Русское Обозрение“ 1895, № 12, стр. 600.

---

[1] Об А. Н. Муравьеве и столкновении его с Пушкиным см. стр. 95.

Декабрь 1830 г. — январь 1831 г.

Остафьево [1].

Я живо помню, как он во время семейного чая расхаживал по комнате, не то плавая, не то как будто катаясь на коньках, и, потирая руки, декламировал, сильно напирая на: „Я мещанин, я мещанин, я просто русский мещанин“. С особенным наслаждением Пушкин прочел врезавшиеся в мою память четыре стиха:

Не торговал мой дед блинами,
В князья не прыгал из хохлов,
Не пел на клиросе с дьячками,
Не ваксил царских сапогов [2].

Кн. П. П. Вяземский [3]. *А. С. Пушкин.* РА 1884, II, стр. 415 — 416.

1830 — 1832 гг.

Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и, наконец, один раз после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего, мной прежде читанного, он мне сказал: „Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять

---

[1] Остафьево — любимое подмосковное имение (в Подольском уезде) кн. П. А. Вяземского, давшее название знаменитому архиву Вяземского.

[2] Отрывок из стихотворения Пушкина „Моя родословная. Вольное подражание лорду Байрону“, написанного, незадолго перед тем, 16 октября 1830 г. в Болдине.

[3] Вяземский князь Павел Петрович (1820 — 1888), сын В. Ф. и П. А. Вяземских, историк литературы, библиограф, впоследствии начальник главного управления по делам печати и сенатор.

его вдруг всего, как живого, с этой способностью, не приняться за большое сочинение — это просто грех".

Н. В. Гоголь. Авторская исповедь. — Ср. Анненков, I, стр. 367.

1831 г.

„Я непременно буду писать о „Страннике", — сказал он [Пушкин] мне... — „Пора нам перестать говорить друг другу *вы*", сказал он мне, когда я просил его в собрании показать жену свою. И я в первый раз сказал ему: „Пушкин — ты поэт, а жена твоя — воплощенная поэзия".

А. Ф. Вельтман [1]. *Воспоминания.* Майков, стр. 131 — 132.

С.-Петербург [у С. Ф. Тимирязевой] [2].

Однажды после обеда, когда перешли в кабинет и Пушкин, закурив сигару, погрузился в кресло у камина,

---

[1] С ранней юности Вельтман писал стихи, но только с конца 20-х гг. начал их помещать в журналах. Выйдя в 1831 г. в отставку, он всецело посвятил себя литературному труду и, на этой почве, ближе сошелся с Пушкиным. „Странник" — роман Вельтмана, вышедший в свет в 1831 — 1832 гг. В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр 3 ч. „Странника", с надписью: „Александру Сергеевичу Пушкину Вельтман"; заметок в тексте нет (Б. Л. Модзалевский, Библиотека Пушкина, стр. 22). — Ср. в письме Пушкина к П. В. Нащокину от 1 июня 1831 г.

[2] Тимирязева Софья Федоровна (1799—1875), р. Вадковская, по первому браку Безобразова. Жена ген.-майора (1830), Астраханского военного губернатора, впоследствии сенатора Ивана Семеновича Тимирязева (1790—1867). Их сын — Федор Иванович (р. 1832), впоследствии (1879) Саратовский губернатор. С. Ф. Тимирязева была роста 2 арш. $8^1/_2$ вершков.

матушка начала ходить взад и вперед по комнате. Пушкин долго и молча следил за ее высокой и стройной фигурой и, наконец, воскликнул: „Ах, Софья Федоровна, как посмотрю я на вас и на ваш рост, так мне все кажется, что судьба меня, как лавочник, обмерила“.

Ф. [И.] Тимирязев. Страницы прошлого. РА 1884, I, стр. 313.

20 января.

Москва.

Когда известие о смерти барона Дельвига [1] пришло в Москву, тогда мы были вместе с Пушкиным, и он, обратясь ко мне, сказал: „Ну, Войныч, держись: в наши ряды постреливать стали“.

П. В. Нащокин Н. М. Коншину. РС 1908, № 12, стр. 762—763.

16 февраля.

*... Аккурат два дня до его свадьбы [2] оставалось, — зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздо-

[1] Барон Дельвиг скончался в Петербурге 14 января 1831 г. от сильной простуды, к которой прибавилось еще нравственное потрясение по поводу запрещения издавать „Литературную Газету“. Пушкин был глубоко потрясен его смертью. „Ужасное известие получил я в воскресенье, — писал он П. А. Плетневу. — Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная... Боратынский болен от огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы“ (Письмо от 21 января 1831 г.).

[2] Пушкин венчался с Н. Н. Гончаровой 18 февраля 1831 года, в Москве, в церкви Старого Вознесения. Письма его самого этой поры и воспоминания современников свидетельствуют о тревожном состоянии Пушкина перед женитьбой, что придает вероятие рассказу Татьяны Дементьевны.

роваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидал меня из сеней и кричит: „Ах, радость моя, как я рад тебе, здорово, моя бесценная!“ — поцеловал меня в щеку и уселся на софу... — „Спой мне, говорит, Таня, что-нибудь на счастье, слышала, может быть, я женюсь?“ — „Как не слыхать, говорю, дай вам бог, Александр Сергеевич!“ — „Ну, спой мне, спой“... Запела я Пушкину песню, — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она, будто, сказывают, не к добру... Вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин... Кинулся к нему Павел Войнович: „Что с тобой, что с тобой, Пушкин?“ — „Ах, говорит, эта ее песня всю мне внутрь перевернула, — она мне не радость, а большую потерю предвещает!..“

Цыганка *Татьяна Дементьевна* по записи *В. П. (Б. М. Маркевича).* „СПб. Ведомости“ 1875, № 131.

Москва.

До сих пор еще толкуют о славном бале наших молодых, хваля особенно ласку и ловкость Ольги[1]... Поэт Пушкин также в восхищении от нее; говорит, что невозможно лучше Ольги соединять вместе роль девушки, только что поступившей в барыню и хозяйки. Он мне говорил на бале: „Я глаз не спускаю с княгини О. А., не понятно, как она всюду поспевает, не только занимается всеми, кои тут, но даже и отсутствующим посы-

[1] Булгакова Ольга Александровна (1814 — 1865), младшая дочь Московского почт-директора, 28 января 1831 г. вышедшая замуж за князя Александра Сергеевича Долгорукова (1809—1873).

лает корнеты с конфектами; я бы ее воспел, да не стихи на уме теперь".

А. Я. Булгаков К. Я. Булгакову (19 февраля 1831 г.). РА 1902, I, стр. 53—54.

Он жене моей говорил на бале: „Пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня".

А. Я. Булгаков К. Я. Булгакову (19 февраля 1831 г.). РА 1902, I, стр. 54.

18 февраля.

Свадьба Пушкина происходила 18 февраля 1831 г. Во время обряда Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец, одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствовавших: „Tous les mauvais augures" [все дурные предзнаменования].

А. П. Керн. Воспоминания. РС 1880, № 1, стр. 148.

Ср. *Бартенев*, стр. 64.

После 18 февраля.

Я уверена, что он был добрым мужем, хотя и говорил однажды, шутя, Анне Николаевне [Вульф][1], которая его поздравляла с неожиданною в нем способностью вести себя, как прилично любящему мужу: „Ce n'est que de l'hypocrisie" [Это только притворство].

А. П. Керн П. В. Анненкову. ПС, V, стр. 151.

---

[1] Вульф Анна Николаевна (1799—1857), дочь П. А. Осиповой от 1-го брака, приятельница Пушкина.

Апрель.

Москва.

[При чтении Погодиным Пушкину своей трагедии „Петр I“]. ...Помню одну поправку. Расстрига-протопоп Иаков, в первом действии, осуждая действия Петровы, говорит о захваченных им церковных деньгах. Когда я прочел:

> И всякая копейка горячим у г л е м
> На голову его падет в последний день [1],

„К а п л е й, каплей“, воскликнул Пушкин, вскочив и потирая руки.

М. П. П о г о д и н. Петр I. Трагедия в 5 действиях в стихах (1831), М. 1873, послесловие стр. 159. — Ср. Барсуков, III, стр. 253.

5—8 апреля.

Цензур[ные] поправки статьи о Польск[ой] ист[ории] [2]— Пушкин от нее в восторге: „Никто ныне, сказал он, не тревожит души моей, кроме вас“.

М. П. П о г о д и н. Дневник. ПС, XXIII—XXIV, стр. 112.

---

[1] В печати эта строфа читается так:

> И не избегнет кары он; в аду
> Истлеет грешник. Всякая копейка
> Церковная падет горящей к а п л е й
> На голову его в последний день (стр. 25).

[2] Статья Погодина „Исторические размышления об отношениях Польши к России (По поводу разных статей о том же предмете, помещаемых в иностранных журналах)“, „Телескоп“ 1831, № 7.

11 мая.

[Пушкин], решительно не любя Тасса, умоляет тебя приняться за Данта[1]. „Мне надо написать к нему умное и большое письмо, — говорит он, — но кочевой я так не привык еще к оседлой жизни, что не знаю, как и когда приниматься за дело“.

М. П. Погодин С. П. Шевыреву. РА 1882, III, стр. 185.

Июнь—август.

Царское Село.

[Жуковский и Пушкин] восхищались стихами [Хвостова][2] по случаю концерта, в котором пели Лисянская и Пашков[3]:

Лисянская и Пашков там
Мешают странствовать ушам.

---

[1] Торквато Тассо (1544—1595) и Данте Алигиери (1265—1321), величайшие итальянские поэты. Речь идет, вероятно, о задуманной С. П. Шевыревым магистерской диссертации. Последняя напечатана в 1833 г. под названием „Данте и его век“. Таким образом возможно, что в выборе Шевыревым темы сказалось влияние Пушкина.

[2] Хвостов граф Дмитрий Иванович (1757—1835), известный бездарнейший стихотворец-метроман, подвергавшийся постоянным насмешкам со стороны пушкинского кружка.

[3] Пашков Николай Иванович (1800 — 1873), певец-любитель, музыкант. Будучи в Италии, учился у лучших итальянских певцов и, вернувшись в Россию, приобрел большую известность в великосветских салонах Москвы и Петербурга.

„Вот видишь,—говорил ему Пушкин,—до этого ты уж никак не дойдешь в своих галиматьях“ [1].

А. О. Смирнова[2]. *Воспоминания.* РА 1871, стр. 1879.

Июнь—август.

Царское Село.

Иногда [Пушкин] читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения. Он восхищался заглавием одной: „Поп — толоконный лоб и служитель его Балда“ [3]. „Это так дома можно, — говорил он, — а ведь цензура не пропустит!“ Он говорил часто: „Ваша критика, мои милые, лучше всех; вы просто говорите: этот стих нехорош, мне не нравится“.

А. О. Смирнова. Воспоминания. РА 1871, стр. 1877.

Когда разговорились о Шатобриане [4], помню он говорил: „De tout ce qu'il a ecrit il n'y a qu'une chose qui

---

[1] „Галиматьями“ Жуковский называл свои литературные шутки, до которых был большим охотником.

[2] Смирнова Александра Осиповна (1800—1882), р. Россет, фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. Красивая, интересная и высококультурная женщина, она была близким другом Пушкина, Жуковского, Гоголя, Лермонтова и др. Была замужем (с 1831 г.) за Николаем Михайловичем Смирновым, впоследствии калужским губернатором.

[3] Сказка эта была впервые напечатана уже после смерти Пушкина в № 5 „Сына Отечества“ за 1840 год, под заглавием „Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде“, с соответствующими цензурными изменениями Жуковского. Таким образом, Пушкин все-таки не предугадал всей скорбной судьбы своей сказки.

[4] Шатобриан Франц Огюст (1768—1848), знаменитый французский писатель.

m'ai plu; voulez vous que je vous l'écris dans votre album. Si je pouvais croire encore au bonheur, je le chercherais dans la monotonie des habitudes de la vie" [Во всем том, что он писал, имеется только одна вещь, которая мне понравилась; желаете ли вы, чтобы я написал ее в ваш альбом? Если бы я еще мог верить в счастье, я бы искал его в однообразии жизненных привычек].

А. О. Смирнова. Воспоминания. РА 1871, стр. 1882.

Июнь—август.

Царское Село.

Раз я созналась Пушкину, что мало читаю. Он мне говорит: „Послушайте, скажу и я вам по секрету, что я читать терпеть не могу, многого не читал, о чем говорю. Чужой ум меня стесняет. Я такого мнения, что на свете дураков нет. У всякого есть ум, мне не скучно ни с кем, начиная от будочника и до царя" [1].

А. О. Смирнова по записи *Я. П. Полонского.* Публ. М. А. Цявловского. ГМ 1917, № 11—12, стр. 155.

Однажды говорю я Пушкину:

„Мне очень нравятся ваши стихи „Подъезжая под Ижоры" [2].

---

[1] Эти „слова Пушкина имеются в „Записках А. О. Смирновой" (ч. I, стр. 20), но там они переданы не так кратко и производят впечатление сочинительства О. Н. Смирновой". Примечание М. А. Цявловского.

[2] „Подъезжая под Ижоры" — К** (Е. В. Вельяшевой) — стихотворение Пушкина 1828 г. напечатано в „Северных Цветах" на 1830 г.

Вельяшева Екатерина Васильевна (р. 1813), кузина А. Н. Вульфа, дочь старицкого исправника, штаб-ротмистра В. И. Вельяшева. Пушкин познакомился с нею в Тригорском. В 1834 году вышла замуж за А. А. Жандра (1812—1865).

„Отчего они вам нравятся?“

„Да так, — они как будто подбоченились, будто плясать хотят“.

Пушкин очень смеялся.

„Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно: „подбоченились“, а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора“...

Наговорившись с ним, я спрашивала его (поутру у него в комнате):

„Что же мы теперь будем делать?“

„А вот что! Не возьмете ли вы меня прокатиться в придворных дрогах?“

„Поедемте“.

А. О. Смирнова по записи *Я. П. Полонского.* Публ. М. А. Цявловского, ГМ 1917, № 11—12, стр. 155—156.

* Однажды в жаркий летний день гр. [А. В.] Васильев [1], зайдя к нему, застал его чуть не в прародительском костюме. „Ну, уж извините, — засмеялся поэт, пожимая ему руку, — жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, ходят в таких костюмах“.

Гр. А. В. Васильев по записи *П. К. Мартьянова.* ИВ 1892, № 11, стр. 384.

Однажды Пушкин, гуляя по Царскому Селу, встретил коляску, вмещавшую в себе ни более, ни менее как Николая Павловича. Царь приказал остановиться и, подозвав к себе Пушкина, потолковал с ним о том, о сем,

---

[1] Васильев граф Алексей Владимирович (1809 — 1895) жил в это время в Царском Селе на одной квартире с братом Н. Н. Пушкиной.

очень ласково. Пушкин прямо с прогулки приходит к Смирновой... „Что с вами?“ — спросила Смирнова, всматриваясь в его лицо. Пушкин рассказал ей про встречу и прибавил: „Чорт возьми, почувствовал подлость во всех жилах!“ Я это слышал от самой Смирновой.

И. С. Аксаков[1] Н. С. Соханской (лит. псевд. Кохановская). Барсуков, XIX, стр. 409.

Петербург.

В 1831 г. один знакомый [гр. Е. Е. Комаровский][2] встретил [Пушкина] в Петербурге на улице задумчивого и озабоченного. „Что с вами?“ — „Все читаю газеты“ — „Так что же?“ — „Да разве вы не понимаете, что теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как в 1812 году?“ отвечал Пушкин[3].

П. И. Бартенев XIX век, I, стр. 386.

Покойный гр. Е. Е. Комаровский рассказывал, что... однажды встретил Пушкина на прогулке, задумчивого и тревожного. „Отчего не веселы, Александр Сергеевич?“ — „Да все газеты читаю“. — „Что ж такое?“ — „Разве вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, как в 1812 году!“

П. Б[артенев]. На взятие Варшавы. РА 1879, I, стр. 385.

---

[1] Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), сын писателя, известный публицист, славянофил.

[2] Комаровский граф Егор Евграфович (1803—1875), женатый на Софии Владимировне Веневитиновой (1808 — 1876), сестре поэта Д. В. Веневитинова.

[3] 1830—1831 гг. исполнены были серьезных политических событий: более или менее крупные революционные вспышки во Франции, Италии, Бельгии, Ирландии, Испании, наконец, в Польше, с другой стороны, свирепствовавшая в России холера, — все это вместе взятое создавало крайне напряженное настроение как в народе, так и в правительстве.

Июнь—октябрь.

Молодой лейб-гусар граф А. В. Васильев, в Царском Селе, очень ранним утром, ехал на учение мимо дома Китаевой, где жил Пушкин [1]... Пушкин увидал его в окно и позвал к себе. Перед тем появился в печати „Конек-Горбунок". „Этот Ершов [2], — сказал Пушкин графу Васильеву (который тоже писал стихи), — владеет русским стихом, точно своим крепостным мужиком".

Разные заметки о Пушкине. Из записной книжки. РА 1899, II, стр. 355.

...А. С. Пушкин, прочитав эту сказку [„Конек-Горбунок"] отозвался, между прочим, Ершову, — как рассказывал он сам: „Теперь этот род сочинений можно мне и оставить".

А. К. Ярославцев. П. П. Ершов, автор сказки „Конек-Горбунок". СПб., 1872, стр. 2 [3].

---

[1] Пушкины 25 мая 1831 г. переехали в Царское Село и поселились в д. Китаева на Колпинской ул. Граф А. В. Васильев в это время еще не был в л.-гв. Гусарском полку. В него он был переведен только 7 января 1832 года корнетом из прапорщиков Тираспольского Конно-Егерского полка.

[2] Ершов Петр Павлович (1815—1869), писатель, приобревший известность своею сказкой „Конек-Горбунок". Последняя впервые частью напечатана была в 1834 г. в 3 т. „Библиотеки для Чтения". Пушкин в 1831 г. читал ее в рукописи и набросал первые четыре стиха.

[3] О датировке этого эпизода см. статью Н. О. Лернера, ПС, VI, стр. 44—45.

7 июля.

Царское Село.

...Я сказал ему взволнованным голосом:

„Извините, что я вас останавливаю, Александр Сергеевич; но я внук вам по Лицею и желаю вам представиться“.

„Очень рад, — отвечал он, улыбнувшись и взяв меня за руку, — очень рад“.

Непритворное радушие видно было в его улыбке и глазах. Я сказал ему свою фамилию.

„А ваш выпуск будет который? — спросил он, взглянув на золотые петлицы на моем воротнике, — ведь вы после Деларю [1]?“

„Деларю был мой старший 5-го курса, а я 6-го“.

„Так я вам не дед, даже не прадед, а я вам пращур. Ну, что у вас делается в Лицее? Если вы не боитесь усталости, — прибавил он, — то пойдемте со мной“.

Из парка мы перешли в большой сад.

„Ну, а литература у вас процветает?“ спросил он.

„Мы, по крайней мере, об ней хлопочем: у нас издаются журналы и газеты“.

„Принесите их мне. Ну, а что Сергей Гаврилович Чириков [2]?“

Я отвечал, что он у нас гувернером в старшем курсе, попрежнему добрейший человек, но что под старость лет у него развилась охота к пению.

„Каким это образом?“

„Он с нами поет в рекреационное время, по вечерам, разные арии из Сбитенщика и Водовоза; он запевает, а мы ему хором подтягиваем“.

Александр Сергеевич от души засмеялся.

---

[1] Деларю Михаил Данилович (1811—1868), лицеист V курса, поэт пушкинской плеяды и близкий приятель Пушкина.

[2] С. Г. Чириков, лицейский гувернер; см. выше, стр. 2.

„А мы в нем и не подозревали голоса,—сказал он,— пригласите его когда-нибудь ко мне“.

„Что ваш сад и ваши палисадники? А памятник в саду вы поддерживаете? Видаетесь ли вы с вашими старшими? Выпускают ли теперь из Лицея в военную службу? Есть ли между вами желающие? Какие теперь у вас профессора? Прибавляется ли ваша библиотека? У кого она теперь на руках? Что Пешель [1]? Боится ли он холеры?“

На эти вопросы Александра Сергеевича я едва успевал отвечать. В свою очередь мне ужасно хотелось расспросить его об нем самом, но он решительно не давал мне времени и, конечно, делал это не без намерения. Я понимал, что ему не о чем было более говорить с 17-летним юношею, как об его заведении... Многие расставленные по саду часовые ему вытягивались, и если он замечал их, то кивал им головой. Когда я спросил: „Отчего они ему вытягиваются?“ он отвечал: „Право, не знаю, разве потому, что я с палкой“.

Обойдя кругом озеро, он сказал:

„Вы раскраснелись, — кажется, устали“.

„Это не от усталости, а от эмоции и удовольствия итти с вами“.

Он улыбнулся и протянул мне руку.

С полдороги начала меня смущать мысль, что я ему надоел и употребляю во зло его доброту. Я стал искать предлога с ним раскланяться. Дойдя до Камероновой колоннады, я остановился и на прощанье спросил у него:

„Не желает ли он получать из Лицейской библиотеки книги, журналы, газеты и какие именно?“

---

[1] Фон-Пешель Франц Осипович (1784 — 1842), лицейский врач с основания Лицея до смерти, пользовавшийся неизменно доверием и любовью лицеистов.

„Из книг — я вам напишу какие, а из журналов — нельзя ли вам присылать мне „Телеграф“ и „Телескоп“? Да главного не забудьте: заходить ко мне“.

Мы расстались — и я, разумеется, был в восторге.

П. Миллер[1]. *Встреча и знакомство с Пушкиным в Царском Селе. (Из воспоминаний лицеиста за 1831 г.).* РА 1902, III, стр. 232—234.

...Александр Сергеевич схватил отца моего за руку и громко вскрикнул: — „Граф, видели вы, что девочка сделала?“ — „Какая девочка?“ — „Я не видал!“ ответил папенька. „Да вот эта в панталончиках и в пастушеской шляпе: это — какой-то силач!“ — „Эта? Это моя дочь Маша!“ — „Что она сделала?“ — „Да вот такие два чугунных стула подхватила, как два перышка, и отнесла их на террасу. Папенька позвал меня и представил Пушкину; я ему сделала книксен“... — „Очень приятно познакомиться, барышня, — крепко пожимая мне руку, смеясь сказал Александр Сергеевич: — а который вам год?“— „Тринадцать“, — ответила я, — „Удивительно!“ И они оба с папенькой начали взвешивать на руке тяжелые чугунные стулья, потом заставили меня еще раз поднять их.— „Удивительно! — повторил Пушкин. — Такая сила мужчине в пору. Поздравляю вас, граф, что у вас растет Илья-Муромец“.

М. Ф. Каменская[2]. *Воспоминания.* ИВ 1894, № 7, стр. 40.

---

[1] Миллер Павел Иванович, лицеист VI курса, однокашник Я. К. Грота, выпущен в 1832 г. с чином IX класса. Впоследствии действительный статский советник: служил в почтовом Департаменте.

[2] Каменская Мария Федоровна, р. гр. Толстая (1817—1898), дочь известного медальера и вице-президента Академии Художеств гр. Ф. П. Толстого и жена писателя П. П. Каменского.

Октябрь.

Вскоре по выходе „Повестей Белкина“ [1] я на минуту зашел к Александру Сергеевичу, они лежали у него на столе. Я и не знал, что они вышли, а еще менее подозревал, что автор их — он сам.

„Какие это повести? И кто этот Белкин?“ спросил я, заглядывая в книгу.

„Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно“.

Далее я не хотел расспрашивать.

П. Миллер. Встреча и знакомство с Пушкиным в Царском Селе. РА 1902, III, стр. 235.

Конец года.

*В исходе 1831 года Пушкин, готовясь издавать журнал, посетил Николая Ивановича Греча [2], предлагая ему быть сотрудником. Греч отвечал, что принял бы предложение с величайшим удовольствием, но не знает, как освободиться от своего польского (крепкое словцо) [3]. Сознаваясь, что это невозможно, Пушкин со смехом прибавил: „Да нельзя ли как-нибудь убить его?“

П. П. Каратыгин. „Северная Пчела“ РА 1882, II, стр. 274.

Пушкин говаривал: „Если встречу Булгарина где-нибудь в переулке, раскланяюсь и даже иной раз поговорю с ним; на большой улице — у меня не хватает храбрости“.

А. О. Россет по записи *П. Б[артенева].* РА 1882, II, стр. 274.

---

[1] „Повести Белкина“ вышли в свет в октябре 1831 г. под заглавием „Повести покойного Ивана Петровича Белкина“, изданные А. П.

[2] Греч Николай Иванович (1787—1867), известный журналист и писатель, друг Ф. В. Булгарина, литературный противник Пушкина.

[3] Имеется в виду Ф. В. Булгарин.

После 1831 г.

*Он не раз... скорбел о легкомыслии, которому поддался, сочинив свою „Гавриилиаду“ [1]... „Не знаю, что бы я дал, чтобы и помин об ней уничтожить!“ всегда говорил он.

А. П. Арапова[2]. „Новое Время“ 1908, № 11425, стр. 6.

*Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик чтит...

сказал так: „Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела“.

Н. В. Гоголь. О том, что такое слово. — Ср. *бар. Е. Ф. Розен. Ссылка на мертвых.* „Сын Отечества“ 1847, июнь, отд. III, стр. 21—22.

*Как умно определял Пушкин значение полномощного монарха! И как он, вообще, был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! „Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти. Государство без полномощного монарха —

---

1 О „Гавриилиаде“ см. выше, стр. 116.

2 Арапова Александра Петровна, рожд. Ланская, дочь Н. Н. Пушкиной от второго брака.

автомат: много, много, если оно достигнет того, до чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? — Мертвечина. Человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномощного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А, кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой, да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного сословия"[1].

Н. В. Гоголь. О лиризме наших поэтов.

1832 г.

До приезда Пушкина в Оренбург[2] я виделся с ним всего только раза два или три; это было именно в 1832 г., когда я по окончании турецкого и польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои. Пушкин по обыкновению своему засыпал меня множе-

[1] П. А. Ефремов справедливо замечал, что едва ли Гоголь буквально передал слова Пушкина, ибо не может представить, „чтобы Пушкин мог называть закон деревом (в смысле деревяшки) или выражаться о Соединенных Штатах, что они „мертвечина, человек в них выветрился до того, что выеденного яйца не стоит" (это слог Гоголя!)". Ефремов, VIII, стр. 354—355.

[2] Пушкин ездил в Оренбург в сентябре 1833 г. для собирания материала по истории Пугачевского бунта. Подробно см. ниже.

ством отрывочных замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится, только что с языка не срывается.

„Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке, а как это сделать... Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!“

В. И. Даль[1]. *Воспоминания.*
РВ 1890, № 11, стр. 6.

Помню я, как однажды Пушкин шел по Невскому проспекту с Соболевским. Я шел с ними, восхищаясь обоими. Вдруг за Полицейским мостом заколыхался над коляской высокий султан. Ехал государь... [Соболевский] тогда только-что вернулся из-за границы и носил бородку и усы цветом ярко-рыжие. Заметив государя, он юркнул в какой-то магазин, точно в землю провалился... Пушкин рассмеялся своим звонким, детским смехом и покачал гововою: „Что, брат, бородка-то французская, а душенка-то все та же русская?“

Гр. В. А. Соллогуб. Пережитые дни. „Русский Мир“ 1874, № 117.

---

[1] Даль Владимир Иванович (1801 — 1872), автор знаменитого „Толкового словаря“. Будучи по профессии врачом, он принимал участие в турецкой и польской кампаниях в качестве ординатора при подвижном Госпитале главной квартиры. С 1832 г. посвятил себя, главным образом, литературной деятельности (псевдоним „Казак Владимир Луганский“). Тогда же, через Жуковского, старого своего знакомца, Даль познакомился с Пушкиным и рядом других выдающихся писателей.

19 февраля.

Смирдинский праздник удался вполне: все были дружно-веселы. Пушкин был необыкновенно оживлен и щедро сыпал остротами, из которых одну, в особенности, я удержал в памяти. Семенов [1] за обедом сидел между Гречем и Булгариным, а Пушкин vis-à-vis с ним; к концу обеда Пушкин, обратясь к Семенову, сказал довольно громко: „Ты, Семенов, сегодня точно Христос на Голгофе“... Греч зааплодировал, а все мы расхохотались...

Н. Н. Терпигорев [2]. *Рассказы о Пушкине.* РС 1870, I (3-е изд.), стр. 581.

Начало года.

И. И. Дмитриев, в одно из своих посещений английского клуба на Тверской, заметил, что ничего не может быть страннее самого названия: Московский английский клуб. Случившийся тут Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия еще более странные:

„Какие же?“ спросил Дмитриев.

„А императорское человеколюбивое общество“, отвечал поэт.

Н. М. Языков. Письмо 1832 г. ИВ 1883, № 12, стр. 536.

---

[1] Семенов Василий Николаевич (1801—1863), лицеист II курса, писатель, цензор.

[2] Терпигорев Николай Николаевич, служил в 1830-х гг. в Департаменте народного просвещения.

Первая половина года.

...Греч, в своих остротах, менее всех щадил Булгарина, а раз как-то при мне у того же Семенова Пушкин сказал Гречу: „Удивляюсь, Николай Иванович, вашей дружбе с Булгариным?..“ — „Тут нет ничего удивительного, — отвечал Греч, — я дружен с ним, как мачеха с пасынком“.

Н. Н. Терпигорев. Рассказы о Пушкине. РС 1870, I (3-е изд.), стр. 581.

Конец августа 1832 г.

...Встречается со мною на улице Пушкин и объявляет, что вступает на поприще журналистики. Я его поздравляю и желаю терпения. Пушкин: „Ах, если бы издавать с вами, то было бы славно“. Я: „А почему нет. Я не прочь — вы знаете“.

Н. И. Греч Ф. В. Булгарину. ПС, V, стр. 55.

Август — сентябрь.

Опыт предшествовавших занятий Пушкина по изданию „Московского Вестника“ и „Литературной Газеты“ заставил друзей убедиться в несвойственности природы Пушкина к трудам постоянным и к занятиям, неизбежным при издании журнала или газеты. Пушкин искал себе товарища и обратился ко мне, по поводу чего в том же 1832 г. я имел несколько совещательных свиданий с Пушкиным. Вот, между прочим, в чем состоял наш разговор.

Пушкин. — Вы признаете, что теперь становится у нас потребностию и публике и словесности издание газеты, в которой бы все благонамеренные отзывы находили место, в которой бы беспристрастно оценивались и свои, и иностранные произведения, ну, словом, газеты, которая бы уважала свое собственное достоинство. Такая газета будет иметь огромное влияние на установление правильных понятий в словесности. Конечно, для разнообразия и удовлетворения нынешних требований читателей нужно, чтобы и политический отдел нашей газеты был довольно полон и отчетлив... Итак, кончим. Это дело у нас с вами пойдет ладно. Перцов[1] говорил, что вы находите нужным иметь для газеты собственную типографию? Но на это нужны большие деньги.

Я. — Для издания ежедневной газеты собственная типография необходима. Перцов показывал мне смету нужных для того расходов. Сумма не велика. Если нужно, я готов ссудить конторе газеты до 2.000 р. Она в год или полтора, конечно, легко может выплатить эту ссуду. Но дело не в том...

Пушкин. — Знаю. Перцов сказывал мне, что вы останавливаетесь войти в дело, потому что опасаетесь меня...

Я. — Не вас...

Пушкин. — Ну, моего характера. Вы полагаете меня неуживчивым, думаете, что я поведу со всеми моими врагами страшную войну.

Я. — В деле важном должно говорить откровенно. Вы даете мне пример, и я им пользуюсь. Да, я опасаюсь

---

[1] Перцов Эраст Петрович (1804 — 1873), писатель, знакомый Пушкина.

не вас, не вашего характера, не даже ваших врагов, но ваших друзей. Не знаю, есть ли у вас враги личные, непричастные словесности. Но в словесности, — назовите, — кто не отдает вам полной справедливости, даже первенства? Согласитесь, что этим немногие пользовались при жизни. Конечно, некоторые из многочисленных ваших друзей имеют недругов в словесности, они заведут бесконечные распри. Все это несовместно с назначением столь положительной газеты и ни к чему доброму не поведет.

Пушкин. — Они для меня угомонятся. Мы будем их унимать; а когда не уймутся, то скажу, что по уговору с вами от меня вовсе не зависит помещение статей в газете... Я полагаю, мы разделим так наши занятия: я возьму на себя все, что относится до словесности, а вы — отдел политики и главное по всему заведывание... Разве вы на это не согласны?

Я. — Говоря откровенно, — нет. Для того, чтобы отдел словесности шел безостановочно, необходимы срочные, постоянные ежедневные занятия. Это для вас будет обременительно, затруднит ход газеты, возьмет все ваше время, и русская словесность потеряет от того...

Пушкин. — Как вы меня отделали. Да как же вы полагаете это устроить?

Я. — Я составлю программу газеты и все сметы. Вы пригласите с своей стороны, а я с своей сотрудников; по получении вами от правительства окончательного разрешения на издание газеты, мы с вами составим акт о правах каждого из нас по этому нашему предприятию; необходимый капитал вношу я заимообразно. Для того же, чтобы не остановить предварительных по сему действий, вы теперь же выдадите мне

законную доверенность. Когда же получится окончательное разрешение правительства, я возьму все труды на себя. Вы не будете иметь по газете постоянных занятий, и за все, что ни пришлете в газету, будет и от русской словесности, и от газеты большое спасибо.

Пушкин. — Да, это очень любезно. Но мне совестно обременять вас одного. По крайней мере, я должен взять на себя разбор вновь выходящих книг по предметам, мне знакомым.

Я. — Если вздумается вам разобрать какую книгу, тем лучше. Но возлагать на себя обязанность: разбирать и разбирать поспешно и срочно выходящие книги, даже по некоторым частям словесности, будет для вас весьма затруднительно и представляет то же неудобство.

Пушкин. — Вы решительно меня бракуете.

Я. — Я решительно берегу вас для России и берусь работать и за вас и за себя.

Вслед за тем были сделаны некоторые предварительные распоряжения. Требуемый в подобных случаях правительством примерный нумер газеты, под заглавием „Дневник. Политическая и литературная газета", был набран в типографии и представлен по принадлежности.

Когда составлен был помянутый примерный нумер „Дневника" и слухи распространились по городу об издании его в большом размере, Пушкин сказал мне, что он узнал, что Н. И. Греч готовится встретить новую газету сильными нападками.

При первом после того свидании моем с Пушкиным, я имел с ним следующий разговор:

Я. — Вы видите, что я был прав, опасаясь только ваших друзей. Тот же день, — продолжал я, — заехал я к Н. И. Гречу и показал ему примерный нумер нашей газеты. Он, конечно, знал уже подробности об ее изда-

нии, но все остальное, вам сказанное, совершенно несправедливо.

Пушкин. — Могу уверить вас, что в подобном случае нельзя было показать бóльшего добродушия, как показал Н. И. Греч.

Я. — Он искренно желает вам лично всякого успеха, как знаменитому нашему писателю.

Пушкин. — Н. И. Греч даже дал мне хорошие советы насчет выбора лучших словолитен и наставление к лучшему устройству собственной типографии нашей газеты.

Н. И. Тарасенко-Отрешков[1]. Публ. Ф. А. Бычкова. ИВ 1886, № 2, стр. 388 — 390.

27 сентября.

Москва.

... Давыдов[2] сказал, что ему подано весьма замечательное исследование и указал на Бодянского, который, увлеченный Каченовским[3], доказывал тогда подложность Слова [о полку Игореве]. Услыхавши об этом, Пушкин[4] с живостью обратился к Бодянскому[5] и спросил:

---

[1] Тарасенко-Отрешков Наркиз Иванович (1805—1873), писатель-экономист, впоследствии камер-юнкер, был членом Опеки над детьми и имуществом Пушкина. Издание газеты под заглавием „Дневник" не осуществилось.

[2] Давыдов Иван Иванович (1794—1863), академик, с 1831 г. профессор по кафедре русской словесности.

[3] О Каченовском см. выше стр. 86.

[4] По приглашению министра народного просвещения С. С. Уварова Пушкин посетил Московский университет.

[5] Бодянский Осип Максимович (1803—1877), впоследствии известный славист, тогда студент Московского университета.

„А скажите, пожалуйста, что́ значит слово **харалужный**?" — Не могу объяснить. — Тот же ответ на вопрос о слове „стрикусы". Когда Пушкин спросил еще о слове **кмет**, Бодянский сказал, что, вероятно, слово это малороссийское от **кметыти** и может значить **примета**. „То-то же, — говорил Пушкин, — никто не может многих слов объяснить, и не скоро еще объяснят" [1].

О. М. Бодянский по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 49—50 [2].

1833 г.

*... Я пришел к Александру Сергеевичу за рукописью и принес деньги-с; он поставил мне условием, чтобы я всегда платил золотом, потому что их супруга кроме золота не желала брать других денег в руки. Вот-с Александр Сергеевич мне и говорит, когда я вошел в кабинет: „Рукопись у меня взяла жена, идите к ней, она хочет сама вас видеть", и повел меня; постучались в дверь, она ответила: „Входите". Александр Сергеевич отворил двери, а сам ушел...

„Входите, я тороплюсь одеваться, — сказала она. — Я вас для того призвала к себе, чтобы вам объявить, что вы не получите от меня рукописи, пока не принесете мне сто золотых вместо пятидесяти. Мой муж дешево

---

[1] В бумагах Пушкина оказалась записка о „Слове" А. Х. Востокова, где, между прочим, названы как раз слова „харалуг" и „стрикус", заинтересовавшие Пушкина. Имеются и отрывки статьи его о „Слове", относящиеся, вероятно, к 1834 г.

[2] Эпизод этот рассказчиком ошибочно отнесен к 1833 г.

продал вам свои стихи. В 6 часов принесете деньги, тогда и получите рукопись... Прощайте...“

Я поклонился, пошел в кабинет Александра Сергеевича...

Они сказали мне:

„Что? С женщиной труднее поладить, чем с самим автором? Нечего делать, надо вам ублажить мою жену; ей понадобилось заказать новое бальное платье, где хочешь подай денег... Я с вами потом сочтусь“.

А. Ф. Смирдин по записи *А. Я. Панаевой*. А. Я. Панаева, Воспоминания, Лгр. 1927, стр. 300 — 301[1].

Князь Козловский[2] просил Пушкина перевесть одну из сатир Ювенала, которую Козловский почти с начала до конца знал наизусть. Он преследовал Пушкина этим желанием и предложением. Тот, наконец, согласился и стал приготовляться к труду. Однажды приходит он ко мне и говорит: „А знаешь ли, как приготовляюсь я к переводу, заказанному мне Козловским? Сейчас перечитал я переводы Дмитриева Латинского поэта и Английского Попе́[3]. Удивляюсь и любуюсь силе и стройности шестистопного стиха его“.

Кн. П. А. Вяземский, I, стр. 161.

---

[1] По предположению Н. О. Лернера, речь идет о стихотворении „Гусар“. — Ср. ИВ 1883, XIV, стр. 537.

[2] Князь Козловский Петр Борисович (1773—1840), бывший посланник в Турине, потом в Штутгарте, большой любитель и знаток римской древности и страстный поклонник знаменитого римского поэта I века Децим Юния Ювенала, сатиру которого „Желание“ он просил перевести Пушкина. См. стихотворение Пушкина „Ценитель умственных творений исполинских“, обращенное к Козловскому.

[3] Поп Александр (1688—1744), известный английский поэт.

Графиня Нессельроде[1]... раз без ведома Пушкина взяла жену его и повезла на небольшой Аничковский вечер[2]... Пушкин ужасно был взбешен этим, наговорил грубостей графине и, между прочим, сказал: „Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где я сам не бываю“[3].

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 42.

Я помню, как однажды Пушкин говорил мне, что он терпеть не может — когда просят у него: не на водку, а на чай. При чем не мог скрыть своего легкого неудовольствия, когда я сказал, что распространяющийся в низших сословиях народа обычай пить чай благодетелен для нравственности, и что этому нельзя не радоваться.— „Но пить чай, — возразил Пушкин с живостью, — не русский обычай“.

Н. И. Тарасенко-Отрешков. Воспоминания. РС 1908, № 2, стр. 433.

Начало года.

* ... Входит Пушкин.

[Нащокин]. — „Рассуди нас, Александр Сергеевич, я к тебе с жалобой на сего юношу: во-1-х, он вчера

---

[1] Нессельроде графиня Мария Дмитриевна, р. Гурьева (1786—1849), жена министра иностранных дел, страстная антагонистка Пушкина, которую последний, в свою очередь, не упускал случая клеймить эпиграммами и анекдотами.

[2] Аничковский вечер, т.-е. бал в Аничковом дворце, куда приглашались только избранные лица, особенно близкие царской семье.

[3] П. В. Нащокин добавлял: „Слова эти были переданы, и Пушкина сделали камер-юнкером“; (о камер-юнкерстве Пушкина ниже).

в первый раз сбрил усы, во-2-х, влюбился в Елену Яковлевну Сосницкую[1], а в-3-х, сочинил хорошие стихи и не соглашается прочесть тебе".

„Усы — его собственность; любовь к Елене — грех общий: я сам в молодости, когда она была именно Прекрасной Еленой, попался было в сеть, но взялся за ум и отделался стихами, а юноше скажу: берегись! а что касается до стихов, то в сем грехопадении он обязан покаяться передо мной".

Говоря это весело, в pendant тону Нащокина, Александр Сергеевич взял меня под руку, ввел во вторую комнату, посадил на диван, сам сел с правой стороны, поджав по-турецки ноги, и сказал: „Кайся, юный грешник!..". По прочтении письма к Ленскому, Александр Сергеевич сказал свое всегдашнее словцо: „Ну, вот и прекрасно, и очень хорошо". Из второго письма к сестре, после описания сна, где я видел, между прочим:

Друзей, начальников, врагов...

указательный перст поэта быстро длинным ногтем чертил по запятой, как бы выскабливая ее: „Запятую прочь! маленькое тире, знак соединительный: начальники враги — слова однозначущие!.." По окончании чтения благодушный судья сказал: „Вот мой приговор: можете напечатать эти стихи с подписью: Александр Пушкин... я протестовать не буду". Я, конечно, понимаю теперь, что все это было снисхождением великой души...

Н. И. Куликов. Пушкин и Нащокин. РС 1881, № 8, стр. 609 — 610.

---

[1] Сосницкая Елена Яковлевна, р. Воробьева, жена известного актера, красивая и талантливая актриса, дебютировавшая в 1814 г. (ум. в 1854 г.).

* Вот некоторые из возражений Александра Сергеевича: „А! вы все судите по прежнему времени, когда я с вами, гуляя по Питеру, растряхивал карманы, наполненные золотом? Да, правда, теперь у меня полон сундук новых сочинений... это наследство детям... Не печатаю затем, что теперь на мой товар запросу нет! Фадеюшка[1] охаял, а Смирдин спустил цену, вот я и припрятал товар. Ведь мы — купцы, а ныне творчество — коммерчество".

Н. И. Куликов. Пушкин и Нащокин. РС 1881, № 8, стр. 611.

Январь.

Когда появились его [Языкова] стихи[2] отдельною книгою, Пушкин сказал с досадою: „Зачем он назвал их: „Стихотворения Языкова"! Их бы следовало назвать просто: „Хмель"! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил".

Н. В. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии.

7 января.

* Пушкину в особенности нравится моя пьеса: „Зеркало старушки". Он меня встретил восторженным восклицанием: „Ваша Серафима — прелесть!".

Бар. Е. Ф. Розен С. П. Шевыреву. РА 1878, II, стр. 48.

---

[1] Ф. В. Булгарин.

[2] Стихотворения Н. Языкова. СПб. В типографии вдовы Плюшар с сыном. Цензурное разрешение от 3 января 1833 г. за подписью цензора В. Семенова.

29 июня.

* На другой день, 29 июня, рано утром, пешком с Черной речки, первым явился А. С. Пушкин. Поздоровавшись с дорогим гостем, Павел Войнович представил ему и нас артистов; а, относясь ко мне, прибавил: „А сей юноша замечателен еще тем, что, читая все журналы, романы и следя за литературой, никак не мог дочитать Ивана Выжигина“ [1]. Александр Сергеевич, пожав мне еще раз руку, сказал: „Лучше сей рекомендации и не надо“.

Н. И. Куликов. Пушкин и Нащокин. РС 1881, № 8, стр. 604.

* [У П. В. Нащокина, в именины Петра и Павла]. Пушкин лег грудью на подоконник; взглянул направо, сразу заметил крикуна и, повернув голову к нам, стоявшим у окна, сказал: „Тот рыжий должно быть именинник!“ Повернув голову направо, закричал: „Петр!“—Что, барин?—„С ангелом“. — Спасибо, господин! — „Павел!“ (В такой куче и Павел найдется). — Павел ушел. — „Куда? Зачем?“ — В кабак... Все вышло! Да постой, барин, скажи: почем ты меня знаешь? — „Я и старушку матушку твою знаю“.— Ой? — „А батька-то помер?“ (очень вероятно, у такого лысого). — Давно, царство ему небесное! Братцы, выпьемте за покойного родителя!

В это время входит на двор мужик со штофом водки; Пушкин, увидав его раньше, закричал: „Павел! с ангелом! Да неси скорее!“ Павел, влезая на камни, не сводит глаз с человека, назвавшего его по имени. Другие, ему

---

[1] „Иван Выжигин“—роман Ф. В. Булгарина.

объясняя, пьют, а рыжий не отстает от словоохотливого барина: „Так, стало, и деревню нашу знаешь?“ — Еще бы не знать! Ведь она близ реки? (Какая же деревня без реки?) — „Так, у самой речки“. — А ваша-то изба, почитай, крайняя? — „Третья от края. А чудной ты барин! Уж поясни, сделай милость, не святым же духом всю подноготную знаешь?“ — Очень просто: мы с вашим барином на лодке уток стреляли, вдруг гроза, дождь, мы и зашли в избу к твоей старухе... — „Так... Теперь смекаю...“ — А вот мать жаловалась на тебя: мало денег высылаешь. — „Грешен, грешен! Да вот все на проклятое-то выходит“, сказал он...

Н. И. Куликов. Пушкин и Нащокин. РС 1881, № 8, стр. 604—605.

Начало июля.

Крестовский остров.

* „Я не могу более работать“, отвечал он [Пушкин] на вопрос, не увидим ли мы вскоре какое-нибудь новое его произведение.

„Здесь бы я хотел построить себе хижину и сделаться отшельником“, прибавил он с улыбкою.

„Если бы в Неве были прекрасные русалки“, отвечал мой спутник, намекая на прекрасное юношеское стихотворение Пушкина „Русалка“ и приводя из него слова, которыми она манит отшельника...

„Как это глупо! — проворчал поэт: — никого не любить, кроме самого себя“.

„Вы имеете достойную любви, прекрасную жену“, сказал ему мой товарищ.

Насмешливое, протяжное „да“ было ответом.

Потом он стал говорить о красивой лошади, купленной моим другом, и прибавил:

„Завтра после обеда я заеду к вам — мне надобно посмотреть вашего коня“.

Я сказал пару слов, выражая мое восхищение прекрасной, теплою, северною ночью.

„Она очень приятна после сегодняшней страшной жары“, небрежно и прозаически отвечал поэт.

Я начинал разочаровываться в том, кем, прежде чем я узнал его лично, я так восхищался в пламенных его стихах; все более и более исчезало в моих глазах сияние, которое дотоле окружало для меня голову Пушкина.

Товарищ мой, сам смешавшийся, старался навести поэта на более серьезный разговор; но он постоянно от того отказывался.

„Там вечерняя заря — малое пространство ночи, а там уже заря утренняя, — сказал задумчиво друг мой, указывая на горизонт, склонявшийся к близкому морю. — Смерть, мрак гроба и пробуждение к прекраснейшему дню“.

Пушкин улыбнулся.

„Оставьте это, мой милый! — сказал он. — Когда мне было 22 года, знал и я такие возвышенные мгновения; но в них ничего нет действительного. Утренняя заря! Пробуждение! Мечты, только одни мечты!“

Признаюсь, эти слова, как ножом, пронзили мне душу... Пушкин, сказав нам короткое: „Bon soir, messieurs!“ исчез в зеленой темноте леса.

[Фр. Титц] Встреча немца с Пушкиным. Бартенев, II, стр. 144—145. — Ср. РС 1880, № 5, стр. 83—84.

Июль.

...Мы с братом ходили каждый день купаться в большую купальню, устроенную на Неве против Летнего сада; один раз... я не заметил, как ко мне подплыл какой-то кудрявый человек и звонким, приветливым голосом сказал: „Позвольте мне вам показать, как надо плавать, — вы не так размахиваете руками, надо по-лягушечьему", и тут кудрявый человек стал нам показывать настоящую манеру; но вдруг, от нас отплыв, сказал вошедшему в купальню господину: „А, здравствуй, Вяземский"... После этой встречи я не видел Пушкина до петергофского праздника. Государь с царской фамилией и придворными ехал в линейке и, увидав шедшего близ дороги Пушкина, закричал ему: „Bonjour, Pouchkine!" — „Bonjour, Sire!" почтительно, но непринужденно отвечал ему Пушкин.

С. М. С[ухотин]н. Из воспоминаний молодости. РА 1864, стр. 981—982.

26 августа [1].

Москва.

Обещая Киреевскому [2] собранные им песни, Пушкин прибавил: „Там есть одна моя, угадайте!" Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо ничего поддельного не нашел в песнях этих.

Бартенев, стр. 53.

---

[1] Дата установлена М. А. Цявловским (Бартенев, стр. 127—128).

[2] Киреевский Петр Васильевич (1808 — 1856), писатель, брат И. В. Киреевского (1806—1856). Песни, собранные им, были изданы после его смерти Обществом любителей российской словесности в 1860—1870 гг. в 10 выпусках.

П. В. Киреевский при начале издания своего собрания народных песен [1] в 1848 году заявлял, что Пушкин доставил ему замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии, а, показывая свое собрание Ф. И. Буслаеву [2], сказал: „Вот эту пачку дал мне сам Пушкин" и прибавил: „Когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам", и сколько ни старался я разгадать эту загадку, никак не могу сладить".

Ф. И. Буслаев. Мои воспоминания, М. 1897, стр. 239.

2 сентября.

...В книжной лавке встретил я Н. Раевского.

„Sacré chien, — сказал он мне с нежностью: — pourquoi n'êtes vous pas venu me voir?"

„Animal, — отвечал я ему с чувством: — qu'avez-vous fait de mon manuscript petit-russien?" [Каналья (букв.: проклятая собака, непереводимое выражение). Почему вы не пришли меня повидать? — Животное, что вы сделали с моей малорусской рукописью?]

После сего поехали мы вместе, как ни в чем не бывало, он — держа меня за ворот всенародно, чтобы я не выскочил из коляски.

Пушкин Н. Н. Пушкиной.

---

[1] Пушкин с Соболевским еще много прежде того задумали издать собрание русских песен, но, отвлеченный другими работами, Пушкин уступил эту мысль П. В. Киреевскому, пообещав написать предисловие.

[2] Буслаев Федор Иванович (1818 — 1897), академик, профессор Московского университета, выдающийся филолог.

Сентябрь.

* Пушкин, отправляясь в Болдино (в моем, Лукояновском уезде) живал в Нижнем, но это было еще до моего рождения. Дядя П. П. Григорьев любил передавать мне разговор Пушкина с тогдашней губернаторшей Бутурлиной[1]...

Не могу подтвердить точно пересказа одной из шуточных тирад Пушкина; но разговор его с губернаторшей в редакции дяди остался у меня в памяти очень отчетливо.

Это было в холерный год.

„Что же вы делали в деревне, А. С.? — спрашивала Бутурлина. — Скучали?"

„Некогда было, Анна Петровна. Я даже говорил проповеди".

„Проповеди?"

„Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их. — И холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если вы будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!"

П. Д. Боборыкин. За полвека.
„Русская Мысль" 1906, № 2, стр. 24.

7 сентября.

Казань.

В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою

---

[1] Бутурлина Анна Петровна, р. княжна Шаховская (1793—1861) жена Михаила Петровича Бутурлина (1786—1860), Нижегородского губернатора с 1831 по 1843 год. Самый эпизод, рассказанный П. П. Григорьевым относится к 1830 году. Ср. в письме Пушкина к П. А. Плетневу от 29 сентября 1830 г.

руку с следующими ласковыми словами: „Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Боратынский еще более“...

Пушкин благодарил моего мужа: „Как вы добры, Карл Федорович, — сказал он, — как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников!.. Для чего вы это делаете. Вы теряете вашу приветливость понапрасну. Вам из нас никто этим не заплатит; мы так не поступаем; мы в Петербурге живем только для себя“.

После чтения, он начал меня расспрашивать о нашем семействе, о том, где я училась, кто были мои учители; рассказывал мне о Петербурге, о тамошней рассеянной жизни и несколько раз звал меня туда приехать: „Приезжайте, пожалуйста, приезжайте, я познакомлю с вами жену мою; поверьте, мы будем уметь отвечать вам за казанскую приветливость не петербургскою благодарностью“.

Потом разговоры наши были гораздо откровеннее... и, наконец, прибавил: „Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами“...

Пушкин, говоря о русских поэтах, очень хвалил родного моего дядю Гаврилу Петровича Каменева...[1]: „Этот человек достоин был уважения; он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти: этот человек много бы сделал, ежели бы не умер так рано“...

---

[1] Каменев Гавриил Петрович (1772—1803), поэт, печатавшийся в „Музе“, „Ипокрене“, „Новостях Литературы“ и др. Его баллада „Громвал“, написанная необычными тогда анапестами и дактилями, впервые внесла в русскую литературу струю романтизма.

Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма.

„Испытайте,—говорил он мне,—когда вы будете в большом обществе, выберите из них одного человека, вовсе вам незнакомого, который сидел бы к вам даже спиною, устремите на него все ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомец обратил на вас внимание, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомец, как бы невольно оборотится и будет на вас смотреть“.

„Это не может быть, — сказала я: — как иногда я желала, чтобы на меня смотрели, желала и сердцем и душою, но кто не хотел смотреть, не взглянул ни разу“.

Мой ответ рассмешил его.

„Неужели это с вами случалось? О, нет, я этому не поверю; прошу вас, пожалуйста, верьте магнетизму и бойтесь его волшебной силы; вы еще не знаете, какие он чудеса делает над женщинами?“

„Не верю и не желаю знать“, отвечала я.

„Но я вас уверяю по чести, — продолжал он, — что женщина, любившая самою страстною любовью, при такой же взаимной любви остается добродетельною; но были случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, как бы невольно со страхом исполняет все желания мужчины, даже до самоотвержения. Вот это-то и есть сила магнетизма“.

„Вам, может быть, покажется удивительным, — начал опять Пушкин, — что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз пошел я с Н. В. В[севоложским] [1] ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадаль-

---

[1] Всеволожский Никита Всеволодович (1799—1862), член Общества „Зеленой Лампы“, близкий друг Пушкина.

щице. Мы просили ее нам погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. „Вы, — сказала она мне, — на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом в скором времени получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью... [пропуск в оригинале]". Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании, и о гадальщице. Но, спустя недели две после этого предсказания и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня, что цесаревич этого желает. Вот первый раз после гадания, когда я вспомнил о гадальщице. Через несколько дней после встречи с знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами и мог ли я ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в карты, и я его обыграл. Он, получа после умершего отца наследство, прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл о нем. Теперь надобно сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен".

Пересматривая книги, он раскрыл сочинение одного казанского профессора; увидав в них прозу и стихи, он опять закрыл книгу и как бы с досадою сказал: „О, эта проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернилы"... Он просидел у нас до часу и простился с нами, как со старыми знакомыми... сказавши при прощании: „Я никак не думал, чтобы минутное знакомство

было причиною такого грустного прощания; но мы в Петербурге увидимся".

А. А. Фукс[1]. *А. С. Пушкин в Казани.* Прибавление к газ. „Казанские Губернские Ведомости" 1844, № 2[2].

8 сентября.

Лаишев.

Приезжий торопливо выпрыгнул из тарантаса, вбежал на небольшое крыльцо [станции] и закричал:

„Лошадей!.."

Заглянув в три комнатки и не найдя в них никого, нетерпеливо произнес:

„Где смотритель? Господин смотритель!.."

Выглянула заспанная фигурка лысого старичка в ситцевой рубашке, с пестрыми подтяжками на брюках...

„Чего изволите беспокоиться? Лошадей нет, и вам придется обождать часов пять..."

„Как нет лошадей? Давайте лошадей! Я не могу ждать. Мне время дорого!"

Старичок... хладнокровно прошамкал:

„Я вам доложил, что лошадей нет! ну и нет. Пожалуйте вашу подорожную".

---

[1] Фукс Александра Андреевна (1805—1853), р. Апехтина, поэтесса и писательница; приятельница Е. А. Боратынского. Пушкин, вопреки лестным отзывам о ней, в переписке отзывался о ней весьма саркастически. Муж ее, Карл Федорович Фукс (1776—1846), врач, занимавшийся также археологией, этнографией, нумизматикой, — профессор естественной истории в Казанском университете.

[2] 18 августа 1833 г. Пушкин выехал из Петербурга в Оренбург, для собирания сведений о Пугачевском восстании. В Казань он приехал 5 сентября.

Приезжий серьезно рассердился. Он нервно шарил в своих карманах, вынимал из них бумаги и обратно клал их. Наконец, он подал что-то старичку и спросил:

„Вы же кто будете? Где смотритель?“

Старичок, развертывая медленно бумагу, сказал:

„Я сам и есть смотритель... По ка-зен-ной на-доб-но-сти“, прочитал протяжно он.

Далее почему-то внимание его обратилось на фамилию проезжавшего.

„Гм!.. Господин Пушкин!.. А позвольте вас спросить, вам не родственник будет именитый наш помещик, живущий за Камой, в Спасском уезде, его превосходительство господин Мусин-Пушкин?“

Приезжий, просматривая рассеянно почтовые правила, висевшие на стене, быстро повернулся на каблуке к смотрителю и внушительно продекламировал:

Я Пушкин, но не Мусин!
В стихах весьма искусен,
И крайне невоздержан,
Когда в пути задержан!

„Давайте лошадей! Или посылайте за почтмейстером!“

Старичок трусливо отступил к столу и, уже не заглядывая в подорожную проезжающего, он открыл окно и кому-то крикнул:

„Данило! Данило! Беги к почтмейстеру и городничему! Приезжий барин шумят! А кто они? Бог весть!“

„Как? Я-то бог весть кто? — раздался сзади смотрителя раздраженный голос. — Слушайте!“

И испуганному старичку, прижатому к своему столику, приезжий громко читал о том, что он едет по особому высочайшему повелению в Оренбургский край для розыска материалов по Пугачевскому бунту и что все генерал-губернаторы и местные власти обязаны оказывать ему

на месте остановок всякую помощь, содействие и беззамедлительное следование в дороге.

П. П. Суворов. Пушкин в Лаишеве. „Московские Ведомости“ 1901, № 323, стр. 3.

18 сентября[1].

Оренбург.

„Генерал Пушкин изволил приехать“, прокричал вошедший со двора мальчик...

Дверь отворилась, и на пороге показался довольно полный господин в дорожной шубе и укутанный шарфом.

Тотчас подбежали его раздевать. Все, видимо, обрадовались, всякий видел в нем как бы своего душевного, родного друга.

Какой-то вихрь, а не мальчишка, прокричал мне: „Дома барин“.

„Дома, дома, — подхватил хозяин, — и просит дорогого гостя в кабинет. Здравствуй, здравствуй!“

„Здравствуй, трегубый“ (у хозяина с детства верхняя губа делилась надвое).

„Только дайте ему, — проговорил „генерал“, указывая на своего человека, — прежде распеленать своего младенца. А то мои бакенбарды останутся в шарфе“.

При входе в зало опять посыпались приветы. Гость спросил умыться, но хозяин тотчас же предложил Александру Сергеевичу в баню, а потом чай.

„Согласен, если только недалеко баня; мне надоела езда“, отвечал, потирая руки, гость.

---

[1] Пушкин приехал в Оренбург 18 сентября и остановился у Оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского.

„Так, значит, идем; двадцать шагов по коридору — и мы будем в теплушке...“

„Да как брат, К. Д.[1], у тебя славно здесь; даже андреем (ambrée) пахнет, — заметил А. С. с улыбкою, почесываясь и поглядывая рассеянно по сторонам: — очень порядочно, здесь скорее гостиная, нежели баня...“

Он стоял перед трюмо, правою рукою расправляя кудрявые волосы, а левой прикрываясь, так как был уже совершенно раздет. На это А[ртюхов] заметил, смеясь:

„А видел ли ты, А. С., свое сходство с Венерою Медицейской?“

Последний взглянул в зеркало, как бы для проверки сходства, и отвечал:

„Да, правда твоя. Только ты должен вообразить ее степенство, когда она была во второй половине своего интересного положения“.

Н. П. Иванов[2]. *Хивинская экспедиция*, СПб. 1873, стр. 21—22.

В Оренбурге Пушкину захотелось сходить в баню. Я свел его в прекрасную баню к инженер-капитану Артюхову, добрейшему, умному, веселому и чрезвычайно забавному собеседнику. В предбаннике были картины охоты, любимой забавы хозяина. Пушкин тешился этими картинами, когда веселый хозяин, круглолицый, голубоглазый, в золотых кудрях, вошел, упрашивая Пушкина ради первого знакомства, откушать пива или меду. Пушкин старался быть крайне любезным со своим хозяином и, глядя

---

[1] Артюхов Константин Демьянович (ум. 1840), инженер-полковник, в 1832—1837 гг. был директором Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге.

[2] Иванов Н. П., кадет Неплюевского кадетского корпуса. О рассказе его см. ПС, в. XXIII-XXIV, стр. 68—69.

на расписной передбанник, завел речь об охоте. „Вы охотитесь, стреляете?“ — „Как же-с, понемножку занимаемся и этим; не одному долгоносому довелось успокоиться в нашей сумке“. — „Что же вы стреляете — уток?“ — „Уто-ок-с?“ бросил тот, вытянувшись и бросив какой-то сострадальческий взгляд. — „Что же? Разве вы уток не стреляете?“ — „Помилуйте-с, кто будет стрелять эту падаль! Это какая-то гадкая старуха, валяется в грязи, — ударишь ее по загривку, она свалится боком, как топор с палки, бьется, валяется в грязи, кувыркается... Тьфу!“ — „Так что же вы стреляете?“ — „Нет-с, не уток. Вот как выйдешь в чистую рощицу, как запустишь своего Фингала, — а он нюх-нюх направо, нюх налево, — и стойку: вытянулся, как на пружине — одеревенел, сударь, одеревенел, окаменел! Пиль, Фингал! Как свечка загорелся, столбом взвился...“ — „Кто, кто?“ перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. — „Кто-с? Разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут царап его по сарафану... А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте), — а он только раскинет крылья, головку на бок — замрет на воздухе, умирая, как Брут!“

Пушкин расхохотался...

В. И. Даль. Записки. Публ. Н. О. Лернера, РС 1907, № 10, стр. 65—66.

В Оренбурге был инженерный майор... необыкновенный балагур, самый веселый рассказчик и охотник...

„Вы стреляете уток?“ спросил его Пушкин.

„Как уток! — воскликнул с притворным гневом майор, — чтобы я стал охотиться за такой дрянью! Утку убьешь, она так и шлепнется прямо в грязь. Нет, мы ходим за востроносыми; того подстрелишь, он распластает крылья, и умирает на воздухе, как Брут“.

В. И. Даль по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 22.

...Едучи в Берды, Пушкин говорил ему [В. И. Далю][1], что у него на уме большой роман, но он не соберется сладить с ним. „Погодите, — прибавил он, — я еще много сделаю; я теперь перебесился“[2].

В. И. Даль по записи *П. И. Бартенева*. Бартенев, стр. 21—22.

19 сентября.

...Он [Пушкин] усердно убеждал меня написать роман и повторял:

„Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман. Но нет, не могу: у меня их начато три, — начну прекрасно, а там недостает терпения, не слажу“.

Пушкин потом воспламенился в полном смысле слова, коснувшись Петра Великого, и говорил, что непременно, кроме дееписания о нем, создаст и художественное в память его произведение:

„Я еще не мог доселе постичь и обнять умом этого исполина: он слишком огромен для нас, близоруких, и мы стоим еще к нему близко, — надо отодвинуться на два века, — но я постигаю его чувством; чем более я его изучаю, тем более изумление и подобострастие лишают меня средств мыслить и судить свободно. Не надобно торопиться; надобно освоиться с предметом и постоянно им заниматься; время это исправит. Но я сделаю из этого золота что-нибудь. О, вы увидите: я еще много сделаю! Ведь даром, что товарищи мои все поседели да опле-

---

[1] В. И. Даль рассказывал, что на следующий день после приезда Пушкина, он перевез его от В. А. Перовского и ездил с ним в Бердинскую станицу, связанную с именем Пугачева.

[2] Ср. ниже, стр. 262.

шивели, а я только что перебесился; вы не знали меня в молодости, каков я был; я не так жил, как жить должно; бурный небосклон позади меня, как оглянусь я...".

Последние слова свежо отдаются в памяти моей, почти в моих ушах, хотя этому прошло уже семь лет.

В. И. Даль. Воспоминания. РВ 1890, № 10, стр. 7—8. — Ср. Майков, стр. 418—419.

[Пушкин говорил о Петре:] „Я стою вплоть перед изваянием исполинским, которого не могу обнять глазом — могу ли я списывать его? Что я вижу? Оно только застит мне исполинским ростом своим, и я вижу ясно только две-три пядени, которые у меня под глазами".

В. И. Даль. Записки. Публ. Н. О. Лернера. РС 1907, № 10, стр. 66.

* Приходилось Пушкину вступать в такой разговор: „А ну-ка, дедушка, расскажи нам, сделай одолжение, про Пугача".

„Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка Петр Федорыч".

Н. Г. Иванов. Пушкин на Бердах. РА 1900, I, стр. 152.

Конец сентября.

Ст. Шатки, между Арзамасом и Лукояновым, по пути из Оренбурга.

Когда он [И. Савостьянов] вошел в станционную избу на станции Шатки, то тотчас обратил внимание на ходившего там из угла в угол господина (это был Пушкин); ходил он задумчиво, наконец, позвал хозяйку и спросил у нее

чего-нибудь пообедать, вероятно, ожидая найти порядочные кушанья по примеру некоторых станционных домов на больших трактах. Хозяйка, простая крестьянская баба, с хладнокровием отвечала ему: „У нас ничего не готовили сегодня, барин". Пушкин все-таки, имея лучшее мнение о станционном дворе, спросил подать хоть щей да каши. „Батюшка, и этого нет, ныне постный день, я ничего не стряпала, кроме холодной похлебки".

Пушкин, раздосадованный вторичным отказом бабы, остановился у окна и ворчал сам с собою: „Вот я всегда бываю так наказан, чорт возьми! Сколько раз я давал себе слово запасаться в дорогу какой-нибудь провизией, и вечно забывал и часто голодал, как собака".

И. Савостьянов по записи *К. И. Савостьянова.* Публ. А. А. Достоевского, ПС, XXXVII, стр. 150.

Ноябрь.

У кн. В. Ф. Одоевского[1].

Пушкин только и говорил, что про Гофмана[2]... Гофмана я знал наизусть... Наш разговор был оживлен и продолжался долго; я был в ударе и чувствовал, что говорил, как книга. „Одоевский пишет тоже фантастические пиесы", сказал Пушкин с неподражаемым сарказмом в тоне. Я возразил совершенно невинно: „Sa pensée malheureusement n'a pas de sexe" [К несчастью, мысль

---

[1] Одоевский князь Владимир Федорович (1803—1869), известный писатель и общественный деятель, собиравший вокруг себя деятелей искусств; был в близких отношениях с Пушкиным.

[2] Гофман Эрнест Теодор Амадей (1774—1822), знаменитый немецкий писатель-фантаст. Пушкин одно время очень им увлекался и отзвуком этого увлечения является одна из глав „Пиковой Дамы", написанной осенью 1833 года.

его не имеет пола], и Пушкин неожиданно показал мне весь ряд своих прекрасных зубов...

[*В. В. Ленц*][1]. *Приключения лифляндца.* РА 1878, I, стр. 442.

...Одоевскому очень хотелось узнать, прочитал ли Пушкин [его] книгу[2] и какого он об ней мнения. Но Пушкин отделался общими местами: „Читал... ничего... хорошо...“ и т. п. Видя, что от него ничего не добьешься, Одоевский прибавил только, что писать фантастические сказки чрезвычайно трудно. Затем он поклонился и прошел, тут Пушкин... сказал: „Да если оно так трудно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастические сказки только тогда и хороши, когда писать их не трудно“.

Гр. В. А. Соллогуб. Пережитые дни. „Русский Мир“ 1874, № 117.

29 ноября.

Вчера бал у Бутурлина (Жомини)[3] — любопытный разговор с Блайем[4]: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштадтом. Игрушка!

— Долго ли вам распространяться (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бут[урлиным]). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг сивилизации... etc.

Пушкин. Дневник. Запись от 30 ноября 1833 г.

---

1 Ленц Василий Васильевич (1809—1883), музыкальный критик, впоследствии цензор Петербургского цензурного комитета.

2 „Пестрые сказки...“ изданы в Петербурге в 1833 году.

3 Бутурлин Дмитрий Петрович (1790 — 1849), известный и авторитетный в свое время писатель в области истории.

4 Блай (Bligh), английский поверенный в делах в Петербурге.

Конец года.

В театре.

...Мы повстречали некоего Х., тогдашнего модного писателя. Он был человек чрезвычайно надутый и заносчивый... Он отнесся ко мне довольно благосклонно и пригласил меня в тот же вечер к себе... Действие кончилось, занавес опустился; Пушкин опять обернулся к нам.

„Александр Сергеевич, сегодня середа, я еще, вероятно, буду иметь счастливый случай с вами повстречаться у Х.", говорил я почтительно, но вместе с тем стараясь придать своему голосу равнодушный вид, „что вот, дескать, к каким тузам мы ездим".

Пушкин посмотрел на меня с той особенной, ему одному свойственной, улыбкой, в которой как-то странно сочеталась самая язвительная насмешка с безмерным добродушием.

„Нет, — отрывисто сказал он мне: — с тех пор, как я женат, я в такие дома не езжу!"

Гр. В. А. Соллогуб[1]. *Воспоминания,* СПб. 1887, стр. 117.

Конец 1833 г. — начало 1834 г.

Будучи в Петербурге, я посетил одного литератора и застал у него Пушкина. Поэт читал ему свою балладу „Будрыс и его сыновья" [2]. Хозяин чрезвычайно хвалил

---

[1] Соллогуб граф Владимир Александрович (1814—1882), известный писатель, автор „Тарантаса"; в 1836 году был вызван на дуэль Пушкиным, окончившуюся, однако, их примирением. После первого вызова Дантесу Пушкин пригласил его быть своим секундантом.

[2] „Будрыс и его сыновья (Из Мицкевича)", написано в Болдине, помета 28 октября 1833 г. Впервые напечатано в „Библиотеке для Чтения" 1834 г., т. II, отд. I, под заглавием „Будрыс и его сыновья. Литовская баллада". В оглавлении прибавлено: „Из М — а".

этот прекрасный перевод. „Я принимаю похвалу вашу,— сказал Пушкин, — за простой комплимент. Я недоволен этими стихами. Тут есть многие недостатки“. — Например? — „Например, полячка младая“. — Так что ж? — „Это небрежность, надобно было сказать молодая, но я поленился переделать три стиха для одного слова“. Но хозяин утверждал, что это прекрасно. Пушкин никак с ним не соглашался и ушел, уверяя, что все подобные отступления от настоящего русского языка „лежат у него на совести“.

О. И. Сенковский[1]. *Собрание сочинений*, СПб. 1859, т. VIII, стр. 233.

После 1833 г.

Пушкин ввел в обычай, обращаясь с царственными лицами, употреблять просто одно слово: государь. Когда наследник [2] заметил ему, что он не государь, Пушкин отвечал: „Вы г[осударь] наследник, а отец ваш г[осударь] император“.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. Бартенев, стр. 32.

В 1833 или 1834 году после обеда у моего отца много ораторствовал старый приятель Пушкина, генерал Раевский, сколько помнится Николай, человек вовсе отцу моему не близкий и редкий гость в Петербурге. Пушкин

---

[1] Сенковский Осип Иванович (1800—1858), известный также под псевдонимом „Барон Брамбеус“, писатель и критик, издатель самого распространенного и самого беспринципного в свое время журнала „Библиотека для Чтения“.

[2] Цесаревич Александр Николаевич, впоследствии император Александр II (1818—1881).

с заметным нетерпением возражал Раевскому; выведенный как будто из терпения, чтобы положить конец разговору, Пушкин сказал Раевскому:

„На что Вяземский снисходительный человек, а и он говорит, что ты невыносимо тяжел“.

Кн. П. П. Вяземский. Сочинения, стр. 543, и РА 1884, кн. II, стр. 426.

Ср. *П. Бартенев. Пушкин*, т. II, М. 1885, стр. 58.

Вот его подлинные слова: „Il n'y a qu'une seule bonne société, — c'est la bonne“ [Только одно общество и хорошо — хорошее общество].

Гр. В. А. Соллогуб. Пережитые дни. „Русский Мир“ 1874, № 117.— Ср. РС 1880, № 6, стр. 324.

Москва.

В первое свое посещение Пушкин довольно долго просидел у нас и почти все время говорил со мной одной. Когда он уходил, мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

„Ну, что, позволяешь на ней жениться?“

„Не позволяю, а приказываю!“ ответил Пушкин.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Нов. Времени“ 1898, № 8115, стр. 6.

1834 г., 1 января.

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение

отличить меня, а не сделать смешным — а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Пушкин. Дневник. Запись от 1 января 1834 г. [1].

1 — 3 января.

... Пушкин тотчас после этого [т.-е. пожалования в камер-юнкеры. *Ред.*] заперся у себя дома и ни за что не хотел ехать во дворец. „Я всячески, — говорил [Н. М.] Смирнов, — доказывал ему всю неприличность его поведения“.

„Не упрашивайте, — отвечал Пушкин, — у меня и такого мундира нет“.

Я. П. Полонский (со слов *Н. М. Смирнова*). *Кое-что об А. С. Пушкине.* „Космополис“ 1898, № 9, стр. 200.

После 3 января.

Многие его обвиняли в том, будто он домогался камер-юнкерства [2]. Говоря об этом, он сказал Нащокину,

---

[1] 31 декабря 1833 г. Николай I подписал указ придворной конторе о пожаловании титулярного советника Пушкина в камер-юнкеры. Для Пушкина это было тяжелым ударом по самолюбию, ибо по летам он не подходил уже к этому званию, полученному рядом его младших товарищей (кн. В. Ф. Одоевским, Н. М. Смирновым, Д. Н. Гончаровым и др.) много ранее.

[2] Н. М. Смирнов вспоминал по этому поводу: „Говорили о перемене чувств Пушкина, будто он сделался искателен, малодушен, и он, дороживший своею славою, боялся, чтоб сие мнение не было принято публикою и не лишило его народности“ (РА 1882, I, стр. 239).

что мог ли он добиваться, когда три года до этого сам Бенкендорф предлагал ему камергера, желая его ближе иметь к себе, но он отказался, заметив: „Вы хотите, чтоб меня так же упрекали, как Вольтера [1]!“ — „Мне не камер-юнкерство дорого, — говорил он Нащокину, — дорого то, что на всех балах один царь да я ходим в сапогах, тогда как старики вельможи в лентах и в мундирах“...

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, 43.

6 января.

Великий кн[язь] [2] намедни поздравил меня в театре, „Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили“.

Пушкин. Дневник. Запись от 7 января 1834 г.

---

[1] Вольтер Франсуа Мари (1694 — 1778), величайший французский писатель. Он прожил несколько лет в Берлине, при дворе своего горячего почитателя, короля Фридриха II, пожаловавшего его в камергеры. В своей статье „Вольтер“, написанной, правда, позднее, в 1836 г., Пушкин, явно сопоставляя оба эпизода, писал: „К чести Фредерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление“.

[2] Великий князь Михаил Павлович (1798 — 1849), генерал-фельдцейхмейстер, младший сын Павла I.

Март.

Один из участников горестного события 11 марта 1801 года [т.-е. убийства императора Павла I], Яков Федорович Скарятин [1], имел вход ко двору и даже на вечера в Аничков дворец. Однажды, в один из этих вечеров, разговаривал он с В. А. Жуковским. Подошедший Пушкин услышал, как Жуковский расспрашивал Скарятина о кончине императора Павла. Входят в залу Николай Павлович и Бенкендорф. „Ну, что́, — сказал Пушкин Жуковскому, — если бы государь узнал, что наставник его сына так любознателен?“ [2]

Из записной книжки „Русского Архива“. РА 1912, I, стр. 313.

Начало марта.

С.-Петербург.

Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: На-днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном

---

[1] Скарятин Яков Федорович (ум. 1850), штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка, участвовал в убийстве Павла I; по свидетельству Н. А. Саблукова именно он задушил императора шарфом, висевшим над кроватью („Цареубийство 11 марта 1801 года“, СПб. 1907, стр. 88). Это обстоятельство не помешало Скарятину, в царствование Александра I, быть полковником л.-гв. Измайловского полка. В 1807 г. он вышел в отставку и уже больше не служил.

[2] Пушкин, в своем Дневнике, 8 марта 1834 г., записал: „Жук[овский] поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11 марта. Они сели. В эту минуту входит гос[ударь] с гр. Бенкенд[орфом] и застает наставника своего сына [Жуковский был наставником цесаревича Александра Николаевича. *Ред.*], дружелюбно беседующего с убийцею своего отца!“

беспокойстве. „Что такое?“ — Имение описывают. — „Надо скорее заплатить долг“. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — „О чем же горе?“ — Жить нечем до октября — „Поезжайте в деревню“. — Не с чем. — Что делать? Надобно взять имение в руки, и отцу назначить содержание.

Пушкин П. В. Нащокину.

После марта.

Москва [у Нащокиных].

В числе гостей Пушкин заметил одного светлоглазого, белокурого офицера, который так пристально и внимательно осматривал поэта, что тот, вспомнив пророчество, поспешил удалиться от него из зала в другую комнату, опасаясь, как бы тот не вздумал его убить [1]. Офицер проследовал за ним, и так и проходили они из комнаты в комнату в продолжение бо́льшей части вечера. „Мне и совестно и неловко было, — говорил поэт, — и, однако, я должен сознаться, что порядочно-таки струхнул“.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8115, стр. 8.

2 апреля.

В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского... Сперанский у себя очень любезен. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противополож-

[1] Намек на известное предсказание, сделанное Пушкину гадалкой, что он умрет от белого человека, либо от белой лошади (см. выше).

ных этого царствования, как Гении Зла и Блага. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени [1].

Пушкин. Дневник.

После апреля.

Читая Шекспира, он пленился его драмой: „Мера за меру"... Вместо перевода, подобно своему Фаусту, он передал Шекспирово создание в своем Анджело [2]. Он именно говорил Нащокину: „Наши критики не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал".

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева*. Бартенев, стр. 47.

Июнь.

У Пушкиных она [Н. И. Гончарова] никогда не жила. В последнее время она поселилась у себя в Ярополче и стала очень несносна: просто-на-просто пила. По ле-

[1] Сперанский граф Михаил Михайлович (1772—1839), знаменитый государственный деятель эпох Александра I и Николая I. С именем его связаны либеральные начинания Александра, на смену которым, во вторую половину царствования, пришла полоса жестокой реакции, тайной пружиной и вдохновителем которой почитался граф Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834), бывший правою рукой Александра I.

[2] „Анджело" поэма Пушкина, напечатана впервые в сборнике „Новоселье", ч. II, 1835 (вышел в свет в апреле 1834 г.). Критика отнеслась к новому произведению Пушкина весьма скептически; критик из „Молвы" писал: „По моему искреннему убеждению „Анджело" есть самое плохое произведение Пушкина" („Молва" 1834, № 24).

чебнику пила. „Зачем ты берешь этих барышень?“ [1] спросил у Пушкина Соболевский. — „Она целый день пьет и со всеми лакеями [......] [2]“.

П. И. Бартенев со слов *неизвестного [С. А. Соболевского?]*. Бартенев, стр. 64.

16 декабря.

Утром того же дня встретил я в Дв[орцовом] саду в[еликого] кн[язя]: „Что ты один здесь философствуешь?“ — Гуляю. — „Пойдем вместе“. Разговорились о о плешивых: „Вы не в родню — в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают“. — Государь Ал[ександр] и К[онстантин] П[авлович] оттого рано оплешивили, что при отце моем носили пудру и зачесывали волоса; на морозе сало леденело—и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров?—„Есть, да не хороши, не смею представить их в[ашему] в[ысочеств]у“.—У меня их также нет; я замерз.—Доведши в[еликого] кн[язя] до места, я ему откланялся (вероятно, противу Етикета).

Пушкин. Дневник. Запись от 18 декабря.

---

[1] С 1834 г. старшие сестры Н. Н. Пушкиной, Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы, жили у Пушкиных. Этот же разговор о сестрах Н. Н. Пушкиной, несколько мягче П. И. Бартенев передает в РА (1908, II, стр. 428): „Соболевский уговаривал Пушкина не приглашать их; но в Яропольце оставаться им было невозможно с матерью, которую окружали богомолки и над которою властвовал кучер“.

[2] После слова „лакеями“ стоит слово в шесть букв. Прим. М. А. Цявловского.

19 декабря.

В середу был я у Хитр[овой]—имел долгий разговор с в[еликим] кн[язем].—Началось журналами: Вообрази, какую глупость напечатали в „Сев[ерной] Пч[еле]". Дело идет о пребывании г[осуда]ря в Москве. Пч[ела] говорит: „Г[осударь] и[мператор], обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца низко (низко!) поклонился народу". Этого не довольно: журналист дурак продолжает: „Как восхитительно было видеть вел[икого] г[осуда]ря, преклоняющего священную главу перед гражданами Московскими.—Не забудь, что это читают лавочники. В[еликий] к[нязь] прав, а журналист конечно глуп. Потом разговорились о дворянстве. В[еликий] к[нязь] был противу постановления о почетном гражданстве [1]; зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état [третье сословие], сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется

[1] В 1832 г. учреждено было звание потомственного почетного гражданина, дабы открыть образованным людям выход в почетное сословие.

много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes, que l'Empereur, et Vous... etc." [Мы, являющиеся столь же благородными дворянами, как и император, и вы и т. д.]. В[еликий] кн[язь] был очень любезен и откровенен. Vous etes bien de votre famille, — сказал я ему: — tous les Romanof sont revolutionaires et niveleurs" [Вы истинный член вашей семьи, все Романовы — революционеры и сторонники уравнения]. — Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы. Благодарю, voila une réputation que me manquait [Вот репутация, которой мне не доставало].

Пушкин. Дневник [1].

После 1834 г.

К нам часто заходил некто З[агряжский] из бедных дворян. Жалкий был человек и нужда сделала из него шута. Пушкин любил его кривлянья и песни. Время было такое. Особенно много поэт смеялся, когда тот пел:

Двое саней с подрезами,
Третьи писанные,
Подъезжали ко цареву кабаку... и т. д.

„Как это выразительно, — замечал Пушкин. — Я так себе и представляю картину, как эти сани в морозный вечер, скрипя подрезами по крепкому снегу, подъезжают „ко цареву кабаку".

В. А. Нащокина. Воспоминания. Иллюстр. прил. к „Новому Времени" 1898, № 8122, стр. 7. — Ср. Бартенев, стр. 46.

---

[1] Михаил Павлович имел в виду статью неизвестного московского корреспондента о приезде императора Николая в Москву и выходе его к народу 8 сентября. В своем лакейски восторженном тоне автор действительно перешел все границы. См.: „Северная Пчела" № 206, от 13 сентября 1834 г., стр. 821; приведена в „Дневнике Пушкина" под ред. Б. Л. Модзалевского, Гив, 1923, стр. 225.

1834—1836 гг.

На придворных балах Пушкину бывало просто скучно. Покойная Л. Д. Шевич [1] передавала нам, как, стоя возле нее, полузевая и потягиваясь, он сказал два стиха из старинной песни:

Неволя, неволя, боярской двор.
Стоя наешься, сидя наспишься.

[П. И. Бартенев]. РА 1889, III, стр. 124, прим.

Однажды Павел Войнович сильно проигрался в карты и ужасно беспокоился, что остался без гроша. Поэт в это время был у нас, утешал мужа, просил не беспокоиться, а в конце концов замолчал и уехал куда-то. Через несколько минут он возвратился и подал Павлу Войновичу сверток с деньгами.

„На вот тебе,—сказал Пушкин,—успокойся. Неужели ты думал, что я оставлю тебя так?!“

В. А. Нащокина. Воспоминания. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8115, стр. 6.

1835 г., январь.

По выходе в свет его „Истории Пугачевского бунта“ появилась пошлая на нее критика в „Сыне Отечества“ [2].

[1] Шевич Лидия Дмитриевна, р. гр. Блудова (1815–1882).

[2] Статья в январской книжке журнала „Сын Отечества“ за 1835 г., написанная военным писателем В. Б. Броневским (1784—1835). На критику его Пушкин отозвался уничтожающей статьей, в которой, в свою очередь, замечал: „В начале своей статьи критик, изъявляя сожаление о том, что „История Пугаческого бунта“ написана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистью Байрона...“ и т. д. Замечание это, повидимому, сильно возмутило Пушкина, ибо тогда же в письме к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 г. он снова возвращался к нему. „Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то,

Только что прочитав эту критику, я пошел на Невский проспект, встретил Пушкина и шутя приветствовал его следующей оттуда фразой: „Александр Сергеевич! Зачем не описали вы нам пером Байрона всех ужасов пугачевщины?“ Пушкин рассмеялся и сказал: „Каких им нужно еще ужасов? У меня целый том наполнен списками дворян, которых Пугачев перевешал. Кажется, этого достаточно!“

Н. В. Путята [1]. *Из записной книжки.* РА 1899, II, стр. 351.

Февраль.

На-днях в театре Г. Фикельмонт [2], говоря, что „Bertrand и Raton“ [3] не были играны на СПб. театре по представлению Блума [4], датского посланника (и нашего стариннего шпиона), присовокупил: Je ne sais, pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Dane-

---

что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону“.

[1] Путята Николай Васильевич (1802—1877), служивший в статс-секретариате великого княжества Финляндского; близкий друг Е. А. Боратынского, вращался в литературных кружках Жуковского, Плетнева, Вяземского и др., где сблизился и с Пушкиным.

[2] Фикельмонт граф Карл-Людвиг (1777 — 1857), австрийский посланник в Петербурге, женатый на гр. Д. Ф. Тизенгаузен, дочери известной приятельницы Пушкина Е. М. Хитрово, в салоне которой Пушкин и Фикельмонт имели случай ближе сойтись.

[3] „Bertrand et Raton, ou l'Art de conspirer“, комедия в 5 действиях Скриба, в основу которой автором положена история датского первого министра Иоганна Фридриха Струэнзе, казненного в 1772 г. датским королем Христианом VII.

[4] Граф Оттон Блум, вернее Блом (de Blome) (1777—1849), чрезвычайный посланник и полномочный министр Дании при русском дворе.

marck. Я прибавил: Pas plus qu'en Europe [Я не знаю почему; в комедии совершенно не затрагивается вопрос о Дании.—Не более, чем в Европе].

Пушкин. Дневник.

8—9 мая.

Тригорское.

*...Я сама от него слышала, кажется, в 1835 году (да, так точно, приехал он сюда дня на два всего—пробыл 8 и 9 мая), приехал такой скучный, утомленный. „Господи, — говорит, — как у вас тут хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!“

М. И. О[сипова] по записи *М. С[емевского]*. „СПб. Ведомости“ 1866, № 139, стр. 2.

Октябрь.

Когда в разговоре о стихотворении На выздоровление Лукулла [1] Бенкендорф хотел от него добиться, на кого оно написано, то он отвечал: „На вас“ и, видя недоумение усмехнувшегося графа, прибавил: „Вы не верите? отчего же другой уверен, что это на него?“

Грот, стр. 290.—Ср. PC 1881, № 8, стр. 616—617.

---

[1] „На выздоровление Лукулла“ впервые напечатано в журнале „Московский Наблюдатель“ 1835 г., сентябрь, кн. 2, с полной подписью. Оно направлено против министра народного просвещения С. С. Уварова (1786—1855), бывшего „арзамасца“, который, ставши министром, отличился крайней безпринципностью, усилил цензурный гнет и пр. Стихотворение это наделало много шума. Оскорбленный Уваров с той поры стал заклятым врагом Пушкина.

Конец октября—начало ноября.

M-me Vrevsky est sans cesse entourée de ses enfants, qui ne font que crier et brailler du matin au soir, [Г-жа Вревская постоянно окружена детьми, которые кричат и шалят с утра до вечера] и он [Пушкин] говорит: „Поверить не можешь, что за скучный дом".

О. С. Павлищева Н. И. Павлищеву (24 октября 1835 г.). ПС, XVII—XVIII, стр. 184.

Ноябрь.

...Alexandre... me dit: „Il y a neuf cents roubles pour Vous, mais on ne Vous donnera rien, car mon père, malgré que je le lui prouvais, s'obstine à soutenir que c'est pour Léon. А муж твой виноват: если бы он написал прежде Пеньковскому, деньги были бы у него" [Александр мне сказал: „Есть девятьсот рублей для Вас, но они не будут Вам выданы, потому что мой отец, несмотря на мои доказательства, упорно уверяет, что это для Льва"].

О. С. Павлищева Н. И. Павлищеву (22 ноября 1835 г.). ПС, XVII — XVIII, стр. 190.

Ноябрь—декабрь.

...Тогда только что вышли повести Павлова [1]; я их прочла с большим удовольствием, особенно „Ятаган".

[1] Павлов Николай Филиппович (1805—1865), муж поэтессы К. К. Павловой (р. Яниш), талантливый беллетрист. В 1835 г. он выпустил отдельною книгою „Три повести" („Именины", „Аукцион", „Ятаган"), встреченные чрезвычайно сочувственно критикою и вызвавшие настолько большое неудовольствие в официальных кругах, что переиздание их было запрещено. — См. статью Пушкина („О повестях Павлова"), написанную в том же году.

Брат Алексей Николаевич [Вульф] сказал, что он в них не находит ровно никакого интересного достоинства. Пушкин сказал:

„Entendons nous. Я начал их читать и до тех пор не оставил, пока не кончил. Они читаются с большим удовольствием“.

А. П. Керн П. В. Анненкову. ПС, V, стр. 155.

Декабрь.

[Коссаковская] [1] lui dit d'un ton railleur: „Savez-vous, monsieur, que votre Godounoff peut paraître intéressant en Russie?“ — „Madame, tant comme vous pouvez passer pour une jolie femme dans la maison de madame votre mère“. [Коссаковская как-то говорила: „Знаете ли, что Ваш Годунов может показаться интересным в России?“ — „Сударыня, так же, как вы можете сойти за хорошенькую женщину в доме вашей матушки“]. С тех пор она равнодушно на него смотреть не могла.

О. С. Павлищева Н. И. Павлищеву (20 декабря 1835 г.). ПС, XVII—XVIII, стр. 203.

Строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе крестьянина:

К тому ж подушные, барщина, оброк!

---

[1] Коссаковская графиня Александра Ивановна, р. гр. Лаваль (1811—1886), сестра кн. Е. И. Трубецкой, жены декабриста.

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. — Английский крестьянин.

Я. — Как! свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?

Он. — Что такое свобода?

Я. — Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. — Следовательно, свободы нет нигде; ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. — Так; но разница: покоряться законам, предписанным нами самими, или повиноваться чужой воле.

Он. — Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? Разве власть не в руках малого числа? Разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?

Я. — В чем вы полагаете народное благополучие?

Он. — В умеренности и соразмерности податей.

Я. — Как?

Он. — Вообще повинности в России не очень тягостны для народа; подушные платятся миром, оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол крестьянину доставать оный, как и где хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2.000 верст, вырабатывать себе деньгу. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простора действовать.

Я. — Но злоупотребления частные...

Он. — Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников — волосы встанут

дыбом; вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! В России нет ничего подобного.

Я. — Вы не читали наших уголовных дел.

Он. — Уголовные дела везде ужасны. Я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях: нет в мире несчастнее английского работника. Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять-десять народу, но лишающей их последнего средства к пропитанию...

Я. — Живали вы в наших деревнях?

Он. — Я видал их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. — Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. — Его опрятность и свобода.

Я. — Как это?

Он. — Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего: путешественники ездят из края в край России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия: никогда я не встречал между ними того, что соседи называют un badaud, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны.

Я. — Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он. — Взгляните на него: что́ может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии?

Я. — Не удалось.

Он. — То-то! Вы не видали оттенков подлости, отличающие у нас один класс от другого; вы не видали раболепства masters нижней палаты перед верхней, джентльмена перед аристократиею, купечества перед джентльменством, бедного перед богатым, повиновения пред властию. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведение наше с Индией, а отношения наши со всеми другими народами!

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я продолжал следовать за его мыслями, и мы приехали в Клин.

Пушкин. Разговор с англичанином о русских крестьянах. Мысли на дороге, прибавление I.

*Государь сказал Пушкину: „Мне бы хотелось, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра Великого в Саардаме“. — В таком случае, — подхватил Пушкин, — попрошусь у вашего величества туда в дворники.

А. О. Смирнова. Из записной книжки. РА 1890, II, стр. 283.

...„Мертвые души“ — так это прямо идея Пушкина, возникшая в его уме еще в то время, когда он жил в Новороссии. И если он не претендовал на то, что Гоголь ее похитил у него, то лишь потому, как говорил

он сам мне потом, что „я, может быть, и не осуществил бы ее, потому что у меня много было другого дела, также важного по существу своему и требующего немедленного осуществления“.

В. И. Любич-Романович [1]. *Гоголь в Нежинском Лицее (из воспоминаний).* ИВ 1902, № 2, стр. 553.

1835—1836 гг.

Он [Пушкин] как-то встретил на улице императора Николая Павловича. „Ну, что же ты испытал?“ — спрашивает его приятель. — Подлость во всех жилках, — отвечал Пушкин.

Л. Н. Толстой по записи *неизвестного* [2]. Публ. Д. В. Философова. „Русская Мысль“ 1910, № 12, стр. 118.

Здесь кстати вспомнить то, что Пушкин давно уже сказал о них [хулителях „Ревизора“ Гоголя]: „Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать? — То-то и беда, что нашему брату негде“.

Кн. П. А. Вяземский, II, стр. 314.

Кажется, за год до кончины своей он говорил одному из друзей своих: „Меня упрекают в изменчивости мнений. Может быть: ведь одни глупцы не переменяются“.

Анненков, I, стр. 159.

---

[1] Любич-Романович Василий Игнатьевич (1805—1888), литератор, переводчик, школьный товарищ Гоголя и Кукольника.

[2] По предположению М. А. Цявловского, Л. Н. Толстой мог это слышать или от С. Т. Аксакова, или от А. О. Смирновой. Ср. стр. 168.

1835—1837 гг.

Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпадали с днем вознесения. Незадолго до своей смерти он задумчиво рассказывал об этом одному из своих друзей и... упоминая о таинственной связи всей своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: „Ты понимаешь, что все это произошло недаром, и не может быть делом одного случая“.

Анненков, I, стр. 315.

Около 1836 г.

Пушкин... не одобрял стиля гоголевского.

„В этом есть что-то недосказанное, — говорил он. — ибо растянутость речи уменьшает впечатлительность читателя, дает ему случай скоро забывать только что прочитанное... Совсем другое — сжатость письма, это — сама сила, дающая себя чувствовать каждому, когда она его поглощает... Как выражение ума, речь должна быть конкретна... Абстрактность же Гоголя нам этого не дает. Живые типы, им выведенные, далеко ненатуральны; напротив, они сказочны... Делать повесть из быта данной среды нельзя в образе кузнеца Вакулы с чортом под небесами... Это нечто в духе бабушкиных сказок, рассказанных на печи, под влиянием кирпичного жара, пылко действующего на живое сновидение человека...“

В. И. Любич-Романович. Гоголь в Нежинском Лицее (из воспоминаний). ИВ 1902, № 2, стр. 553.

*На одном из вечеров, когда общество разъезжалось, и я также хотел итти, меня остановил Пушкин:

„Останьтесь еще: нам о д н а дорога! За мною приедет экипаж: я вас отвезу!“

Б а р. Е. Ф. Р о з е н. Ссылка на мертвых. „Сын Отечества“ 1847, июнь, отд. III, стр. 25.

Мне рассказывал... в 1838 году Гончаров, брат Пушкиной, сцену, бывшую у Пушкина с графом Литтою [1], обер-церемониймейстером. Литта однажды вздумал сделать Пушкину замечание насчет несоблюдения им формы и сказал:

„Il y a des règles pour tout, mon cher ami“ [Есть правила на все, любезный друг].

Пушкин вспыхнул и отвечал ему:

„Pardon, monsieur le comte, je pensais toujours qu'il n'y avait de règles que pour les mesdemoiselles d'honneur!“ [Извините, граф, я полагал всегда, что регулы (règles) существуют только у фрейлин].

Вот как он исполнял свою должность.

„Р у с с к и е д о с т о п а м я т н ы е л ю д и“. Рукопись из собрания С. Д. Полторацкого. РС 1892, № 7, стр. 31.

Неожиданное, небывалое, фантастически-уродливое, физически-отвратительное, не в натуре, а в рассказе, всего скорее возбуждало в нем [т.-е. в Пушкине] этот смех; и когда Гоголь или кто-либо другой не удовлетворял его потребности в этом отношении, так он и сам, при удивительной и, можно сказать, ненарушимой строй-

---

[1] Граф Литта Юлий Помпеевич (1763—1839), член Государственного совета, старший обер-камергер высочайшего двора. Пушкин, как камер-юнкер, был подчинен ему при дворе.

ности своей умственной организации, принимался слагать в уме странные стихи — умышленную, но гениальную бессмыслицу. Сколько мне известно, он подобных стихов никогда не доверял бумаге. Но, чтобы самому их не сочинять, он всегда желал иметь около себя человека милого, умного, с решительною наклонностью к фантастическому: „Скажешь ему: пожалуйста, соври что-нибудь! И он тотчас соврет, чего никак не придумаешь, не вообразишь!"

Бар. Е. Ф. Розен. Ссылка на мертвых. „Сын Отечества" 1847, июнь, отд. III, стр. 27.

...Когда я начал читать Пушкину первые главы из „Мертвых душ" в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачнее, сумрачнее, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия!"

Н. В. Гоголь. Четыре письма по поводу „Мертвых душ".

А. С. Пушкин узнал от меня о существовании романа [1] и приехал к нам просить эту книгу... По про-

---

[1] Миклашевич Варвара Семеновна (1786—1846), писательница и переводчица. Исторический роман ее „Село Михайловское или помещик XVIII ст." печатался отрывками в журнале „Сын Отечества" в 1831 г. Полностью, вследствие цензурных препятствий, был напечатан только в 1864—1865 гг. (4 ч.), с предисловием Н. И. Греча. Пушкин, в 1836 г., писал в 3-й кн. „Современника": „Недавно одна рукопись, под заглавием: Село Михайловское, ходила по рукам и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления".

чтении первой части он сказал мне, что почти не выпускал книгу из рук, пока не прочел. „Как все это увлекательно, — говорил он, но как до сих пор décousu! [несвязно]. Как-то она сведет концы?“ Но когда он прочитал всю книгу, то сказал: „Удивляюсь, как все, что мне казалось décousu, у нее прекрасно разъяснилось, и как интерес всей книги до самого конца увлекателен. Старайтесь издать книгу скорее, а я напишу к нескольким главам эпиграфы“.

А. А. Жандр [1] (1865). ИВ 1900, № 7, стр. 195.

Вот что Пушкин говорил мне о гоголевском творчестве:

„Ревизор“ — тоже моя идея. Это как раз относилось к двадцатым годам, когда я был в Новороссии... Тип Хлестакова у меня был намечен в живом лице... Это своего рода Митрофанушка, только более обтесанный и менее отрочен... Но по характеру своему так же наивен и скромен... чего, однако, Гоголь не дал своему Хлестакову, вложив в его речь дозу нахальства и уверенной глупости... Да, именно, „уверенной глупости“, потому что Хлестаков сознает свое глупое положение среди семьи глупого городничего, но все-таки его поддерживает, уверенный в том, что его глупый ум, по сравнению с глупостью уездного начальства, много значительнее... Даже высшая одесская губернская власть, в ведении которой я находился тогда, как полуссыльный, и та ничем не уступала Гоголевскому Сквознику-Дмухановскому... По своему мягкому и доброму характеру, знаменитый адми-

---

[1] Жандр Андрей Андреевич (1789 — 1873), поэт и переводчик ближайший друг Грибоедова. Привлекался к делу декабристов.

нистративный муж в эпоху „Николаевских войн“, граф Киселев [1], этот господарь Молдавии и Валахии и впоследствии министр государственных имуществ, тоже был Сквозник в своем роде, потому что он весь уходил в авторитет своего камердинера, который ему говорил, что „этого“ надо наказать, а „того“ помиловать и т. д.

В. И. Любич-Романович. Гоголь в Нежинском Лицее (из воспоминаний). ИВ 1902, № 2, стр. 553.

Первая половина года.

...Я его встретила с женою у матери, которая начинала хворать: Наталья Николаевна сидела в креслах у постели больной и рассказывала о светских удовольствиях, а Пушкин, стоя за ее креслом, разводя руками, сказал шутя:

„Это последние штуки Натальи Николаевны: посылаю ее в деревню“.

А. П. Керн П. В. Анненкову. ПС, V, стр. 150.

10 января.

Интересно, как Пушкин судит о Кукольнике [2]. Однажды у Плетнева зашла речь о последнем, я был тут же. Пушкин, по обыкновению, грызя ногти или яблоко—не помню, сказал:

„А что, ведь, у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли“.

---

[1] Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), генерал-адъютант, известный государственный деятель.

[2] Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), плодовитый писатель и драматург.

Это было сказано тоном двойного аристократа: аристократа природы и положения в свете. Пушкин иногда впадает в этот тон и тогда становится крайне неприятным.

А. В. Никитенко[1]. *Записки и Дневник,* СПб. 1905, I, стр. 270.

Март — апрель.

Едва Кольцов[2] сказал ему свое имя, как Пушкин схватил его за руку и сказал: „Здравствуй, любезный друг! Я давно желал тебя видеть!"

„Поэт Кольцов и его стихотворения". Соч. *Александра Юдина* в сборнике: „Опыты в сочинениях студентов императорского Харьковского университета", т. I, Харьков 1846, стр. 220—221.

Перепечатано „Изв. Отд. рус. яз. и Слов. И. А. Н." 1907, т. XII, кн. 4, стр. 225.

После апреля.

Пушкин не только не заботился о своем журнале [„Современник"] с родительскою нежностью, он почти пренебрегал им. Однажды прочел он мне свое новое поэтическое произведение. „Что же, — спросил я,— ты напечатаешь его в следующей книжке?" — „Да, как бы не так, — отвечал

---

[1] Никитенко Александр Васильевич (1805—1877), доктор философии и цензор, впоследствии академик. На почве цензорской его деятельности у него случались столкновения с Пушкиным, что придавало их взаимоотношениям крайне неровный характер.

[2] Кольцов Алексей Васильевич (1808 — 1842), известный поэт-крестьянин.

он, — pas si bête: подписчиков баловать нечего. Нет, я приберегу стихотворение для нового тома сочинений своих".

Кн. П. А. Вяземский, II, стр. 371.

Апрель — май.

...Мы начали говорить о начатом им издании „Современника". „Первый том был слишком хорош, — сказал Пушкин. — Второй я постараюсь выпустить поскучнее: публику баловать не надо".

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания. РС 1880, № 6, стр. 323.

Май.

В мае 1836 года Пушкин гостил у нас в Москве у церкви Стар. Пимéна в доме Ивановой. Мой муж всякий день почти играл в карты в Английском Клубе и играл крайне несчастливо. Перед отъездом в Петербург Пушкин предложил однажды Павлу Войновичу этот бумажник, говоря: „попробуй сыграй с ним на мое счастье".

И как раз Павел Войнович выиграл в этот вечер тысяч пять. Пушкин тогда сказал: „Пускай этот бумажник будет всегда счастьем для тебя".

В. А. Нащокина. „Русский Библиофил" 1916, № 8, стр. 71.

Дети Пушкина уже спали; он их будил и выносил ко мне по одиночке на руках. Это не шло к нему, было грустно, рисовало передо мной картину натянутого семейного счастия, и я его спросил: на кой чорт ты же-

нился? Он мне отвечал: „Я хотел ехать за границу — меня не пустили; я попал в такое положение, что не знал, что делать — и женился“.

К. П. Брюллов[1] по записи худ. *М. И. Железнова.* „Живописное Обозрение“ 1898, № 31, стр. 625. Ср. *Н. К. Козмин.* — „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Академии Наук СССР“ т. CI, № 3, 1928, стр. 108.

10 мая.

On raconte que l'auteur Pouchkine, qui est ici, demande à quelqu'un [Рассказывают, что писатель Пушкин, который теперь здесь, спросил у кого-то]: „Что нового?“ — Приехал граф Петр Александрович[2]. — Да, répondit l'autre, en coupant la parole [ответил тот, перебивая его],—приехал граф Петр Александрович, только не Румянцев-Задунайский, а Толстой.

А. Я. Булгаков кн. О. А. Долгоруковой. РА 1906, III, стр. 435.

---

[1] Брюллов Карл Павлович (1799—1852), знаменитый русский художник, „Пушкин в живописи“, как называли его.

[2] Толстой граф Петр Александрович (1761—1844), генерал-от-инфантерии, в 1836 г. замещавший Московского военного генерал-губернатора св. кн. Д. В. Голицына (1771—1844), по случаю отъезда последнего за границу. Граф Толстой, настроенный много реакционнее Голицына, склонен был считать всех писателей врагами правительства, принимая в отношении их соответствующие меры. Знаменитый генерал-фельдмаршал, граф Румянцев-Задунайский (1715—1796), носил то же имя-отчество, что и Толстой; последнее и послужило поводом к шутке Пушкина.

19—20 мая.

Москва [разговор с В. А. Нащокиной].

...Пушкин, между прочим, сказал, что, когда рыли могилу для его матери в Святогорском монастыре [1], он смотрел на работу могильщиков, и, любуясь песчаным, сухим грунтом, вспомнил о Войныче (так он звал его иногда): „Если он умрет, непременно его надо похоронить тут; земля прекрасная, ни червей, ни сырости, ни глины, как покойно ему будет здесь лежать“.

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 49.

Москва.

...Часто между моим мужем и Пушкиным совершенно серьезно происходил разговор о том, чтобы по смерти их похоронили рядом на одном кладбище, и один раз поэт, приехав из своего любимого имения Михайловского, с восторгом говорил Павлу Войновичу: „Знаешь, брат, ты все болеешь, может, скоро умрешь, так я подыскал тебе в Михайловском могилку сухую, песчаную, чтобы тебе было не сыро лежать, чтобы тебе и мертвому было хорошо, а когда умру я, меня положат рядом с тобой“.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, №8115, стр. 6.

...Они часто острили с моим мужем наперебой друг перед другом. Я была у обедни в церкви Старого Пимена, как называют ее в Москве, в отличие от Нового Пимена, что близ Селезневской улицы.

---

[1] Н. О. Пушкина скончалась 29 марта 1836 г. и погребена в Святогорском монастыре.

„Где же Вера Александровна?“ спросил Пушкин у мужа.

„Она поехала к обедне“.

„Куда?“ переспросил поэт.

„К Пимену“.

„Ах, какая досада! А зачем ты к Пимену пускаешь жену одну?“

„Так я же пускаю к Старому Пимену, а не к молодому!“ ответил мой муж.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8122.

...В беседе с ним я не заметила, как пролетело время до 5 часов утра, когда мой муж вернулся из клуба.

„Ты соскучился, небось, с моей женой?“ спросил Павел Войнович, входя.

„Уезжай, пожалуйста, каждый вечер в клуб!“ ответил всегда любезный и находчивый поэт.

„Вижу, вижу. Ты уж ей насплетничал на меня?“ сказал Павел Войнович.

„Было немножко...“ ответил Пушкин, смеясь.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8115.

...Он за прощальным ужином пролил на скатерть масло.

Увидя это, Павел Войнович, с досадой, заметил:

„Эдакий неловкий! За что ни возьмешься, все роняешь“.

„Ну, я на свою голову. Ничего...“ ответил Пушкин, которого, видимо, взволновала эта дурная примета.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Нов. Времени“ 1898, № 8115, стр. 6.

28 мая.

„Что вы не остановились у меня, Александр Андреевич? — спрашивал меня Пушкин, приехав ко мне на третий день, — вам здесь не так покойно, не угодно ли занять мою квартиру в городе?.. Я теперь живу на даче“. — Много обязан вам, Александр Сергеевич! И очень охотно принимаю ваше предложение. У вас верно есть кто-нибудь при доме? — „Человек, один только; я теперь заеду туда, прикажу, чтоб приготовили вам комнату“. — Он уехал, оставя меня очарованною обязательностью его поступков и тою честью, что буду жить у него.

А. Александров[1]. *Год жизни в Петербурге*, СПб. 1838, стр. 31.

Июнь — июль.

[Статью Д. В. Давыдова о партизанской войне, присланную в „Современник“], отдали на цензурный просмотр

---

[1] Александров Александр Андреевич — псевдоним Надежды Андреевны Дуровой (1783—1866), известной „кавалерист-девицы“, участницы отечественной войны. В 1836 г. она приехала в Петербург, с целью напечатания своих записок, которыми сильно заинтересовался Пушкин. Впоследствии, ободренная успехом записок, напечатанных в „Современнике“, занялась литературной деятельностью.

известному А. И. Михайловскому-Данилевскому [1]. Пушкин отозвался: „Это все равно, как если бы князя Потемкина [2] послать к евнухам учиться у них обхождению с женщинами“.

Н. В. Шимановский [3] по записи *П. Б[артенева].* РА 1880, III, стр. 228, прим.

Июль.

Александр Сергеевич приехал звать меня обедать к себе: „Из уважения к вашим провинциальным обычаям [4], — сказал он, усмехаясь, — мы будем обедать в 5 часов“.

„В пять часов?.. В котором же часу обедаете вы, когда нет надобности уважать провинциальных привычек?“

„В седьмом, осьмом, иногда и в девятом“.

„Ужасное искажение времени! никогда б я не мог примениться к нему“.

„Так кажется: постепенно можно привыкнуть ко всему“.

А. Александров. Год жизни в Петербурге, СПб. 1838, стр. 40—41.

---

[1] Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, известный военный писатель; в 1835 г. был назначен сенатором и председателем военно-цензурного комитета. В письме к Давыдову Пушкин замечал: „Ты думаешь, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право кажется военные цензоры вымарали для того, чтобы доказать, что они читают“.

[2] Потемкин-Таврический св. князь Григорий Александрович (1739—1791), генерал-фельдмаршал, завоеватель полуострова Тавриды (Крыма), фаворит Екатерины II.

[3] Шимановский Николай Викторович (1799—1875), знакомый А. С. Грибоедова.

[4] Н. А. Дурова постоянно жила в Елабуге.

15 июля.

Отдавая мне рукопись, Пушкин имел очень озабоченный вид; я спросила о причине. „Ах, у меня такая пропасть дел, что голова идет кругом! ... позвольте мне оставить вас; я должен быть еще в двадцати местах до обеда“.

А. Александров, Год жизни в Петербурге, СПб. 1838, стр. 48.

После 15 июля.

Мне казалось, что Александр Сергеевич был очень доволен, когда я сказала, что боюсь слишком обременить его, поручая ему издание моих записок, и что прошу его позволить мне передать этот труд моему родственнику...

„Впрочем, — прибавил он, — прошу вас покорнейше во всем, в чем будете иметь надобность в отношении к изданию ваших записок, употреблять меня, как одного из преданнейших вам людей“.

А. Александров. Год жизни в Петербурге, СПб. 1838, стр. 49.

Сентябрь.

На выставке в Академии художеств [1].

Поэт Пушкин, при первом взгляде на группу Пименова [Мальчик, играющий в бабки], сказал:

---

[1] В октябре 1836 г. Пушкин посетил годичную выставку Академии художеств, где ему особенно понравились скульптуры Николая Степановича Пименова (1812—1864)—„Русский парень, играющий в бабки“ и Александра Васильевича Логановского (1812—1855) — „Мальчик, играющий в свайку“. Обе работы, удостоенные золотых медалей, увековечены в стихах Пушкина. Статуя Пименова, по распоряжению Николая I была отлита из бронзы и поставлена в Царскосельском саду.

„Слава богу! Наконец, и скульптура в России явилась народная“.

П. Н. Петров. Н. С. Пименов, профессор скульптуры. СПб. 1883, стр. 5.

* В СПб. театре один старик-сенатор, любовник Асенковой [1], аплодировал ей, тогда как она плохо играла. Пушкин, стоявший, близ него, свистал. Сенатор, не узнав его, сказал: „Мальчишка, дурак!“ П[ушкин] отвечал: „Ошибся, старик! Что я не мальчишка — доказательством жена моя, которая здесь сидит в ложе; что я не дурак, я — Пушкин; а что я тебе не даю пощечины, то для того, чтобы Асенкова не подумала, что я ей аплодирую“.

И. М. Снегирев [2]. *Дневник* (23 сентября 1836 г.). РА 1902, III, стр. 182.

* Незадолго перед смертью, Пушкин в Александринском театре сидел рядом с двумя молодыми людьми, которые беспрерывно, кстати и некстати, аплодировали Асенковой... Не зная Пушкина и видя, что он равнодушен к игре их любимицы, они начали шептаться и заключили довольно громко. что сосед их дурак. Пушкин, обратившись к ним, сказал:

„Вы, господа, назвали меня дураком; я Пушкин и дал бы теперь же каждому из вас по оплеухе, да не хочу: Асенкова подумает, что я ей аплодирую“.

[М. М. Попов]. Биография Пушкина. РС 1874, № 8, стр. 686.

---

1 Асенкова Варвара Николаевна (1817—1841), выдающаяся артистка Александринского театра, бывшая любимицей петербургской театральной публики. Об этом же эпизоде существует еще ряд рассказов, опущенных нами за их недостоверностью.

2 Снегирев Иван Михайлович (1793—1868), профессор, этнограф и археолог.

Осень.

В 1836 году, по возвращении моем, осенью с морских купаний на острове Нордерней, я как-то раз ехал с Каменного острова в коляске с А. С. Пушкиным. На Троицком мосту мы встретились с одним, мне незнакомым господином, с которым Пушкин дружески раскланялся. Я спросил имя господина.

„Барков [1], ex diplomat, habitué Воронцовых,— отвечал Пушкин и, заметив, что имя это мне вовсе не известно, с видимым удивлением сказал мне: — Вы не знаете стихов однофамильца Баркова, вы не знаете знаменитого четверостишия... (обращенного к Савоське) и собираетесь вступить в Университет? Это курьезно. Барков — это одно из знаменитейших лиц в русской литературе; стихотворения его в ближайшем будущем получат огромное значение. В прошлом году я говорил государю на бале, что царствование его будет ознаменовано свободою печати, что я в этом не сомневаюсь. Император рассмеялся и отвечал, что он моего убеждения не разделяет. „Для меня сомнения нет, — продолжал Пушкин, — но так же нет сомнения, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полное собрание стихотворений Баркова“.

Кн. П. П. Вяземский. РА 1884, II, стр. 427—428. — Ср. Сочинения, стр. 545.

---

[1] Барков Дмитрий Николаевич (род. 1796, ум. после 1855), член общества „Зеленая Лампа“, переводчик театральных пьес. Однофамилец его, Барков Иван Семенович (1732—1768), переводчик Академии Наук, известный порнографический поэт.

Однажды, соглашаясь с его враждебным взглядом на высшее у нас преподавание наук, я сказал Пушкину, что поступаю в Университет исключительно для изучения людей. Пушкин расхохотался и сказал: „В Университете людей не изучишь, да едва ли их можно изучить в течение всей жизни. Все, что вы можете приобрести в Университете — это то, что вы свыкнетесь жить с людьми, и это много. Если вы так смотрите на вещи, то поступайте в Университет; но едва ли вы в том не раскаетесь“.

Кн. П. П. Вяземский. РА 1884, II, стр. 428.

...Я написал Пушкину, что я совершенно готов к его услугам, когда ему будет угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по таким-то и таким-то причинам. Пушкин остался моим письмом доволен и сказал С. А. Соболевскому: „Немножко длинно, молодо, а, впрочем, хорошо!“ [1].

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания. РС 1880, № 6, стр. 321.

4 ноября.

...Я отправился к Пушкину и, не подозревая нисколько содержания приносимого мною гнусного пасквиля, передал его Пушкину. Пушкин сидел в своем кабинете, распечатал конверт и тотчас сказал мне:

„Я уже знаю что такое; я такое письмо получил сегодня же от Е. М. Хитровой: это мерзость против моей

[1] Речь идет о несостоявшейся дуэли Пушкина с гр. В. А. Соллогубом. См. ниже.

жены. Впрочем, понимаете, что безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой".

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами [1].

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 178—179.

Граф Соллогуб поехал к Пушкину для передачи письма, но он тотчас изорвал его, сказав: „C'est une infamie, j'en ai reçu deja aujourd'hui" [Это гнусность, я уже получил такое же сегодня].

А. О. Россет по записи *П. И. Бартенева*. РА 1882, I, стр. 248.

... Пушкин прибавил:

„Дуэли никакой не будет; но я, может быть, попрошу вас быть свидетелем одного объяснения, при котором присутствие светского человека... мне желательно, для надлежащего заявления, в случае надобности".

Все это было говорено по-французски [2].

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 180.

---

[1] 4 ноября Пушкин и несколько его знакомых (Вяземские, Хитрово, Виельгорский, Васильчикова — тетка Соллогуба и др.) получили известные анонимные письма, являвшиеся прямым продолжением грязных сплетен, которые „высший свет" сплетал вокруг имен Пушкина и Дантеса. Ответное письмо Пушкина к Е. М. Хитрово неизвестно.

[2] Возможно, что Пушкин, сразу пришедший к мысли о дуэли, сделал это замечание для отвода глаз, чтобы на первых порах усыпить бдительность своих друзей.

В ноябре 1836 г. Пушкин, вместе с Матюшкиным [1], был у Яковлева в день его рождения [2]; еще тут был князь Эристов [1], воспитанник второго курса, и больше никого. Пушкин явился последним и был в большом волнении. После обеда они пили шампанское. Вдруг Пушкин вынимает из кармана полученное им анонимное письмо и говорит: „Посмотрите, какую мерзость я получил".

С. Д. Комовский [1] по записи *Я. К. Грота.* Грот, стр. 282.

Во время общего веселого разговора, он вдруг нагнулся ко мне и сказал скороговоркой:

— Ступайте завтра к д'Аршиаку [3], условьтесь с ним только на счет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь.

Потом он продолжал шутить и разговаривать, как бы ни в чем не бывало.

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 180—181.—Ср. РС 1880, № 6, стр. 332.

После 4 ноября.

Вот что à peu près ты сказал княгине [В. Ф. Вяземской] третьего дня...: „Je connais l'homme des lettres

---

[1] Матюшкин Федор Федорович (1799—1872), Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1868) и Комовский Сергей Дмитриевич (1798—1880)—лицейские товарищи Пушкина.

[2] Здесь видимая ошибка: М. Л. Яковлев родился 19 сентября 1798 г.; вероятно, речь идет о каком-либо ином торжестве.

[3] д'Аршиак виконт (ум. 1851), атташе французского посольства, секундант Дантеса.

anonymes et dans huit jours vous entendrez parler d'une vengeance unique en son genre; elle sera pleine, complette; elle jettera l'homme dans la boue; les hauts faits de Rajeffsky sont un jeu d'enfant devand ce que je me propose de faire" [Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как заговорят о мести, единственной в своем роде; она будет полной, совершенной; она бросит человека в грязь; громкие выходки Раевского [1] — детская игра в сравнении с тем, что я намерен сделать] — и тому подобное.

В. А. Жуковский Пушкину.

5 ноября.

Вызов [2] Пушкина не попал по своему назначению. В дело вмешался старый Геккерен [3]. Он его принял, но отложил окончательное решение на 24 часа, чтобы дать Пушкину возможность обсудить все более спокойно. Найдя Пушкина, по истечении этого времени, непоколебимым... он попросил новой отсрочки на неделю. Принимая вызов от лица молодого человека, т.-е. своего сына, как он его называл, он, тем не менее, уверял, что тот совершенно не подозревает о вызове, о котором ему скажут только в последнюю минуту. Пушкин, тронутый волнением и слезами отца, сказал: „Если так, то не только неделю —

---

[1] А. Н. Раевский был одновременно с Пушкиным в Одессе; будучи влюблен в гр. Е. К. Воронцову, он, повидимому, играл не последнюю роль в одесской истории Пушкина, окончившейся высылкой его в Михайловское.

[2] Непосредственно после получения анонимных писем Пушкин послал письменный вызов Дантесу. Последний был на дежурстве, почему вызов и попал в руки Геккерена.

[3] Пушкин был уверен, что автором анонимных писем является бар. Луи ван-де-Геккерен Беверваард (1791—1884), нидерландский посланник, приемный отец Дантеса, будущего убийцы Пушкина.

я вам даю две недели сроку и обязуюсь честным словом не давать никакого движения этому делу до назначенного дня и при встречах с вашим сыном вести себя так, как если бы между нами ничего не произошло".

Кн. П. А. Вявемский в. кн. Михаилу Павловичу. ИВ 1905, № 1, стр. 178—179.

Середина ноября.

* ... Пушкин, возвратясь откуда-то домой, находит Дантеса[1] у ног своей жены. Дантес, увидя его, поспешно встал. На вопрос Пушкина, чтó это значит, Дантес отвечает, что он умолял Наталью Николаевну уговорить сестру свою итти за него. На это Пушкин заметил, что тут не о чем умолять, что ничего нет легче: он звонит, приказывает вошедшему человеку позвать Катерину Николаевну[2] и говорит ей: „Voila M. Dantès qui demande ta main [Господин Дантес просит твоей руки]. Согласна ли ты?"

Ф. Ф. Матюшкин по записи *Я. К. Грота*. Грот, стр. 282—283.

---

[1] Дантес барон Жорж (1812—1895), француз, зачисленный в 1834 г. в Кавалергардский полк.

[2] Гончарова Екатерина Николаевна (ум. 1843), старшая сестра Пушкиной, влюбленная в Дантеса, была использована в качестве средства для устранения повода к дуэли. Действительно, бар. Геккерен пытался объяснить поведение своего приемного сына любовью к Е. Н. Гончаровой, в результате чего, 10 января 1837 г., состоялась их свадьба. В этом содействовал Геккеренам и Жуковский, всячески старавшийся отвести опасность от Пушкина. Однако ж сватовство Дантеса, в действительности, происходило при других обстоятельствах (см. у П. Е. Щеголева, Дуэль и смерть Пушкина), почему эта запись, равно как и нижеследующая, представляются малодостоверными.

* Un matin, M. de Heckeren vit entrer dans sa chambre Puchkine, le poête le plus justement populaire de la Russie.— „Comment sa fait-il, monsieur le baron,—lui dit-il, avec un calme apparent,—que j'aie trouvé chez moi ces lettres de votre écriture?“ et il tenait à la main des lettres contenantes, en effet, les expressions d'une inclination très vive. — Vous n'avez pas lieu d'en être offensé,—répondit M. de Heckeren,— madame Pouchkine ne consent à les recevoir que pour les transmettre à sa soeur, que je désire épouser. — „Alors épousez-la“. — Ma famille ne m'accorde pas son consentement. — „Obtenez-le!“ — Ce dialoge créait une situation bien délicate [Однажды утром Геккерен увидел у себя в комнате Пушкина, поэта, самого популярного в России. „Как случилось, господин барон, — сказал ему Пушкин с видимым спокойствием, что я нашел у себя эти письма, написанные вашей рукой?“ Он держал в руке письма, действительно содержавшие выражения пылкой страсти. „У вас нет повода считать себя обиженным, — ответил Геккерен, — г-жа Пушкина согласилась их принять у меня только для того, чтобы передать их своей сестре, на которой я хочу жениться“. — „В таком случае женитесь“. — „Моя семья не дает мне согласия“. — „Добейтесь его“. Эта беседа создала очень щекотливое положение].

Memoires d'un Royaliste par le *comte de Falloux* [1], Paris 1833, t. I, p. 187.

За столом подали Пушкину письмо. Прочитав его, он обратился к... Екатерине Николаевне: „Поздравляю, вы

---

[1] Фаллу Альфред Пьер, впоследствии известный политический деятель, легитимист и вождь клерикальной партии. В 1836 г. посетил Петербург, где вращался в обществе, враждебном Пушкину. Настоящая запись сделана со слов гр. М. Д. Нессельроде.

невеста; Дантес просит вашей руки!" Та бросила салфетку и побежала к себе. Наталия Николаевна за нею. „Каков!" сказал Пушкин Россету про Дантеса.

А. О. Россет по записи *П. И. Бартенева.* РА 1882, I, стр. 247.

19—20 ноября.

... Дантес обратился ко мне со словами:

„Ступайте к г. Пушкину и поблагодарите его, что он согласен кончить нашу ссору. Я надеюсь, что мы будем видаться, как братья" [1].

Поздравив с своей стороны Дантеса, я предложил д'Аршиаку лично повторить эти слова Пушкину и ехать со мной. Д'Аршиак и на это согласился. Мы застали Пушкина за обедом. Он вышел к нам несколько бледный и выслушал благодарность, переданную ему д'Аршиаком.

„С моей стороны, — продолжал я, — я позволил себе обещать, что вы будете обходиться с своим зятем, как с знакомым".

„Напрасно, — воскликнул запальчиво Пушкин. — Никогда этого не будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может".

Мы грустно переглянулись с д'Аршиаком. Пушкин затем немного успокоился.

„Впрочем, — добавил он, — я признал и готов признать, что г. Дантес действовал как честный человек".

„Больше мне и не нужно", подхватил д'Аршиак и поспешно вышел из комнаты.

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 184—185.

---

[1] Пушкин вынужден был взять свой вызов обратно, вследствие ожидаемой свадьбы Дантеса на его свояченице.

Вечером на бале С. В. Салтыкова [1] свадьба [Дантеса и Е. Н. Гончаровой] была объявлена, но Пушкин Дантесу не кланялся... Свадьбе он не верил.

„У него, кажется, грудь болит, — говорил он: — того гляди, уедет за границу. Хотите биться об заклад, что свадьбы не будет? Вот у вас тросточка. У меня бабья страсть к этим игрушкам. Проиграйте мне ее“.

„А вы проиграете мне все ваши сочинения?“

„Хорошо“. (Он был в это время как-то желчно весел.)

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 185—186.

21 ноября.

„Послушайте,—сказал он мне через несколько дней:— вы были более секундантом Дантеса, чем моим; однако я не хочу ничего делать без вашего ведома. Пойдемте в мой кабинет.

Он запер дверь и сказал:

„Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерену [2]. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте“.

Тут он прочитал мне всем известное письмо к Голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью.

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, стр. 186.

Ноябрь — декабрь.

Тем, кто обращался к нему с поздравлениями [по поводу помолвки Дантеса с Е. Н. Гончаровой], он отве-

---

[1] Салтыков Сергей Васильевич (1777—1846), петербургский богач, крупный библиофил, славившийся своими чудачествами.

[2] Письмо это в слегка измененном виде было отправлено Пушкиным по назначению только 26 января 1837 г.

чал во всеуслышание: „Tu l'as voulu, Georges Dandin“ [Ты этого хотел, Жорж Дандин].

Кн. П. А. Вяземский в. кн. Михаилу Павловичу. ИВ 1905, № 1, стр. 180.

Раз, выходя из театра, Данзас встретил Пушкиных и поздравил Катерину Николаевну Гончарову, как невесту Дантеса; при этом Пушкин сказал, шутя, Данзасу: „Ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera: Russe, Française ou Hollandaise!?“ [Моя свояченица не знает теперь, какой национальности она будет: русской, французской или голландской!?].

Данзас [1], стр. 13.

Декабрь.

Был на балу у Е. Ф. Мейендорфа [2]. Он и жена говорили о Пушкине, о данном мне поручении перевесть для государя рукопись генерала Гордона [3]. Я не танцовал и находился в комнате перед залой. Вдруг вышел оттуда Александр Сергеевич с Мейендорфом и нетерпеливо спрашивал его: „Mais où est-il donc? Où est-il donc?“ [Но где же он? Где же он?] Егор Федорович нас познакомил. Пошли расспросы об объеме и содержании рукописи.

---

[1] Данзас Константин Карлович (1801—1870), лицейский товарищ и секундант Пушкина в его последней дуэли.

[2] Мейендорф барон Егор Федорович (1794—1879), генерал-адъютант, участник войны 1812 г., известный коннозаводчик.

[3] Гордон Патрик (1635—1698), генерал, сподвижник Петра I, автор „Дневника“, изданного в Петербурге в 1840 г.

Пушкин удивился, когда узнал, что у меня шесть томов in 4° и сказал: „Государь говорил мне об этом манускрипте, как о редкости, но я не знал, что он столь пространен“.

Д. Е. Келер[1]. *Дневник.* Ефремов, VIII, стр. 586.

25 декабря.

На балу у Португальского посланника.

* Во время танцев я зашел в кабинет, все стены которого были увешаны рогами различных животных, убитых ярым охотником, и, желая отдохнуть, стал перелистывать какой-то кипсэк. Вошел Пушкин. „Вы зачем здесь? Кавалергарду, да еще не женатому, здесь не место. Вы видите, — он указал на рога, — эта комната для женатых, для мужей, для нашего брата“.

Со слов *кн. А. В. Трубецкого*[2]. Щеголев, стр. 405.—Ср. РС 1901, № 2, стр. 261.

28 декабря.

В одно из своих посещений г. Краевский[3] застал Пушкина, именно 28 декабря 1836 г., только что получившим пригласительный билет на годичный акт Академии наук.

---

[1] Келер Дмитрий Егорович (1807 — 1839), лицеист IV курса, впоследствии надворный советник, и. д. секретаря I-го отделения Канцелярии военного министра. За переводы первых 4-х частей рукописи Гордона получил 30 июля 1837 года подарок в 1.000 рублей. Такую же сумму в 1838 году получил за перевод 5 части.

[2] Трубецкой князь Александр Васильевич (1813—1889), ближайший друг Дантеса.

[3] Краевский Андрей Александрович (1810—1889), известный журналист, впоследствии издатель „Отечественных Записок“, тогда заведывавший корректурой „Современника“.

„Зачем они меня зовут туда? Что я там буду делать? — говорил Пушкин. — Ну, да поедемте завтра“.

„У меня нет билета“.

„Что за билет! Поедемте. Приезжайте ко мне завтра и отправимся“.

Сообщение Редакции журнала „Русская Старина“. РС 1880, № 9, стр. 220.

29 декабря.

29 декабря г. Краевский пришел. Подали двуместную, четвернею на вынос, с форейтором, запряженную карету, и А. С. Пушкин с А. А. Краевским отправились в Академию наук.

Перед этим только что вышел IV том „Современника“ с „Капитанскою дочкою“. В передней комнате Академии, пред залом, Пушкина встретил Греч — с поклоном чуть не в ноги:

„Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! — говорил с обычными ужимками Греч. — Ваша „Капитанская дочь“ чудо как хороша! Только зачем это вы, батюшка, дворовую девку свели в этой повести с гувернером?.. Ведь книгу-то наши дочери будут читать!..“ — „Давайте, давайте им читать!“ — говорил в ответ, улыбаясь, Пушкин. Вошли. За столом на председательском месте, вместо заболевшего Уварова, сидел кн. М. А. Дондуков-Корсаков, лучезарный, в ленте, в звездах, румяный и весело, приветливо поглядывал на своих соседей академиков и на публику...

„Ведь вот сидит довольный и веселый, — шепнул Пушкин г. Краевскому, мотнув головой по направлению к Дондукову, — а ведь сидит-то на моей эпиграмме! Ничего, не больно, не вертится!“

Сообщение Редакции журнала „Русская Старина“. РС 1880, № 9, стр. 220.

... Краевский приносит Пушкину корректуру „Современника“ [1]. — „Некогда, некогда, — говорит Пушкин, — надобно ехать в публичное заседание Академии. Хотите? Поедем вместе: посмотрите, как президент и вице-президент будут торчать на моей эпиграмме“ [2].

А. А. Краевский по записи *П. И. Бартенева.* РА 1892, II, стр. 490.

Конец года.

Барон Геккерен... один раз на балу поднял ключик от часов, оброненный поэтом, и подал его Пушкину с заискивающей улыбкой. Эта двуличность так возмутила прямодушного, вспыльчивого поэта, что он бросил этот ключик обратно на пол и сказал Геккерену с злой усмешкой: „Напрасно трудились, барон!“

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8122, стр. 7.

Под конец его жизни, встречаясь очень часто с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как

---

[1] „Современник“, журнал, основанный в 1836 г. по мысли Пушкина и Плетнева — до 1838 г. выходивший 4 книгами в год. Первая книга вышла 11 апреля 1836 г. под заглавием: „Современник. Литературный журнал, издаваемый А. С. Пушкиным“.

[2] Эпиграмма „В Академии наук...“ написана Пушкиным в 1835 г. на вице-президента Академии кн. М. А. Дондукова-Корсакова (1794—1869). 29 декабря 1836 г. Пушкин присутствовал вместе с Краевским в годичном заседании Академии.

очень хорошую и добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о комеражах, которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть как можно осторожнее и беречь свою репутацию, сколько для себя самой, столько и для счастья мужа при известной его ревнивости. Она верно рассказала об этом мужу, потому что, встретясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — „Разве ты и мог ожидать от меня другого?" спросил я его. — Не только мог, государь, но признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женою...

Николай I по записи *бар. М. А. Корфа*. РС 1899, № 8, стр. 310—311.— Ср. РС 1900, № 3, стр. 574.

Декабрь 1836 г.—январь 1837 г.

* Старушка-няня детей Пушкина рассказывала впоследствии, что в декабре 1836 г. и в начале января 1837 г. Александр Сергеевич был словно сам не свой: он или по целым дням разъезжал по городу, или, запершись в кабинете, бегал из угла в угол. При звонке в прихожей выбегал туда и кричал прислуге: „Если письмо по городской почте — не принимать", а сам, вырвав письмо из рук слуги, бросался опять в кабинет...

РС 1880, № 7, стр. 515, прим.

* Я... не шутя воображал себя поэтом... Решился обратиться к Пушкину и в один прекрасный или непрекрасный день пришел к великому поэту. Когда я входил переднюю, из кабинета его вышел повар... Я отдал

ему тетрадь моих стихов для передачи Александру Сергеевичу, а за ответом хотел зайти через неделю . Но не успел пройти и сорока шагов от дому, где жил Пушкин, как тот же самый повар остановил меня:

„Пожалуйте к барину, он вас покорнейше просит“.

„Очень благодарен. Неужели же он успел что-нибудь прочесть в моей тетради?“

„Да-с, он заглянул в нее“.

Едва вошел я опять в переднюю, тотчас услышал голос Пушкина. Он вскрикнул:

„Василий, это ты?“

„Точно так, я“, отвечал повар.

„А г. Облачкин?“

„Здесь“.

„Пожалуйте сюда, пожалуйте“, звал меня Пушкин, и голос его был до того радушен и до того симпатичен, что я весь затрепетал от радости и никогда не забуду этой счастливой минуты...

Когда я объяснил ему свое несчастие [по службе], тогда он посоветовал написать просьбу...

„Только смотрите, — примолвил он очень серьезно, — напишите просьбу прозой, а не стихами“.

Я невольно улыбнулся.

Пушкин заметил мою улыбку и захохотал во весь голос, беспечно, с неподражаемой веселостью:

„Я вам сделал это замечание насчет просьбы затем, что когда-то деловую бумагу на гербовом листе я написал стихами, и ее не приняли в присутственном месте. Молод был, очень молод, так же, как и вы теперь молоды, очень молоды и пишете стихи, так, пожалуй, по привычке вместо прозы напишете стихами, и уж тогда, делать нечего, второй раз придется вам писать просьбу прозой. А писать просьбы дело очень скучное и неприятное. Да и време-

нем нужно дорожить. Впрочем, это в сторону, напишите просьбу, да поскорей приходите ко мне, а я за вас буду хлопотать“.

Я поклонился ему и поблагодарил за участие... и вдруг, ни с того, ни с сего, точно кто-нибудь вместо меня проговорил:

„Александр Сергеевич, вы мои стихи напечатаете в вашем „Современнике“?“

„Напечатаю, напечатаю. Приходите же ко мне, непременно с просьбой, и чем скорее, тем лучше“.

„Благодарю вас. Мое почтение“.

„Прощайте. Приходите утром, до десяти часов я всегда дома!“

Облачкин. Воспоминания о Пушкине. „Северная Пчела“ 1864, № 49, стр. 161.

1837 г., первые числа января.

Недели за три до смерти историографа Пушкина был я по его приглашению у него. Он много говорил со мной об истории Петра Великого. „Об этом государе, — сказал он между прочим, — можно написать более, чем об истории России вообще. Одно из затруднений составить историю его состоит в том, что многие писатели, недоброжелательствуя ему, представляли разные события в искаженном виде, другие с пристрастием осыпали похвалами все его действия“.

Александр Сергеевич, на вопрос мой, скоро ли будем иметь удовольствие прочесть произведение его о Петре, отвечал: „Я до сих пор ничего еще не написал, занимался единственно собиранием материалов: хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю

Петра в год или в течение полугода и стану исправлять по документам". Он говорил мне также о мнимом влиянии императрицы Екатерины на заключение Прутского мира. Пушкин отзывался с похвалою о трудах историографа Миллера [1]. „Весьма часто делал я себе вопросы об исторических фактах и находил им разрешение в бумагах этого ученого. К сожалению, многие произведения до сих пор не вышли в печать".

Насчет перевода рукописи Гордона Пушкин мне сказал: „Продолжайте им заниматься, вы окажете большую услугу". Он изъявил готовность помогать мне в моих занятиях книгами и манускриптами и обещал одолжить выписку из Гордона на немецком языке о стрелецких делах.

Он раскрыл мне страницу английской книги... о Петре Великом, в которой упоминалось о смерти [цесаревича] Алексея Петровича... „Я сам читаю теперь эту книгу, но потом, если желаете, и вам пришлю. Я с удовольствием прочел статью вашего шурина: „Очерк Персии". Она написана легким, веселым слогом"... Возложенное на него поручение писать историю Петра весьма его обременяло. C'est un travail tuant, — сказал он мне, — si je le savais d'avance je ne m'en serais pas chargé" [Это убийственный труд, если бы я это предвидел заранее, я бы за него не принялся].

Д. Е. Келер. Дневник. Ефремов, VIII, стр. 586—587. — Ср. „Журн. Имп. Рус. Воен. Истор. О-ва" 1913, № 12, и PC 1914, № 3, стр. 535.

---

[1] Миллер Гергард-Фридрих (1705—1783), академик, известный историограф.

[На вечере у П. А. Плетнева].

Войдя в квартиру Петра Александровича, я столкнулся с человеком среднего роста, который, уже надев шинель и шляпу и прощаясь с хозяином, звучным голосом воскликнул: „Да! да! Хороши наши министры! Нечего сказать!“, засмеялся и вышел.

И. С. Тургенев. Литературный вечер у П. А. Плетнева. РА 1868, III, стр. 1663.

...В январе 1837 г., т.-е. незадолго до смерти Пушкина, этот последний был у Брюллова в мастерской вместе с Жуковским... Они восхищались альбомами и рисунками Брюллова, и Пушкин стал на колени и выпрашивал у Брюллова один из его рисунков: „Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня, отдай мне этот!“ Но Брюллов все-таки не отдал рисунка [1].

А. Н. Мокрицкий [2]. „Отеч. Записки“ 1855, т. 103, стр. 165—166.

„Cela ne me suffit pas, — говорил он однажды Софье Карамзиной, — que vous, que mes amis, que la société d'ici soient aussi convaincus que moi de l'innocence et de la pureté da ma femme: il me faut encore que ma réputation et mon honneur soient intacts dans tous les coins de la Russie

---

[1] Академик И. Е. Репин, изобразил этот эпизод в своем известном рисунке (подлинник принадлежит Н. О. Лернеру).

[2] Мокрицкий Аполлон Николаевич (1811—1871), художник, академик живописи (1849).

où mon nom est connu“ [Мне не довольно того, что вы, что мои друзья, что здешнее общество, также как и я, убеждены в невинности моей жены: мне нужно еще, чтобы доброе мое имя и честь были неприкосновенны во всех углах России, где мое имя известно].

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 250.

Январь.

...Il ...dit: „Il ne me suffit pas, que mon nom soit intact aux yeux de mes amis et du cercle, où je me trouve, mon nom appartient au pays et je dois veiller à son inviolabilité partout, où il est connu“ [Он сказал: „Мне мало того, что мое имя не запятнано в глазах моих друзей и того круга знакомых, в котором я вращаюсь, мое имя принадлежит стране, и я должен следить за его неприкосновенностью всюду, где оно известно“].

Кн. П. А. Вяземский. Отрывок из рукописи. Новые материалы о дуэли, стр. 100—101.

Вот его слова, сказанные им князю П. А. Вяземскому и переданные последним в письме к великому князю Михаилу Павловичу, и именно в той части письма, которая в „Русском Архиве“ не напечатана.

На увещания друзей Пушкин сказал: „Я принадлежу стране и хочу, чтобы имя мое было чисто везде, где оно известно“ [qu'il appartenait au pays et qu'il voulait que son nom fût intact partout où il était connu].

Кн. П. А. Вяземский. РА 1884, II, стр. 434.

...Аграфена Федоровна Закревская [1]... поведала барыням, что Пушкин был в нее влюблен без памяти, что он ревновал ее ко всем и к каждому. Что еще недавно в гостях у Соловых [2], он, ревнуя ее за то, что она занималась с кем-то больше, чем с ним, разозлился на нее и впустил ей в руку свои длинные ногти так глубоко, что показалась кровь... А потом она еще рассказывала, что в тот же вечер, прощаясь с нею, Пушкин шепнул ей на ухо: „Peut-être, vous ne me reverrez jamais!“ [Может быть, вы никогда меня не увидите!].

М. Ф. Каменская. Воспоминания. ИВ 1894, № 10, стр. 54.

Je viens d'apprendre de ma femme que c'est devant madame Valouieff dans le salon de sa mère qu'il a tenu le propos: „Prenez garde, vous savez que je suis méchant et que je finis toujours, quand je veux, par porter malheur“ [Я только что узнал от моей жены, что при госпоже Валуевой [3], в салоне ее матери, он говорил следующее: „Берегитесь, вы знаете, что я зол

---

[1] Закревская Аграфена Федоровна, р. гр. Толстая (1799—1879), жена генерал-адъютанта А. А. Закревского, красивая и эксцентричная женщина. В свое время ею был увлечен поэт Боратынский. Пушкин, в конце 20-х гг., видимо также увлекался ею.

[2] Т.-е. у Петрово-Соловово.

[3] Валуева Мария Петровна, р. княжна Вяземская (1813—1849), дочь кн. П. А. и В. Ф. Вяземских, первая жена известного впоследствии государственного деятеля графа П. А. Валуева.

и что я кончаю всегда тем, что приношу несчастье, когда хочу"].

Барон Ж. Дантес А. И. Бреверну[1] (26 февраля 1837 г.). А. С. Поляков. О смерти Пушкина, Пб. 1922, стр. 53.

Depuis mon mariage, chaque fois qu'il voyait ma femme avec madame Pouchkine, il venait se placer à côté d'elle et sur l'observation qu'elle lui en fit un jour, il répondit: „C'est pour voir comment vous êtes ensemble et quelles figures vous vous faites en vous parlant"... Il profita d'un moment, où je m'étais éloigné pour s'aprocher de ma femme et pour lui proposer de boire à sa santé à lui! Sur un refus il répéta la même proposition, même réponse. Alors il s'éloigna furieux en lui disant: „Prenez garde, je vous porterai malheur!" [Со дня моей женитьбы, каждый раз, когда он видел мою жену в обществе госпожи Пушкиной, он садился рядом с ней, и на замечание ее относительно этого, которое она ему однажды сделала, ответил: „Это для того, чтобы видеть, каковы вы вместе, и какие у вас лица, когда вы разговариваете"... Он воспользовался моментом, когда я отошел, чтобы подойти к моей жене и предложить ей выпить за его здоровье. После отказа он повторил то же самое предложение, ответ был тот же. Тогда он удалился в бешенстве, сказав: „Берегитесь, я вам принесу несчастие"].

Барон Ж. Дантес А. И. Бреверну (26 февраля 1837 г.). А. С. Поляков. О смерти Пушкина, Пб. 1922, стр. 53—54.

---

[1] Бреверн Александр Иванович (1801 — 1850), полковник л.-гв. Конного полка, флигель-адъютант, презус суда над участниками дуэли.

Около 20 января.

Встретившись за несколько дней до дуэли с баронессой [Е. Н.] Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать... Наконец, она напомнила ему о детях его. „Ничего, — раздражительно отвечал он, — император, которому известно все мое дело, обещал взять их под свое покровительство".

М. И. Семевский со слов *бар. Е. Н. Вревской.* РВ 1869, XI, стр. 90.

За несколько дней до своей кончины, Пушкин пришел к Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: „Эту выползину я теперь не скоро сброшу". Выползиною называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет.

П. И. Бартенев со слов *В. И. Даля.* РА 1872, стр. 2026.

24 января.

В воскресенье [перед поединком Пушкина] А. О. Россет пошел в гости к князю Петру Ивановичу Мещерскому [1]... и из гостиной прошел в кабинет, где Пушкин играл в шахматы с хозяином. „Ну, что, — обратился

[1] Мещерский князь Петр Иванович (1802—1876), отст. гвардии полковник, женатый вторым браком на Екатерине Николаевне Карамзиной (1809—1867), дочери историографа.

он к Россету, — вы были в гостиной; он уже там, возле моей жены?“ Даже не назвал Дантеса по имени.

А. О. Россет по записи *П. И. Бартенева.* РА 1882, I, стр. 247.

Около 25 января.

Даль рассказывал о последних минутах Пушкина нашего. За три дня до смерти он сказал:

„Я только, что перебесился, я буду еще много работать“.

М. П. Погодин. Дневник. ПС, XXIII—XXIV, стр. 122.

25 января.

25 января Пушкин и молодой Геккерен с женами провели у нас вечер... В этот самый день уже было отправлено Пушкиным барону Геккерену оскорбительное письмо. Смотря на жену, он сказал в тот вечер:

„Меня забавляет то, что этот господин забавляет мою жену, не зная, что его ожидает дома. Впрочем, с этим молодым человеком мои счеты сведены“.

Кн. П. П. Вяземский. Сочинения, стр. 556 [1].

26 января.

...П[ушкин] был в театре в ложе рядом с княгининой [Долгоруковой] [2]. Во время представления он обратился

---

[1] Об этом визите см. упоминание в рассказах Вяземских, РА 1888, II, стр. 309.

[2] Княгиня Долгорукова Екатерина Алексеевна, р. Малиновская (1811—1872), жена кн. Р. А. Долгорукова (дочь известного директора Архива министерства иностранных дел А. Ф. Малиновского).

к княгине и сказал ей так, чтобы жена не слышала: „Пригласите завтра мою жену поутру и удержите ее подолее“.

Княгиня Е. А. Долгорукова по записи *Ф. Толя.* В книге *Декабристы на поселении,* под ред. Е. Е. Якушкина, М. 1926, стр. 143.

27 января.

...Приезжаю к нему 27 января, утром, часов в 10, и нахожу в передней два ящика с пистолетами; при них вижу посланного из магазина. Думаю: это — дело обыкновенное для Пушкина: он охотник стрелять в цель...

Нахожу Пушкина еще в утреннем домашнем костюме, и как-то страшно расстроенного и взволнованного. Говорю ему о своем деле, а он в это время беспрерывно перебегает от дивана к двери комнаты, почти смежной с переднею комнатой.

Ну, вижу: у него какая-то особенная забота и поднимаюсь уже уйти; но он удерживает меня и с видимым волнением говорит отрывисто:

„Хорошо... Хорошо, Николай Михайлович... Рад тебе пособить... Сейчас, сейчас еду...“

Но вдруг, как бы вспомнив что-то, прибавляет:

„Ах, брат!.. Теперь нельзя... Да постой!.. Он [С. С. Уваров], кажется, знает тебя...“

Видя его тревожное состояние, говорю ему:

„Ну, Александр Сергеевич, не во-время я к тебе заехал; лучше побываю на-днях“.

„Ничего... Ничего, любезный мой! — отвечает он.— Как там знать, что будет после?.. Сегодня я его не увижу... Так лучше напишу...“

И вот поспешно взял он из-под пресс-папье бумагу и начал писать записку к С. С. Уварову, по-французски.

Замечаю, что за начальным словом: „Monsieur“, выведенным дрожащею рукой, следуют еще две фразы, которые вскоре зачеркиваются. Вдруг он встает и говорит мне:

„Не дивись, что я киплю душой... Знаешь мою горячность... До сих пор... не умею владеть... собой... Экое дело! Не пишется... Да лучше увижусь... Скажу, скажу ему...“

Я поторопился взять шляпу, а он, при прощании, как будто со слезами на глазах поцеловал меня.

Н. М. Коншин[1] по записи *Л. Трефолева.* „Ярославские Губернские Ведомости“ 1864, № 17.

За несколько часов до дуэли он говорил д'Аршиаку, секунданту Геккерена, объясняя причины, которые заставили его драться: „Есть двоякого рода рогоносцы; одни носят рога на самом деле; те знают отлично, как им быть; положение других, ставших рогоносцами по милости публики, затруднительнее. Я принадлежу к последним“.

Кн. П. А. Вяземский в. кн. Михаилу Павловичу. ИВ 1905, I, стр. 181.

„Il y a deux sortes de cocus, disait-il à d'Archiac, le témoin de son adversaire, en lui expliquant les motifs, de son duel: ceux qui le

[1] Коншин Николай Михайлович (1793—1859), посредственный, но довольно плодовитый поэт, близко знакомый с Пушкиным. Рассказ его о посещении Пушкина перепечатан РА 1877, III, стр. 403, РС 1887, № 8, стр. 464—465, и „Русская Мысль“ 1897, V, стр. 164.

sont de fait, ceux-là savent à quoi s'en tenir, et ceux qui le sont par la grâce du public, leur position est plus embarassante. C'est mon cas" [Секунданту противника своего, д'Аршиаку, говорил он, объясняя причины поединка: „Есть два рода рогоносцев: одни в самом деле таковы, и они знают, как им быть; другие суть рогоносцы по милости публики, и положение их более затруднительно. Это мой случай"].

Кн. П. П. Вяземский А. О. Смирновой. РА 1888, II, стр. 296.

Il disait...: „Il y a deux sortes de maris trompés — ceux, qui les sont de fait, savent à quoi s'en tenir; le cas de ceux, qui ne les sont que par la grâce de public, est plus embarassant, et c'est le mien". [Он сказал: „Есть два рода обманутых мужей: те, которые фактически обмануты, знают, что об этом думать; положение тех, которых считает обманутыми общество, самое тягостное, и это именно мое положение"].

Кн. П. П. Вяземский. Отрывок из рукописи. Нов е материалы о дуэли, стр. 101.

За час до дуэли.

Dépuis le commencement de cette affaire, — говорил он за час до поединка д'Аршиаку, секунданту Геккерена, — le seul moment de répit que j'aie eu, c'est celui, ou j'ai écrit cette lettre [1] [С начала этого дела я вздохнул свободно только когда писал это письмо].

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 248—249.

Пушкин остановил Данзаса и сказал: „Данзас, я ехал к тебе, садись со мной в сани и поедем во французское посольство, где ты будешь свидетелем одного разговора"... После обыкновенного приветствия с хозяином

[1] Подразумевается письмо к барону Геккерену от 25 января.

[д'Аршиаком], Пушкин сказал громко, обращаясь к Данзасу: „Je vais vous mettre maintenant au fait de tout", и начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккереном .. Пушкин окончил свое объяснение следующими словами: „Maintenant la seule chose, que j'ai à vous dire, c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je se rencontre Heckerene, père ou fils, je leur cracherai à la figure".

Тут он указал на Данзаса и прибавил:

„Voila mon témoin".

Потом обратился к Данзасу с вопросом:

„Consentez vous?"

После утвердительного ответа Данзаса, Пушкин уехал... [„Я хочу теперь посвятить вас во все". — „Теперь единственное, что я хочу вам сказать — это то, что, если дело не окончится сегодня же, то в первый же раз, когда я встречу Геккерена, отца или сына, я им плюну в лицо". — „Вот мой секундант". — „Согласны ли вы?"].

Данзас, стр. 18—19.

На Неве Пушкин спросил Данзаса шутя: „Не в крепость ли ты везешь меня?" — Нет, — отвечал Данзас: — через крепость на Черную речку самая близкая дорога [1].

Данзас, стр. 22.

[По пути от кондитерской Вольфа к месту дуэли].

По дороге им [Пушкину и Данзасу] попались едущие в карете четверней граф И. М. Борх [2] с женой, ур. Го-

[1] Дуэль состоялась на Черной речке, близ Комендантской дачи.— Ср. РС 1880, № 7, стр. 528.

[2] Борх граф Иосиф Михайлович (р. 1807), камер-юнкер, женат с 1830 г. на Любови Викентьевне Голынской.

лынской. Увидя их, Пушкин сказал Данзасу: „Voila deux ménages exemplaires“ [Вот две образцовых семьи] и, заметя, что Данзас не вдруг понял это, он прибавил: „Ведь жена живет с кучером, а муж — с форейтором“.

М. Н. Лонгинов. Щеголев, 3 изд., стр. 448.

Когда Данзас спросил его, находит ли он удобным выбранное им и д'Аршиаком место, Пушкин отвечал:

„Ça m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite“...

Во время приготовлений нетерпение Пушкина обнаружилось словами к своему секунданту:

„Et bien! est-ce fini?..“

Пушкин первый подошел к барьеру и, остановясь, начал наводить пистолет. Но в это время Дантес, не дойдя до барьера одного шага, выстрелил, и Пушкин, падая, сказал:

„Je crois que j'ai la cuisse fracasée“.

Секунданты бросились к нему, и, когда Дантес намеревался сделать то же, Пушкин удержал его словами:

„Attendez! je me sens assez de force, pour tirer mon coup“.

Приподнявшись несколько и опершись на левую руку, Пушкин выстрелил.

Дантес упал.

На вопрос Пушкина у Дантеса: куда он ранен, Дантес отвечал:

„Je crois que j'ai la balle dans la poitrine“ [Это мне совершенно безразлично, только постарайтесь сделать все возможно скорее. — Все ли, наконец, кончено? — Я полагаю, что у меня раздроблено бедро. — Подождите

Я чувствую еще достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел. — Я полагаю, что я ранен в грудь].

„Браво!“ вскрикнул Пушкин и бросил пистолет в сторону.

Данзас, стр. 23—25.

Les témoins s'approchèrent, il se releva sur son séant et dit: „Attendez“ [Секунданты приблизились, он приподнялся и, полусидя, сказал: „Подождите“].

Виконт д'Аршиак П. А. Вяземскому (1 февраля 1837 г.).

Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г., СПб. 1900, стр. 53.

Слова Алек[сандра] Сергеев[ича], когда он поднялся, опершись левою рукою, были следующие: „Attendez, je me sens de force pour donner mon coup“ [Подождите, я еще имею силы, чтобы сделать мой выстрел].

К. К. Данзас П. А. Вяземскому (6 февраля 1837 г.), назв. соч., стр. 54.

„Je suis blessé“, — сказал он, падая. Геккерен хотел к нему подойти, но он, очнувшись, сказал: „Ne bougez pas; je me sens encore assez fort, pour tirer mon coup“ [Я ранен. — Не шевелитесь; я еще имею достаточно силы, чтобы сделать мой выстрел].

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину. 15 февраля 1837 г.

Пушкин упал, сказав: „Je suis blessé“. Он лежал головой в снегу. Все бросились к нему, и Геккерен также. После нескольких секунд молчания и неподвижности, он приподнялся, опершись левою рукою и сказал: „Attendez! Je me sens assez de force pour tirer mon coup“ [Подождите! Я имею еще силы, чтобы сделать мой выстрел].

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову, РА 1879, II, стр. 249.

*...Пушкин приподнялся и сказал: „Я ранен в ляжку", а противнику, чтобы он становился на дистанцию, потому что — „я хочу стрелять".

А. Ф. Воейков[1] А. Я. Стороженку. ПС, VI, стр. 108.

*... Он, приподнявшись, сказал Д[антесу]: „Remettez vous à votre place, j'ai encore un coup à tirer..." [Возвращайтесь на ваше место, за мною еще выстрел].

А. П. Языков[2] А. А. Катенину (1 февраля 1837 г.). Описание Пушкинкинского музея имп. Александровского лицея, СПб. 1899, стр. 452.

*... Первый выстрелил Дантес, и пуля попала в бок поэта — он упал, но тотчас же опомнился и просил своего секунданта поддержать ему голову, взял пистолет и, ранив Дантеса в руку, сказал с досадою своему секунданту: „Et je ne l'ai pas tué!" [И я его не убил!].

Я. М. Неверов[3] Т. Н. Грановскому. „Московский Пушкинист", I, стр. 43.

* Pouschkine, ayant appris que Dantesse n'etait pas mort et ne se croyant pas mortellement blessé lui-même, dit: „Cela sera donc à recommencer" [Пушкин, увидев, что Дантес жив, и не предполагая, что сам он ранен смертельно, сказал: „Придется, следовательно, начать снова"].

А. А. Щербинин[4]. *Из записок.* ПС, XV, стр. 40.

---

[1] Воейков Александр Федорович (1773—1839), известный литератор.

[2] Языков Александр Петрович (1802—1876), подполковник л.-гв. Преображенского полка, впоследствии директор Училища правоведения.

[3] Неверов Януарий Михайлович (1810—1893), литератор и журналист, состоявший тогда помощником редактора „Журнала Министерства Народного Просвещения".

[4] Щербинин Александр Андреевич (1790 — 1876), старший брат приятеля Пушкина М. А. Щербинина, камергер, вице-президент гоф-интендантской конторы.

* Дантес выстрелил первый и ранил Пушкина в живот; потом подбежал к нему, но Пушкин сказал: „Погодите, я еще не выстрелил". Приподнялся на одно колено и ударил... Узнав, что противник ранен в руку, сказал: „Это значит, что еще не кончено...".

И. Т. Калашников[1] П. А. Словцову. ПС, VI, стр. 105.

... Когда Геккерен упал от полученной контузии и Пушк[ин] на минуту думал, что он убит, доброта сердца в Пушкине взяла верх и он сказал à peu près [приблизительно следующее]: „Tiens! Je croyais que sa mort me ferait plaisir; à présent je crois presque que cela me fait de la peine!" [Скажите! Я думал, что его смерть доставит мне удовольствие; теперь как будто мне это причиняет страдание].

А. И. Тургенев[2] А. И. Нефедьевой (28 января 1837 г.). ПС, VI, стр. 52.

Он упал на шинель, служившую барьером, и не двигался, лежа вниз лицом. Секунданты и Геккерен подошли к нему; он приподнялся и сказал: „Подождите, у меня хватит силы на выстрел". Геккерен стал опять на место... Пушкин после выстрела подбросил свой пистолет и воскликнул: „Браво!..". Придя в себя, он спросил д'Аршиака: „Убил ли я его?" — „Нет, — ответил тот: — вы его ранили". — „Странно, — сказал Пушкин: — я думал, — что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет. Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем".

Кн. П. А. Вяземский в. кн. Михаилу Павловичу. ИВ 1905, стр. 183.

---

[1] Калашников Иван Тимофеевич (1797—1863), известный в свое время писатель; состоял в переписке с Пушкиным, но неизвестно, был ли лично с ним знаком; в это время служил в собственной его императорского величества Канцелярии.

[2] Тургенев Александр Иванович (1784—1845), старший друг Пушкина, брат Н. И. Тургенева.

Геккерен пошатнулся и упал. Пушкин кинул вверх свой пистолет и вскрикнул: „Браво!“. После, когда оба противника лежали, каждый на своем месте, Пушкин спросил Даршиака: „Est-il tué?“ — Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine. — „C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non“. Даршиак хотел сказать несколько мировых слов, но Пушкин не дал ему времени продолжать. „Au reste, c'est égal; si nous rétablissons tous les deux, ce sera à recommencer“ [Убит ли он? — Нет, но он ранен в руку и грудь. — Странно: я думал, что мне будет приятно его убить, но чувствую, что нет. Впрочем, все равно: если мы оба поправимся, то надо начать снова].

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, стр. 249—250.

Покамест противник садился в сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили в карету, заранее приготовленную семейством его соперника на случай несчастия. Пушкин еще поглядел вслед удаляющегося врага и прибавил: „Мы не все кончили с ним“...

Анненков, I, стр. 427.

По пути домой.

Пушкин вспомнил про дуэль общего знакомого их, офицера московского полка Щербачева, стрелявшегося с Дороховым, на которой Щербачев был смертельно ранен в живот и, жалуясь на боль, сказал Данзасу: „Я боюсь, не ранен ли я так, как Щербачев“.

Данзас, стр. 27.

Камердинер взял его в охапку. „Грустно тебе нести меня?“

В. А. Жуковский. Конспективные заметки. Щеголев, стр. 285.

Камердинер Пушкина вынес его на руках из кареты, и раненый ласково спросил его: „Грустно тебе нести меня?“

Анненков, I, стр. 428.

* По приезде домой, однако ж, раненый почувствовал смерть и сказал: „Теперь я вижу, что я убит“.

И. Т. Калашников П. А. Словцову. ПС, VI, стр. 106.

* Он уже лежал на диване, когда она [Н. Н. Пушкина] вошла в кабинет, взял ее руки, поднес к губам своим и молвил: „Благодарю бога: я еще жив, и ты возле меня“.

Анненков, I, стр. 428.

Приезд его: мысль о жене и слова, ей сказанные: „Будь спокойна, ты ни в чем не виновата“.

А. И. Тургенев. Дневник. Щеголев, 3 изд., стр. 290.

Первые слова его жене... были следующие: „Как я счастлив! Я еще жив, и ты возле меня! Будь покойна! Ты не виновата; я знаю, что ты не виновата...“.

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 244.

Жена, пришедши в память, хотела войти, но он громким голосом закричал: „N'entrez pas“ [Не входите], ибо опасался показать ей рану...

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину (1-я ред.) [1].

В то время, когда его укладывали, жена, ни о чем не знавшая, хотела войти, но он громким голосом закричал: „N'entrez pas, il y a du monde chez moi“ [Не входите, у меня люди]. Он боялся ее испугать.

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину (печатн. ред.).

---

[1] Ср. Конспективные заметки В. А. Жуковского (Щеголев, стр. 285).

6 ч. 15 м.

...Увидев меня, дал мне руку и сказал: „Плохо со мною“. Мы осматривали рану, и г-н Задлер [1] уехал за нужными инструментами.

Больной громко и ясно спрашивал меня:

„Что вы думаете о моей ране — я чувствовал при выстреле сильный удар в бок и горячо стрельнуло в поясницу; дорогою шло много крови — скажите мне откровенно, как вы рану находили?“

„Не могу вам скрывать, что рана опасная“.

„Скажите мне — смертельна?“

„Считаю долгом вам это не скрывать, — но услышим мнение Арендта [2] и Саломона [3], за которыми послано“.

„Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi — (при сем рукою потер себе лоб) — il faut que j'arrange ma maison“ [Благодарю вас, вы действовали в отношении меня, как честный человек. Я должен устроить мои домашние дела].

Через несколько минут сказал: „Мне кажется, что много крови идет?“

Я осмотрел рану, — но нашлось, что мало, — и наложил новый компресс.

„Не желаете ли вы видеть кого-нибудь из близких приятелей?“

---

[1] Задлер Карл Карлович (1801 — 1877), доктор медицины, занимался изучением русской истории, главным образом эпохой Петра I.

[2] Арендт Николай Федорович (1785—1859), лейб-медик, состоявший по главному штабу и при государе, известный хирург. Николай I, узнав о ранении Пушкина, немедленно послал к нему Арендта, чтобы таким путем засвидетельствовать официальное участие.

[3] Фон-Саломон Христиан (1797 — 1851), профессор хирургии и доктор.

„Прощайте, друзья!“ (сказал он, глядя на библиотеку).

„Разве вы думаете, что я часа не проживу?“

„О, нет, не потому, но я полагал, что вам приятнее кого-нибудь из них видеть... Господин Плетнев здесь“.

„Да,— но я бы желал Жуковского.— Дайте воды, меня тошнит“.

В. Б. Шольц[1]. *Записка.* Щеголев.

„Плохо со мною“, сказал он, подавая руку Шольцу. Его осмотрели, и Задлер уехал за нужными инструментами.

Оставшись с Шольцем, Пушкин спросил:

„Что вы думаете о моем положении, скажите откровенно?“

„Не могу от вас скрыть, вы в опасности“.

„Скажите лучше, умираю“.

„Считаю долгом не скрывать и того. Но услышим мнение Арендта и Саломона, за которыми послано“.

„Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi,—сказал Пушкин, замолчал, потер рукою лоб, потом прибавил: — il faut que j'arrange ma maison“ [Благодарю вас, вы действовали в отношении меня, как честный человек. Я должен устроить мои домашние дела].

„Не желаете ли видеть кого из ваших ближних?“ спросил Шольц.

„Прощайте, друзья“, сказал Пушкин, обратив глаза на свою библиотеку.

С кем он прощался в эту минуту: с живыми ли друзьями, или мертвыми — не знаю.

Он, немного погодя, спросил:

„Разве вы думаете, что я часа не проживу?“

„О, нет, но я полагал, что вам будет приятно увидеть кого-нибудь из ваших. Господин Плетнев здесь“.

„Да, но я желал бы и Жуковского. Дайте мне воды: тошнит“.

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину.

---

[1] Фон-Шольц Вильгельм (Василий) Богданович, доктор медицины, лейб-акушер (1798 – 1860), врач Воспитательного дома, помещавшегося на р. Мойке, 2 Адмиралтейской части, между Синим и Красным мостами, т.-е. поблизости от квартиры Пушкина.

„Благодарю вас, — сказал он тут Шольцу, — что вы сказали мне правду, как честный человек. Теперь займусь делами моими".

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 244.

7 часов.

С изумлением я узнал об опасном положении Пушкина. „Что, плохо?" сказал мне Пушкин, подавая руку. Я старался его успокоить. Он сделал рукою отрицательный знак, показывавший, что он ясно понимал опасность своего положения. „Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, не скрывайте от нее в чем дело, она не притворщица; вы ее хорошо знаете; она должна все знать. Впрочем, делайте со мною, что вам угодно, я на все согласен и на все готов". Врачи, уехав, оставили на мои руки больного. Он исполнял все врачебные предписания. По желанию родных и друзей П[ушкина], я сказал ему об исполнении христианского долга. Он тот же час на то согласился. „За кем прикажете послать", спросил я. „Возьмите первого ближайшего священника", отвечал П[ушкин]. Послали за отцом Петром, что в Конюшенной. Больной вспомнил о Грече. „Если увидите Греча,— молвил он, — кланяйтесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере" [1].

И. Т. Спасский [2]. *Последние дни А. С. Пушкина. Рассказ очевидца* (2 февраля 1837 г.). „Библ. Зап." 1859, № 18, стр. 556.

---

[1] Утром, в день дуэли, Пушкин получил пригласительный билет на похороны сына Н. И. Греча—Николая Николаевича, скончавшегося 25 января 1837 г.

[2] Спасский Иван Тимофеевич (1795 — 1861), доктор медицины, домашний врач Пушкиных.

„Плохо мне“, сказал Пушкин, когда подошел к нему Спасский. Спасский старался его успокоить, но Пушкин махнул отрицательно. С этой минуты он как будто перестал заботиться о себе, и все его мысли обратились на жену.

„Не давайте излишних надежд жене, — говорил он Спасскому, — не скрывайте от нее, в чем дело, она не притворщица; вы ее хорошо знаете; впрочем, делайте со мною, что хотите, я на все согласен, на все готов“...

Всякий раз, как она входила или только останавливалась у дверей, он чувствовал ее присутствие.

„Жена здесь? — говорил он. — Отведите ее“.

Он боялся допускать ее к себе, ибо не хотел, чтобы она могла заметить его страдания, кои с удивительным мужеством пересиливал.

„Что делает жена? — спросил он однажды у Спасского. — Она, бедная, безвинно терпит! В свете ее заедят“...

Накануне получил он пригласительный билет на погребение Гречева сына. Он вспомнил об этом посреди своего страдания.

„Если увидите Греча, — сказал он Спасскому, — поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участие в его потере“.

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину.

8 час. веч.

Расставаясь с ним, Арендт сказал ему: „Еду к государю; не прикажете ли что сказать ему?“.

„Скажите, — отвечал Пушкин, — что умираю и прошу у него прощения за себя и за Данзаса...“

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 244.

Идя к государю, Арендт спросил Пушкина, не хочет ли он передать ему что-нибудь. „Скажите государю, что умираю и что прошу прощения у него за себя и за Данзаса“.

Кн. П. А. Вяземский в. кн. Михаилу Павловичу. ИВ 1905, I, стр. 183.

8—9 час. веч.

Когда я к нему вошел, он спросил, что делает жена? Я отвечал, что она несколько спокойнее. „Она, бедная, безвинно терпит и может еще потерпеть во мнении людском, — возразил он; — не уехал еще Арендт?“ Я сказал, что доктор А[рендт] еще здесь. „Просите за Данзаса, за Данзаса, он мне брат“. Желание П[ушкина] было передано доктору А[рендту] и лично самим больным повторено... Я спросил П[ушкина], не угодно ли ему сделать какие-либо распоряжения. „Все жене и детям, — отвечал он; — позовите Данзаса“. Д[анзас] вошел. П[ушкин] захотел остаться с ним один.

И. Т. Спасский. „Библ. Зап.“ 1859, № 18, стр. 556.

Danzass... lui disait, qu'il était prêt à le venger de celui qui l'a frappé. „Non, non, répondit-il, — paix, paix“ [Данзас... сказал ему, что он готов отомстить тому, кто его ранил. „Нет, нет, — возразил он, — успокойтесь, успокойтесь“].

А. Н. Веневитинова[1] С. Л. Пушкину (8 апреля 1837 г.). ПС, VIII, стр. 67.

...Когда Данзас упомянул о Геккерене, он [Пушкин] сказал: „Не мстить за меня! Я все простил!“

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину.

---

[1] Веневитинова Анна Николаевна, р. кн. Оболенская (1782—1841), дальняя родственница Пушкиных, мать поэта Д. В. Веневитинова.

Данзас... спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь, в случае смерти, касательно Геккерена?

„Требую, — отвечал он [Пушкин] ему, — чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином".

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 246.

Когда Пушкин после роковой дуэли лежал на смертном одре и к нему пришел его секундант Данзас, то больной попросил его подать ему какую-то небольшую шкатулочку. Из нее он вынул бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказал:

„Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг, Нащокин. Это — талисман от насильственной смерти [1]".

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени" 1898, № 8125, стр. 7.

В последнее посещение Пушкина (весной 1836 г.) Нащокин настоял, чтобы Пушкин принял от него... кольцо от насильственной смерти... По свидетельству Данзаса, он не носил его во время дуэли, а на смертном одре сказал Данзасу, чтобы он подал ему шкатулку, вынул из нее это бирюзовое кольцо и отдал Данзасу, прибавивши: „Оно от общего нашего друга".

П. В. Нащокин по записи *П. И. Бартенева.* Бартенев, стр. 41 [1].

Иногда, но редко, подзывает к себе жену и сказал ей: „Будь спокойна, ты невинна в этом".

А. И. Тургенев А. И. Нефедьевой. ПС, VI, стр. 50.

---

[1] Ср. рассказ в сб. „XIX век", стр. 393, и письмо Н. Н. Пушкиной к В. А. Нащокиной в журн. „Искусство" (1923, № 1, стр. 326).

Около 12 час. ночи.

*Прежде получения письма государя, сказал: „Жду царского слова, чтобы умереть спокойно“, и еще: „Жаль, что умираю; весь его бы был“.

А. И. Тургенев—неизвестному.
ПС, VI, стр. 54 [1].

Ночь с 27 на 28 января.

Больной испытывал ужасную муку. Но и тут необыкновенная твердость его души раскрылась в полной мере. Готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтобы жена не услышала, чтоб ее не испугать. „Зачем эти мучения, — сказал он, — без них я бы умер спокойно“. Наконец, боль, повидимому, стала утихать, но лицо его выражало глубокое страдание... „Жену, просите жену“, сказал П[ушкин]. Она с воплем горести бросилась к страдальцу... Я спросил его, не хочет ли он видеть своих друзей. „Зовите их“, отвечал он...

„Что сказать от тебя царю?“ спросил Жуковский.

„Скажи, жаль, что умираю, весь его бы был“, отвечал Пушкин...

Я взял больного за руку и щупал его пульс. Когда я оставил его руку, то он сам приложил пальцы левой своей руки к пульсу правой, томно, но выразительно взглянул на меня и сказал: „Смерть идет“...

---

[1] Подлинность как этого, так и нижеследующих высказываний Пушкина, по поводу Николая I, подвергается большому сомнению. Повидимому, они были придуманы его друзьями с тем, чтобы добиться лучшего обеспечения семьи Пушкина. Кроме работ П. Е. Щеголева, см. статью Ю. Г. Оксмана в сб. „Новые материалы о дуэли“.

Приезда Арендта он ожидал с нетерпением. „Жду слова от царя, чтобы умереть спокойно“...

И. Т. Спасский. „Библ. Зап.“ 1859, № 18, стр. 557.

* Кажется, Виельгорскому [1] сказал он однажды: „Жду Арендта и царского слова, чтобы умереть спокойно“.

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 245.

Это были душу раздирающие два дня; Пушкин страдал ужасно, он переносил страдания мужественно, спокойно и самоотверженно и высказывал только одно беспокойство, как бы не испугать жены. „Бедная жена, бедная жена!“ восклицал он, когда мучения заставляли его невольно кричать.

Кн. П. А. Вяземский в. кн. Михаилу Павловичу. ИВ 1905, I, стр. 183.

...Il [А. В. Веневитинов] [2] vous dira certainement combien votre fils était occupé de vous dans ses dernieres mtes [Он вам расскажет, конечно, насколько ваш сын был озабочен мыслию о вас в свои последние минуты], „бедный, бедный отец, как ему будет грустно“ [3].

А. Н. Веневитинова С. Л. Пушкину (8 апреля 1837 г.). ПС, VIII, стр. 66.

---

[1] Виельгорский граф Михаил Юрьевич (1788—1856), камер-юнкер, большой знаток музыки и композитор, близкий друг Пушкина.

[2] Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872), брат поэта; в это время он, в чине надворного советника, служил в Министерстве внутренних дел.

[3] Слова эти были обращены к Е. А. Карамзиной, жене историографа.

10 час. утра.

[Написано в квартире Пушкина].

Сегодня впустили в комнату жену, но он не знает, что она близ его кушетки и недавно спросил, при ней, у Данзаса: думает ли он, что он сегодня умрет, прибавив: „Я думаю, по крайней мере, желаю. Сегодня мне спокойнее, и я рад, что меня оставляют в покое; вчера мне не давали покоя".

А. И. Тургенев А. И. Нефедьевой. ПС, VI, стр. 51.

11 час. 30 мин.

...Опять призывал жену, но ее не пустили; ибо после того, как он сказал ей: „Arndt m'a condamné, je suis blessé mortellement" [Арендт меня приговорил, я ранен смертельно], она, в нервическом страдании, лежит в молитве перед образами. Он беспокоился за жену, думая, что она ничего не знает об опасности, и говорит, что „люди заедят ее, думая, что она была в эти минуты равнодушною": это решило его сказать ей об опасности.

А. И. Тургенев—неизвестному. ПС, VI, стр. 54.

11 час. утра.

* Император написал собственноручно карандашом записку к поэту следующего содержания: „Если хочешь моего прощения (за дуэль, вероятно) и благословения, прошу тебя исполнить последний долг христианина. Не знаю, увидимся ли на сем свете. Не беспокойся о жене и детях; я беру их на свои руки". Пушкин был тронут, послал за духовником, исповедался, причастился и, призвав посланного госу-

дарева, сказал ему: „Доложите императору, что, пока еще вы были здесь, я исполнил желание его величества и что записка императора продлит жизнь мою на несколько часов. Жалею, что не могу жить, — сказал он потом друзьям своим, окружающим умирающего, — отныне жизнь моя была бы посвящена единственно государю“. Жене своей он говорил: „Не упрекай себя моей смертью; это дело, которое касалось одного меня“.

В. А. Муханов[1]. *Дневник* (1 февраля 1837 г.). „Московский Пушкинист“, I, стр. 49—50.

* „Скажите государю, — говорил Пушкин Арендту, — что жалею о потере жизни, потому что не могу изъявить ему мою благодарность, что я был бы весь его!“ (Эти слова слышаны мною и врезались в память и сердце мое...).

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 244.

„Простил ли царь моего Данзаса?“ спросил Пушкин у Арендта...

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 244.

* Жук[овский]. — Государь приказал тебе сказать, Пушкин, чтобы ты был спокоен и ни о чем не заботился; жена и дети будут призрены.

Пушк[ин]. — „Благодарите государя; скажите ему, что я умираю спокойно. Я молю [?], чтобы он долго, долго жил и был счастлив счастием народа своего и счастием сына“. Просит государя за Данзаса.

В. И. Даль. Черновик записки о болезни и смерти Пушкина. Новые материалы о дуэли, стр. 111.

* Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя... „Вот как я утешен! — сказал он. — Скажи государю, что я желаю ему

---

[1] Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876), камер-юнкер, знакомый Пушкина.

долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастия в сыне, что я желаю ему счастия в его России".

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину.

* Несколько раз Пушкин повторял: „Отдайте мне это письмо, я хочу умереть с ним. Письмо! Где письмо?"

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину.

Пушкин впускал к себе только самых коротких своих знакомых, хотя всеми интересовался: беспрестанно спрашивал, кто был у него в доме, и говорил: „Мне было бы приятно видеть их всех, но у меня нет силы говорить с ними".

Данзас, стр. 33.

En prenant congé de ses amis, qui tous entouraient son lit en sanglotant, il a dit: „Карамзиных здесь нет? On a fait tout de suite chercher m-me Карамзин, qui est arrivée au bout de quelques instants. En la voyant il lui a dit d'une voix faible mais distincte: „Благословите меня" et comme elle le bénissait de loin, il lui a fait signe d'approcher, il a baisé sa main [Прощаясь с друзьями, которые, все рыдая, стояли у его постели, он спросил: „Карамзиных здесь нет?" Тотчас же послали за г-жей Карамзиной [1], которая через несколько минут и приехала. Увидев ее, он сказал слабым, но явственным голосом: „Благословите меня". Когда же она благословила его издали, он знаком попросил ее подойти и поцеловал ее руку].

Кн. Е. Н. Мещерская (дочь Н. М. Карамзина). *Письмо.* Грот, стр. 259.—Ср. Ст. и Нов. VI, стр. 21.

---

[1] Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851), жена историографа, сестра кн. П. А. Вяземского, с которой Пушкин был очень близок с юношеских лет.

Узнав от Данзаса о приезде Катерины Андреевны Карамзиной... Пушкин пожелал с нею проститься и, посылая за нею Данзаса, сказал: „Я хочу, чтобы она меня благословила“.

Данзас, стр. 33—34.

Полдень.

Около часу приехал доктор Даль. Пушкин просил его войти и, встречая его, сказал:

„Мне приятно вас видеть не только как врача, но и как родного мне человека по общему нашему литературному ремеслу“...

Нашли полезным поставить ему пиявки. Пушкин сам помогал их ставить; смотрел, как они принимались и приговаривал: „Вот это хорошо, это прекрасно“.

Через несколько минут потом Пушкин, глубоко вздохнув, сказал: „Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина [1], ни Малиновского [2], мне бы легче было умирать“.

Данзас, стр. 34—35.

После 2 час. дня.

Я подошел к болящему — он подал мне руку, улыбнулся и сказал: „Плохо, брат!“... Пушкин положительно отвергал утешения наши и на слова мои: „Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!“ отвечал: „Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!“

В. И. Даль. Записка. „Медицинская Газета“ 1860, № 49.

---

[1] Пущин Иван Иванович, см. выше, стр. 12—13.

[2] Малиновский Иван Васильевич (1796 — 1873), лицейский товарищ Пушкина, сын первого директора Лицея; в 1837 г. жил у себя в деревне.

„Кто здесь?“ спросил он Спасского и Данзаса. Назвали меня и Вяземского. „Позовите“, сказал он слабым голосом.

В. А. Жуковский С. Л. Пушкину.

Ночь с 28 на 29 января.

... Спрашивал: „Который час“ и на ответ мой продолжал отрывисто и с расстановкой: „Долго ли мне так мучиться! Пожалуйста, поскорей!“

В. И. Даль. Записка. „Медицинская Газета“ 1860, № 49.

„Ах, какая тоска! — восклицал он иногда, закидывая руки на голову, — сердце изнывает!“ Тогда просил он поднять его, поворотить на бок или поправить подушку — и, не дав кончить этого, останавливал обыкновенно словами: „Ну, так, так — хорошо; вот и прекрасно и довольно; теперь очень хорошо!“ Или: „Постой, не надо, потяни меня только за руку — ну, вот и хорошо и прекрасно!“ ... „Кто у жены моей? — спросил он между прочим. Я отвечал: „Много добрых людей принимают в тебе участие. Зала и передняя полны с утра до ночи“. — „Ну, спасибо, — отвечал он, — однако же пойди скажи жене, что все слава богу легко; а то ей там, пожалуй, наговорят!“

В. И. Даль. Щеголев, стр. 201—202.

28 — 29 января.

У меня крепко пожал он руку и сказал: „Прости, будь счастлив“.

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 245.

... Когда доктора обещали ему хорошие последствия от лекарств, он отвечал им: „Дай бог, дай бог!“

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. РА 1879, II, стр. 245.

29 января, позднее утро.

П[ушкин]... взял меня за руку и спросил: „Никого тут нет?“ — „Никого“, отвечал я.—„Даль, скажи же мне правду, скоро ли я умру?“ — „Мы за тебя надеемся, Пушкин,— сказал я, — право, надеемся“. Он пожал мне крепко руку и сказал: „Ну, спасибо!“ Но, повидимому, он однажды только и обольстился моею надеждою: ни прежде, ни после этого он не верил ей, спрашивал нетерпеливо: „Скоро ли конец? — и прибавлял еще: — пожалуйста, поскорее!“ Я налил и поднес ему рюмку касторового масла. „Что это?“ — Выпей это, хорошо будет, хотя, может быть, на вкус и дурно. — „Ну, давай, — выпил и сказал: — а это касторовое масло?“ — Оно, да разве ты его знаешь? — „Знаю, да зачем же оно плавает по воде? Сверху масло, внизу вода“. — Все равно там (в желудке) перемешается. — „Ну, хорошо, и то правда“. ... Когда тоска и боль его одолевали, он крепился усильно и на слова мои: „Терпеть надо, любезный друг, делать нечего, но не стыдись боли своей, стонай, тебе будет легче“ — отвечал отрывисто: „Нет, не надо стонать; жена услышит; и смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил, не хочу“.

В. И. Даль. Щеголев, стр. 202.

Полдень.

Нередко на вопрос: не угодно ли вам видеть жену, или кого-либо из друзей, — он отвечал: „Я позову“.

И. Т. Спасский. „Библ. Зап.“ 1859, № 18.

12 час. дня.

... Теперь я опять входил к нему; он страдает, повторяя: „Боже мой, боже мой! Что это!“ Сжимает кулаки в конвульсии.

А. И. Тургенев [А. И. Нефедьевой?]. ПС, VI, стр. 54.

1 час дня.

... Сейчас сказал доктору и поэту Далю, автору Курганного казака, который от него не отходит: „Скажи, скоро ли это кончится? Скучно!“

А. И. Тургенев А. И. Нефедьевой. ПС, VI, стр. 52.

1—2 часа дня.

Пушкин сам себе пощупал пульс, махнул рукою и сказал: „Смерть идет“.

А. И. Тургенев [А. И. Нефедьевой?]. ПС, VI, стр. 54.

... Он... щупал пульс свой и говорил: „Вот смерть идет“.

Кн. П. А. Вяземский А. Я. Булгакову.

2 часа дня.

„Опустите сторы, я спать хочу“, сказал он сейчас.

А. И. Тургенев А. И. Нефедьевой. ПС, VI, стр. 53.

2 часа 35 мин. пополудни.

[Пушкин сказал]: „Нет, мне не жить и не житье здесь. Я не доживу до вечера — и не хочу жить. Мне остается только — умереть“.

В. И. Даль. Черновики записки. Новые материалы о дуэли, стр. 112.

Прощаясь с женою, Пушкин сказал ей: „Vas en campagne, porte mon deuil pendant deux années, puis remaries-toi, mais pas avec un chenapan“. [Отправляйся в деревню, носи траур по мне в течение двух лет, потом выйди замуж, но только не за шалопая].

Рассказы Вяземских о Пушкине. РА 1888, II, стр. 311.

[Е. А. Долгорукова] слышала, как Пушкин уже перед самою кончиною говорил жене: „Porte mon deuil pendant deux ou trois années. Tâche qu'on t'oublie. Puis remarie-toi, mais pas avec un chenapan“. [Носи по мне траур два или три года. Постарайся, чтоб забыли про тебя. Потом выходи замуж, но не за шалопая].

П. И. Б[артенев]. О последних днях Пушкина. РА 1908, III, стр. 295.

По ее [Н. Н. Пушкиной] объяснению, Пушкин на смертном одре сказал ей: „Если ты вздумаешь выходить замуж, посоветуйся с Нащокиным, потому что это был мой истинный друг“.

В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени“ 1898, № 8129, стр. 6.

2 часа 45 м. пополудни.

П[ушкин] раскрыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал внятно: „Позовите жену, пусть она меня покормит“ ... Наталья Николаевна опустилась на колени у изголовья смертного одра, поднесла

ему ложечку, другую — и приникла лицом к челу отходящего мужа. П[ушкин] погладил ее по голове и сказал: „Ну, ну, ничего, слава богу, все хорошо“.

В. И. Даль. Щеголев, стр. 203.

П[ушкин] за 5 минут до кончины призывал жену, чтобы она покормила его морошкой. Она стала на колени, дала ему ложечку. Он погладил ее по голове и проговорил: „Ну, ничего, ничего, слава богу, хорошо“.

В. И. Даль. Черновик записки.
Новые материалы о дуэли, стр. 112.

Незадолго до смерти ему захотелось морошки. Наскоро послали за этой ягодой. Он с большим нетерпением ее ожидал и несколько раз повторял: „Морошки, морошки“. Наконец, привезли морошку. „Позовите жену, — сказал П[ушкин],— пусть она меня накормит“. Он съел 2 — 3 ягодки, проглотил несколько ложечек соку морошки, сказал: „Довольно“ и отослал жену...

И. Т. Спасский. „Библ. Зап.“
1859, № 18, стр. 558.

Сию минуту я входил к нему, видел его, слышал, как он кряхтит; ему надевали рукава на руки; он спросил: „Ну, что, кончено?“

Даль отвечал: „Кончено“, но после, подумав, что он о себе говорит, Даль спросил его: „Что́ кончено?“ Пуш[кин] отвечал: „Жизнь“. Ему сказали, что его перекладывали и что кончали надевание рукава.

А. И. Тургенев А. Я. Булгакову.
ПС, VI, стр. 55.

... Умирающий несколько раз, подавал мне руку, сжимал ее и говорил: „Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше! Ну, пойдем!“ Опамятовавшись, сказал

он мне: „Мне было пригрезилось, что я с тобой лечу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась“. Раза два присматривался он пристально на меня и спрашивал: „Кто это? Ты?“ — Я, друг, мой. — „Что это, — продолжал он, — я не мог тебя узнать?“ Немного погодя, он опять, не раскрывая глаз, стал искать мою руку и, потянув ее, сказал: „Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!“

В. И. Даль. Щеголев, стр. 203—204.

... Забывшись, вдруг спросил: „Что, кончено?“ — Что кончено? — „Жизнь!“ — Нет еще. — „О, пожалуйста, поскорее!“

В. И. Даль. Черновик записки. Новые материалы о дуэли, стр. 112.

За несколько минут до смерти он попросил приподнять себя и перевернуть на другой бок.

„Жизнь кончена“, сказал он.

„Что такое?“ спросил Даль, не расслышав.

„Жизнь кончена, — повторил Пушкин, — мне тяжело дышать“.

А. В. Никитенко. Записки и дневник, I, стр. 287.

... Dix minutes avant d'avoir rendu le dernier soupir, comme il sentait le froid de la mort pénetrer peu a peu ses membres, il a dit: „Все кончено“, et comme on n'avait pas compris ce qu'il voulait dire, un de ses amis a demandé: „Что кончено?“ — „Жизнь кончена“, a-t-il répondu avec une voix claire et distincte [Минут за 10 до неизбежного исхода, чуствуя распространявшийся по членам его холод смерти, он сказал: „Все кончено“. Не расслышав этих слов, кто-то из друзей спросил: „Что кончено?“—„Жизнь кончена“, отвечал он, совершенно внятно и ясно].

Кн. Е. Н. Мещерская неизвестному. Грот, стр. 259.

Последние минуты его были, что он сказал доктору Далю пере вязать повязку. Пока тот его поправлял, Пушкин сказал: „Готово“, на что Даль тоже сказал готово. „Нет, — возразил Пушкин, — не перевязка, а смерть, она идет“. Потом сказал: „Прощайте, друзья, прощай, свет“ ...

А. П. Языков А. А. Катенину (1 февраля 1837 г.). Описание Пушкинского музея имп. Александровского лицея, СПб. 1899, стр. 453.

Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: „Кончена жизнь“. Я не дослышал и спросил тихо: „Что кончено?“ — „Жизнь кончена“, отвечал он внятно и положительно. „Тяжело дышать, давит“, были последние слова его.

В. И. Даль. Щеголев, стр. 204.

Минут за пять до смерти, П[ушкин] просил поворотить его на правый бок. Даль, Данзас и я исполнили его волю: слегка поворотили его и подложили к спине подушку. „Хорошо“, — сказал он и потом несколько погодя, промолвил: „Жизнь кончена“. — „Да, кончено, — сказал доктор Даль, — мы тебя поворотили“. — „Кончена жизнь“, возразил тихо П[ушкин]. Не прошло нескольких мгновений, как П[ушкин] сказал: „Теснит дыхание“. То были последние его слова.

И. Т. Спасский. „Библ. Зап.“ 1859, № 18, стр. 558.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Любимые выражения Пушкина

„Очень хорошо!“ (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь).

Н. И. Греч. Биографический очерк Ф. В. Булгарина. РС 1871, № 11, стр. 501.

...Пушкин говорил часто: „Злы только дураки и дети“.

А. П. Керн. Воспоминания. РС 1880, № 1, стр. 144.

Достаточно видно, как много бедный Пушкин настрадался смолоду от своих родных и друзей. Не даром он любил повторять слова французского героя: „Защити меня, господи, от моих друзей, а врагов я беру на себя“.

Кн. П. П. Вяземский. Сочинения, стр. 481.

Пушкин любил... повторять: „Il n’y a du bonheur que dans les voies communes“ [Счастье бывает только при общности взглядов] [1].

П. Б[артенев]. РА 1871, стр. 1882.

---

[1] Ср. Chateaubriand. „Atala, René“ ... Paris, 1830, стр. 179.

„Поэты — сверхкомплектные жители света!“ сказал Пушкин.

П. Л. Яковлев. Публ. И. А. Кубасов. РС 1903, № 7, стр. 214.

„Вот было бы любо“, как говорил Пушкин.

Ст. и Нов. IV, стр. 61.

„Войди в мое положение“ (как любил говаривать... Пушкин).

П. А. Плетнев Я. К. Гроту. „Переписка“, II, стр. 484.

Выражение Пушкина про небо с кучерявыми редкими облаками: „Небо простоквашею“.

Из записной книжки „Русского Архива“. РА 1907, III, стр. 619.

Из всего Озерова затвердил он одно полустишие: „Я Бренского не вижу“.

Во время одной из своих молодых страстей — это было весною — он почти ежедневно встречался в Летнем саду с тогдашним кумиром своим. Если же в саду ее не было, он кидался ко мне или к Плетневу и жалобным голосом восклицал:

„Где Бренский? — Я Бренского не вижу!“

Разумеется, с того времени и красавица пошла у нас под прозванием Бренской.

Кн. П. А. Вяземский, I стр. 58.

„Публика — не шестнадцатилетняя девочка“, говорил некогда Пушкин.

Ст. и Нов. IV, стр. 211.

Пушкин часто говаривал мне: „Le public a du bon sens!“ [Толпа имеет здравый смысл] и однажды примолвил: „mais en fait de goût assez souvent [но в отвошении вкуса] — ни гугу!“

Бар. Е. Ф. Розен. Ссылка на мертвых. „Сын Отечества“ 1847, июнь, отд. III, стр. 27—28.

Ал. Львовича Давыдова... Пушкин так удачно назвал: „Рогоносец величавый“.

И. Д. Якушкин. Записки, М. 1905, стр. 49.

... Дурно, дурно Брат Александр Андреевич — как говорил Пушкин] [1].

А. Н. Вульф. Дневник. ПС, XXI — XXII, стр. 96.

У Ралли или Земфираки (прозвище, производное от Земфиры) кроме трех сыновей... было две дочери: одна Екатерина Захарьевна, лет 22, была замужем за колл. сов. Апостолом Константиновичем Стамо, имевшем более 50 лет. Пушкин прозвал его „bélier conducteur“ [Вожатый баран], и, действительно, физиономия его как-то схожа была с бараньей.

Прим. ред. к *Воспоминаниям Ралли-Арборе.* „Минувшие Годы“ 1908, № 7, стр. 6.

Любила она [кн. В. Ф. Вяземская] вспоминать о Пушкине, с которым была в тесной дружбе, чуждой всяких церемоний. Бывало зайдет к ней поболтать, посидит

[1] Перефразировка слов Фамусова из „Горя от ума“ (действ. II, явл. 3).

и жалобным голосом попросит: „Княгиня, позвольте уйти на суденышко“ и, получив разрешение, уходил к ней в спальню за ширму.

Ст. и Нов. VI, стр. 331.

Княгиню Е. К. Воронцову Пушкин звал *la princesse* B e l v e t r i l l e. Это оттого, что однажды в Одессе она, глядя на море, твердила известные стихи:

Не белеют ли ветрила,
Не плывут ли корабли?

О подробностях своего одесского житья Пушкин не любил вспоминать, но говорил иногда с сочувствием об Одессе, называя ее „летом песочница, зимой чернильница“...

А. О. Россет по записи *П. И. Бартенева.* РА 1882, I, стр. 246.

[И. М. Рокотова] Александр до сих пор называет... „le jeune écervelé“ [молодой повеса], а какой же он младенец? Саша не может простить многие случаи рассеянности этого вертопраха и его болтовни.

Н. О. Пушкина О. С. Павлищевой. „Речь“ 1911, № 142, стр. 2.

Когда Гнедич [1] получил место библиотекаря при императорской Публичной библиотеке, он переехал на казенную квартиру. К нему явился Гоголь поздравить с новоселием.

„Ах, какая славная у вас квартира“, воскликнул он с свойственной ему ужимкою.

---

[1] Гнедич Николай Иванович (1784—1833), поэт, переводчик „Илиады“ Гомера.

„Да, — отвечал высокомерно Гнедич: — посмотри на стенах краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубец!“

Подивившись чудной краске, Гоголь отправился к Пушкину и рассказал ему о великолепии голубца. Пушкин рассмеялся своим детским смехом, и с того времени, когда хвалил какую-нибудь вещь, нередко приговаривал: „Да, эта вещь не простая, чистый голубец“.

Гр. В. А. Соллогуб. Воспоминания, СПб. 1887, стр. 6.

Пушкин в эту зиму бывал часто мрачным, рассеянным и апатичным. В минуты рассеянности он напевал какой-нибудь стих и раз был очень забавен, когда повторял беспрестанно стих барона Розена: „Неумолимая, ты не хотела жить!“, передразнивал его и голос и выговор.

А. П. Керн. Воспоминания. РС 1880, № 1, стр. 145.

...Пушкин писал „Полтаву“ и, полный ее поэтических образов и гармонических стихов, часто входил ко мне в комнату, повторяя последний написанный им стих; так, он раз вошел, громко произнося: „Ударил бой, полтавский бой!“ Он это делал всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему или почему-нибудь запавший ему в душу. Он, например, в Тригорском беспрестанно повторял: „Обманет, не придет она!..“

А. П. Керн. Воспоминания. РС 1880, № 1, стр. 142.

...Один раз мы восхищались его тихою радостью, когда он получил от какого-то помещика, при любезном письме, охотничий рог на бронзовой цепочке, который

ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: „Charmant! charmant!“ [прелестно, прелестно].

А. П. Керн. Воспоминания. РС 1879, № 10, стр. 322.

Пушкин говаривал про Д. В. Давыдова: „Военные уверены, что он отличный писатель, а писатели про него думают, что он отличный генерал“.

Со слов *кн. А. Ф. Голицына-Прозоровского.* РА 1899, II, стр. 355.

„Heureux à force de vanité“ [самодоволен в суетности], говаривал про него [Чаадаева]... Пушкин.

Бартенев, II, стр. 392.

[Пушкин говорил о стихах Н. М. Языкова, что они] „стоят дыбом“.

Д. В. Давыдов Н. М. Языкову. РС 1884, № 7, стр. 143.

П[ушкин] решительно поддался мистификации Меримэ [1], от которого я должен был выписать письменное подтверждение, чтобы уверить [Пушкина] в истине пересказанного мной ему, чему он не верил и думал, что я ошибаюсь. После этой переписки П[ушкин] часто рассказывал об этом, говоря, что Меримэ не одного его

---

[1] Меримэ Проспер (1803—1870), французский писатель, член французский Академии. Речь идет о вышедшей в Страсбурге в 1827 г. его книге под заглавием: „Guzla“, наделавшей много шума в Европе и считающейся образцом ловкой и остроумной подделки народных песен. Пушкин поверил в подлинность этих песен и часть их перевел („Песни западных славян“, 1833).

надул, но что этому поддался и Мицкевич. C'est donc en très bonne compagnie, que je me suis laissé mystifier [значит я позволил себя мистифицировать в хорошем обществе], прибавлял он всякий раз.

С. А. Соболевский М. Н. Лонгинову (1855 г.). Публ. М. Д. Беляева. ПС, XXXI — XXXII, стр. 42.

Пушкин говорил про Николая Павловича: „Хорош, хорош, а на тридцать лет дураков наготовил".

Из записной книжки „Русского Архива". РА 1910, III, стр. 158.

...Пушкин, лежа на диване, заложив руки под голову и закрыв глаза, повторял: „И замереть, и умереть можно".

Н. И. Куликов. Пушкин и Нащокин. РС 1881, № 8, стр. 613.

О деньгах: „Люблю играть этой мелочью... Но беречь ее не люблю... поиграю и пускаю в ход, ходячая монета!"

Н. И. Куликов. Пушкин и Нащокин. РС 1881, № 8, стр. 612.

Я помню частые возгласы поэта: „Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье!"

В. А. Нащокин'а. Воспоминания о Пушкине и Гоголе. Иллюстр. прил. к „Новому Времени" 1898, № 8115, стр. 6.

Жену свою Пушкин иногда звал: „Моя Косая мадонна".

Кн. В. Ф. и П. А. Вяземские. О Пушкине. РА 1888, II, стр. 311.

Пушкин не даром сказал, поощряя всякие дневники, мемуары, записки: „Помните, господа, что ваше слово, пока вы живы, много, много значит“.

Н. В. Берг. Записки. РС 1892, № 3, стр. 651.

Я не забыл завета Пушкина, что „приязнь и дружбу создал бог, а литературу и критиков мы сами выдумали“.

А. А. Краевский кн. В. Ф. Одоевскому (2 ноября 1837 г.). РС 1904, № 6, стр. 570.

Он верил в простодушие гениев и сам доказал и испытал это на опыте. „Таким, как бог создал меня, хочу всегда казаться“, говорил он.

В. Ф. Щетинин. Пушкин, стр. 45.

2. Из детских лет Пушкина

Раз на прогулке он, не замеченный никем, отстал от общества и преспокойно уселся посереди улицы. Сидел он так до тех пор, пока не заметил, что из одного дома кто-то смотрит на него и смеется. „Ну, нечего скалить зубы!“ сказал он с досадой и отправился домой.

М. Макаров (цит. Анненков, I, стр. 12). — Ср. РС 1879, № 6, стр. 372—373.

В доме у Пушкиных, в Захарове, жила больная их родственница, молодая помешанная девушка. Полагая, что ее можно вылечить испугом, родные, проведя рукав пожарной трубы в ее окно, хотели обдать ее внезапной

душью. Она, действительно испугалась и выбежала из своей комнаты. В то время Пушкин возвращался с прогулки из рощи. „Mon frère, — закричала помешанная, — on me prend pour un incendie!“ [Братец, меня принимают за пожар].

„Не за пожар, а за цветок! — отвечал Пушкин. — Ведь и цветы в саду поливают из пожарной трубы“.

П. И. Бартенев. „Московские Ведомости“ 1854, № 71.

Рассказ Пушкина П. В. Нащокину. [П. П. Каратыгин]. А. С. Пушкин. РС 1879, № 6, стр. 375.

Раз Ольга Сергеевна нашалила что-то, прогневала матушку ... Мамаша приказывает ей прощенья просить, а она и не думает, не хочет. Ее, матушку мою, в затрапезное платьице одели, за стол не сажают, — на хлеб-на воду, — и запретили братцу к ней даже подходить и говорить. А она нравная такая была, — повешусь, говорит, а прощенья просить не стану. — А Александр-то Сергеевич что же придумал: разыскал где-то гвоздик, да и вбивает в стенку. — „Что это, спрашиваю, вы делаете, сударь?“ — „Да сестрица, — говорит, — повеситься собирается, так я ей гвоздик приготовить „хочу“... да и засмеялся, — известно, понял, что она капризничает, да и стращает нас только.

Д. Воспоминания из детства А. С. Пушкина со слов помощницы няни у Пушкиных. „Всеобщая Газета“ 1869, № 60, стр. 3.

...Однажды мне И. И. Дмитриев[1] сказал: „Посмотрите, ведь это настоящий арабчик“. Дитя рассмеялось и, обо-

[1] И. И. Дмитриев был рябой.

ротясь к нам, проговорило очень скоро и смело: „По крайней мере отличусь тем и не буду рябчик“. Рябчик и арабчик оставались у нас целый вечер на губах.

М. Макаров. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве). „Современник“ 1843, т. 29, стр. 383.

Москва, в доме гр. Бутурлина.

Некто NN прочел детский катрен поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на *о*. А. С. успел только сказать: „ah, mon Dieu!“ и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа: он разглядывал затылки сафьяновых фолиантов и был очень недоволен собой. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: „Поверите ли, этот г. NN так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков“.

М. Макаров. Александр Сергеевич Пушкин в детстве (Из записок о моем знакомстве). „Современник“ 1843, т. 29.

УКАЗАТЕЛЬ

1. Имена личные

2. Произведения Пушкина.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 2 р. 25 к.

Переплет 25 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВ. ИЗД. РСФСР
Москва, Центр, Богоявленский переулок, 4.
Телеф. 2-65-31 и 5-50-80. Ленинград, Ленотгиз,
Проспект 25-го Октября, 28. Телефон 5-34-18.